

СТЕПАН БУГОРКОВ

СОЛДАТКИ

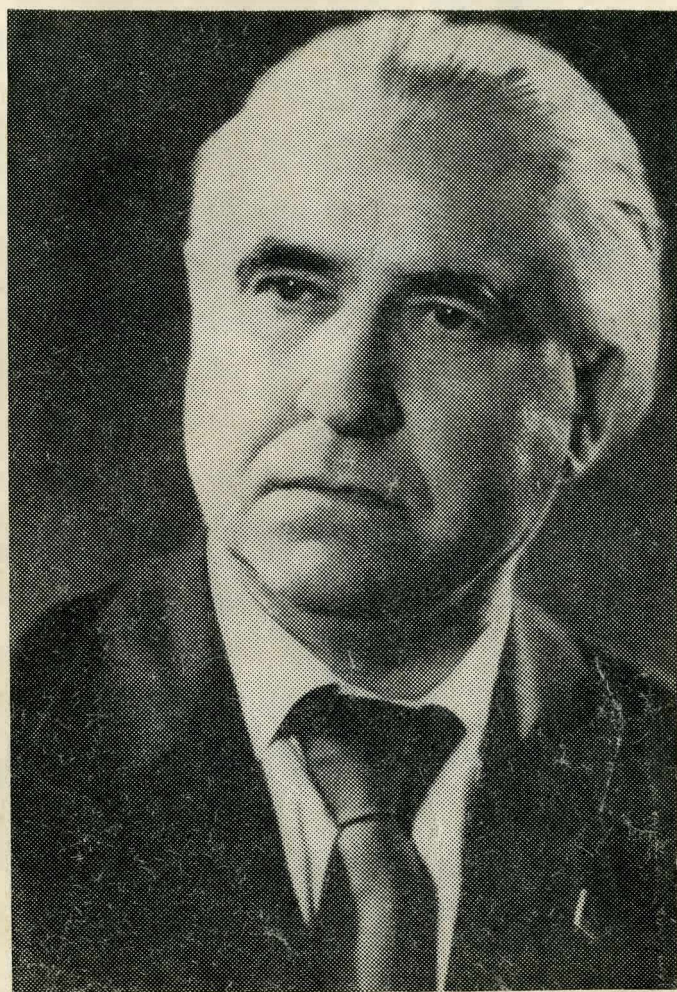

Знамен
Дубовый
с сыпучей
5-11
алт
с 1/2 г

10.1.80

Г

6

15/Ж 22
Эк

СТЕПАН БУГОРКОВ

Солдатки

Роман

Москва
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1979

Степан Бугорков — поэт-лирик, издавший около десяти поэтических сборников и поэм. Но он выступает в литературе и как прозаик (сборники рассказов «Девушка у колодца» и «Лесная девушка»). Роман «Солдатки» — первое крупное прозаическое произведение автора — повествует о судьбах колхозной деревни в дни Великой Отечественной войны, когда вся тяжесть крестьянского труда легла на женские плечи.

Трудное время — нележки и судьбы его героинь, светлой и чистой в своей любви Натальи Бугровой, мятущейся Лизы Никольской.

Автору удастся нарисовать и впечатляющие, милые с детства картины родной природы.

Художник Т. Ф. Елагина

П

Россия без каждого из нас
обойтись может, но никто из нас
без нее не может обойтись.

И. С. Тургенев

1

о склонам глинистых пологих оврагов, выходящих с полей к пересохшему руслу речушки Вечкины, раскинулось село Кременки. Возникло оно в незапамятные времена на месте мордовской деревни Кужендеево, сожженной в дни подавления пугачевского восстания. Нередко и сейчас на усадьбах при вспашке можно увидеть золу, смешанную с битым кирпичом, обломки обуглившихся стен, помутневшие стекляшки нехитрых мордовских бус, изъеденные ржавчиной крутые серпы, двурогие вилы.

Екатерининский граф Меллин, чинивший расправу над взбунтовавшейся мордвой, был крайне удивлен железным упорством жителей деревни. Окруженные царскими войсками, они не хотели сдаваться на милость победителей и, забаррикадировавшись в деревянных курных избах, сжигали себя.

«Это не люди, а кремни», — писал граф в своем донесении Михельсону. С этого дня несколько уцелевших зем-

лянок и домиков во всех сводках и донесениях стали именоваться Кременками. А позднее, когда на поросшие глухой крапивой и седыми допухами пепелища пригнали подмосковных крестьян помещика-крепостника Татищева, село получило то же название.

И то ли от бодрящего лесного воздуха, то ли от воды студеной овражных ключей появились на белый свет в селе здоровые, кремневого склада люди — высокие, плечистые, с гордой осанкой. По своей натуре они были дружелюбны, гостеприимны, делились по нужде с соседом последним куском хлеба. Мужики с юности один на один ходили с рогатиной на медведя. Бабы в курных банях, а то и просто на поле в страдную пору или в лесу при сборе ягод рожали крепко сбитых детей.

В старину на всю Волгу, от Нижнего до Астрахани, славилась артель кременковских бурлаков. Правда, это случалось редко, после недородного лета, когда мужики уходили из дому на сторону подработать лишнюю копейку, чтобы семье было чем харчеваться зимой.

Чаще же кременковцы проводили время на поле и в лесах. Щедрое муромские леса давали все: пушнину, мясо, мед, лыко, грибы, ягоды.

Менялось с годами село. После революции на месте курных изб с позеленевшими соломенными крышами строились пятистенные дома под оцинкованным железом, с резными петухами на коньках, с ярко раскрашенными наличниками. Менялись и люди. И только леса оставались почти такими же, как и встарь.

Они огибали село подковой с юга. Утром солнце встало над Отрезком — стройным высоким березником, знаменитым дровяным местом, днем оно плыло над Боташевой ramenью, заслоняющей горизонт темными копьями елей, а вечером огромный красный диск опускался на зубчатую стену балыковского сосняка, самого грибного места в округе.

Красные корабельные сосны с тягучим мелким звоном раскачивали свои вершины в бездонном небе, а внизу — серебрился мох, припорошенный пожелтевшей хвоей. По низинам резные, просвечивающие насквозь папоротники источали грустный, горьковатый запах, которого не заглушал даже острый дух смолы.

За ровной стеной сосен чудятся берендеевы замки с величественными медно-золотыми колоннами. Чем бли-

же подходишь к ним, тем все дальше и дальше они отступают в глубь бора. Размеренный глухой стук дятла, как дробь сторожевой колотушки, уводит в сказку.

Ближе к полю, у безымянного оврага с холодным, бойко бегущим ручьем, бор неожиданно обрывается и начинается буйное разнолесье с немыслимым гамом и щебетаньем птиц, со звоном пчел, с одуряющим запахом майских ландышей и дягилей.

А выходишь из леса — и сразу во весь окоем зеленое море матушки-ржи, извечной кормилицы здешних мест. Пыльная, с глубокими колеями, дорога, заросшая по обочине подорожником и пахучей ромашкой, выводит на пригорок; а отсюда рукой до села подать.

У усадеб, где дорога входит в поскотину, на холмике высится скособоченный, почерневший от дождей и солнца ветряк с решетчатыми, прогнившими крыльями — Михеева мельница. Рядом — приземистое деревянное здание мангазеи. Сельчане давно хотели разобрать его на дрова, но едва притронулись топором к нижнему венцу, как из него посыпалась труха. Тронули второе, третье бревно — то же самое. Даже на дрова негоже. Махнули на него рукой — пусть стоит, может, когда-нибудь и пригодится.

Улица начинается пятистенным, обшитым тесом домом Бугровых. Два величественных тополя, посаженные под окнами Андреем Бугровым в 1910 году, высоко поднялись над крышей, тесно переплелись ветвями. Под одним из них в морозную февральскую ночь и умер от ран хозяин дома.

Это случилось в тот самый год, когда в России на короткое время установилась власть Керенского.

Андрей Бугров год назад был угнан на войну. Нежданно-негаданно во вьюжную полночь вернулся домой. Каким-то чудом по бездорожью отмахал он за короткий зимний день пятьдесят верст от Арзамаса, обходя окольным путем редкие села, и робко постучал в оконное стекло родного дома. Не зажигая огня, его впустили в темную теплую избу со спертым запахом овчины и моченых лык. Сразу же, то ли от радости, то ли от предчувствия чего-то недоброго, заголосила жена. Отец Андрея — Дмитрий Степанович — в сердцах цыкнул на нее, дрожащими руками засветил каганец и плотно завесил дерюжкой подслеповатые окна.

• Андрей не выходил из дому две недели, скрываясь от людей. Он вернулся в дом дезертиром, без всяких документов.

Тяжелый вороненый наган обильно смазал гусиным салом и, завернув в чистую тряпицу, спрятал в подполье. Морозными ночами он осторожно выходил во двор, ощупью пробирался к дремавшему в конюшне Серку, ласково трепал испуганную лошадь за холку и подносил к ее влажным, обдаваемым горячим дыханьем губам размятую в руках картошку. Лошадь торопливо слизывала с ладони теплые крошки, роняла слюну и вздрагивала. Стосковался Андрей по земле, по крестьянскому труду, ох как стосковался! Теперь бы в лес на легких полозьях, по раннему морозцу, посмотреть синее небо да, набрав полные легкие воздуха, крикнуть самозабвенно: «Эй, эгей!», спугивая с лежки задремавших зайцев. . .

Неожиданно в село нагрянул воинский отряд для поимки дезертиров. Андрея взяли прямо в бане, куда он в субботний вечер ходил мыться. В волостное управление привезли его под конвоем полуодетым. Андрей и не знал, что его погодки Семен Семягин, Яков Дудоров, Тимофей Буртасов и Ванек Румянцев, так же, как и он, бежали с фронта и отсиживались по домам. Невеселой была эта встреча друзей. Хотя они и пробовали шутить меж собой, старались казаться веселыми, но в сердце дрожал холодок испуга от предчувствия неминуемой беды.

Тройка заседала недолго. Приговор был коротким и окончательным: за дезертирство — расстрел.

Родных, толпившихся у окошек здания, не пустили к ним, разогнали по домам, сказав, что арестованных отправят в уезд.

В предрассветную сутемь вывели друзей за село, к старой мангазее, визгливый офицер зачитал при свете скупого фонаря приговор и приказал раздеться до белья.

Раздевались молча, не чувствуя холода. На прощанье крепко обнялись, стали к стене.

Солдаты взяли винтовки наизготовку. Все они были молодые ребята, не нюхавшие пороху. Даже в сумраке было видно, как от волнения дрожат их руки.

Прозвучало короткое «пли». Яркий свет больно ударил Андрея по глазам, что-то тяжелое, горячее стукнуло в плечо, и сразу замутилось сознание. «Это все!» — успел

подумать солдат и тяжело осел у стены на жесткий смерзшийся снег...

Очнулся он от холода и режущей боли в левом плече. Уже почти рассвело. Крепко стиснув зубы, дрожа всем телом, он попытался встать, цепляясь за колючий мох в пазах стены. Непослушное тело опять обмякло. Рядом он увидел безжизненные тела товарищей в исподнем белье.

Напрягая силы, Андрей пополз к родному дому. Он знал, что его опять будут искать, но все-таки хотел домой, к жене, сыну. Как зверь, инстинктивно чувствуя свою смерть, свой конец, он полз в свою берлогу, в родные стены, чтобы умереть там, под иконами в углу, где умирали деды и прадеды.

Опираясь на правую руку, по-пластунски, он медленно продвигался по твердому насту домой. Уже запахло конюшненным навозом, прелью березовых веников и золой у бань.

По тропке у амбара ползти было легче, нога, находя твердый упор, увереннее толкала тело вперед. Никогда он не думал, что путь с конопляников до дома, который он пробегал босоногим мальчонкой за минуту, может быть таким мучительным и длинным. Как стало светло на улице! Уже отчетливо легли от домов и амбаров на снег синие тени. Но почему так безлюдно вокруг и тихо?

Так и не дополз Андрей до родного очага. Утром соседская девушка Фимка, пробираясь тропинкой к колодцу, вначале увидела на снегу алые пятна крови, потом и самого Андрея, лежащего навзничь у заиндевевшего тополя.

...Хоронили расстрелянных на сельском кладбище тихо. Власти не разрешали даже отпевать их, заносить в церковь. Священник отец Василий суетливо, наскоро что-то проговорил над убиенными, прогнусавил «вечную память», взмахнул три раза незажженным кадилом и по-стариковски засеменил к церкви.

После смерти Андрея остались на руках его жены Степаниды старый свекор да годовалый младенец Виктор. А через несколько месяцев родилась у нее дочка Вера.

Виктор рос без отца отчаянным мальчуганом. Большеглазый, худощавый, с сильными длинными ногами и

зорким взглядом, он лучше всех своих сверстников стрелял из рогатки, скакал стремглав в ночное на лошади, безошибочно отыскивал птичьи гнезда. Едва с полей сходили снега, а на припеке, на буграх появлялась молодая зелень, он с ватагой таких же сорванцов уже бегал по оврагам и лесным полянам, отыскивая первые грибы и неприхотливое лакомство деревенских мальчишек — сочные стебли мать-мачехи. В двенадцать лет он знал все лесные заповедные места, где хорошо рождаются грибы, орехи, пахучие плетни дикого хмеля. В двадцать лет он уже считался одним из лучших плотников на селе, и бригадир дядя Иван доверял ему самое ответственное дело при постройке крестьянского дома — ставить косяки в окнах. Такое не каждому поручалось. Здесь требовались верная рука, острый глаз.

К этому времени Виктор вытянулся в широкоплечего, статного парня с черным высоким чубом. И не одна девушка на посиделках, тайком от своих подруг, заглядывалась на него.

А тут еще гармоника пела в его руках, как живая...

2

В тихое воскресное утро Виктор и Наташа проснулись рано. В полураскрытое окно избы буйно вливались свежесть и синева июньского утра. Трехлетняя дочка Светлана сладко причмокивала во сне губенками, ровно посапывая в своей кроватке у стены.

— Спит, котеныш, — кивнул, улыбаясь, в сторону дочери Виктор, — тоже что-нибудь видит во сне...

Он легко поднялся с кровати и в одних трусах неслышно выскочил в дверь. Наталья знала, он побежал в огород заниматься гимнастикой. Эту привычку Виктор принес из армии и ни разу не изменял ей.

Сидя на краю кровати, Наташа надела через голову на ночную рубашку цветную юбку, стянула наскоро в узел тяжелые рассыпавшиеся по плечам косы, мягко ступая, вышла в сени.

В застекленной тесовой пристройке спала золовка Вера. Девушка вчера под выходной поздно вернулась из клуба и сейчас, разметавшись в постели, досматривала

заревые сны. Длинная коса, не расплетенная с вечера, свесилась через подушку на кованный фамильный сундук, стоящий в изголовье кровати. Лицо Веруньки, девичье, нежное, хранило в уголках рта улыбку. Округлые руки, закинутые за голову, туго натягивали на грудях ночную рубашку.

Наталья залюбовалась спящей Верунькой, наклонилась к ее лицу и громко чмокнула в щеку.

— Веруня, проснись и перейди в нашу комнату к Светланке, там вместе и доспите, а нам пора в луга...

— Чего ты? — шепотом переспросила спросонья испуганно девушка.

— Мы с Витей в луга пораньше ходим, а ты додремли в избе со Светланкой. Ты же знаешь, она проснется — плакать станет. Дедушка корову с телком в стадо погнал.

— Я сейчас...

Виктор, обнаженный до пояса, уже плескался под глиняным умывальником на крыльце. Вера, полуодетая, на ходу, притворившись заспанной, изо всех сил звонко шлепнула брата ладонью по влажной спине и быстро юркнула в избу. Виктор резко обернулся, бросил ей вдогонку полные пригоршни воды и с ног до головы окатил шедшую сзади Наталью.

— Тю, ненормальный, — с насмешливым укором проговорила жена, — за что водой окатил?

Виктор поцеловал в мокрую щеку жену.

— Разбери тут — кто прав, кто виноват, — басил он в полутьме сеней, блестя зубами. — Радуйся, что мало попало.

Завтракали накоротке. Выпили по кружке холодного молока с ситним хлебом и тихонько вышли на улицу.

Село уже просыпалось. Пронзительно скрипел колодезный ворот, звякали щеколды ворот и калиток, ласковый женский голос манил заблудшую овцу — «бьяша, бьяша, бьяшенька». Над росными крышами домов, в рассветном безветрии, тянулись к небу синие метелки дымок.

За усадьбами к лесу простиралось ржаное поле. Рожь уже начинала буреть, и внизу у корней кое-где на стеблях появились желтые полосы — признаки начинающегося налива.

Виктор и Наталья шли не спеша полевой дорогой, изредка перекидываясь словами.

— Слышишь, как распелся, — кивнула Наталья в небо, где в лучах восходящего солнца отчаянно заливался жаворонок.

— Легкие разрабатывает, — пошутил Виктор, — не иначе в хор Пятницкого поступать собирается. . .

Перед самым лесом, на широкой росистой поляне с маленькими березками, золотились под солнцем новые срубы. Сразу запахло смолистой сосной.

— К осени склад такой отгрохаем, что любо-дорого смотреть, — сказал Виктор, указывая на срубы. — Вот за лето бревнышки поджарятся, окостенеют, а там и возьмем за них. . .

— Давно бы пора, — промолвила Наталья, срывая на ходу длинную лесную ромашку, — на старом складе все стены прогнили, и если бы не подпорки, давно бы рухнули. . .

Виктор закурил, по-мальчишески перепрыгнул через поваленную колючую елочку и стал отгонять от себя веткой жимолости комаров.

— Вчера председатель сказал, всю нашу строительную бригаду на сенокос пошлет. Просил посмотреть, что творится в лугах.

Луга, о которых говорил Виктор, находились от села верстах в десяти, в пойме неглубокой речушки Сатиса.

Дорога в лесу не утомляет. Здесь нет такого однообразия, как, скажем, в степи или на море, здесь за каждым кустиком открывается новый мир, невиданные картины.

Вот в низине, за толстой липой, приютились кустики ландыша с робкими серебристыми бутончиками запоздлого цвета, чуть подалее на припеке — буйное цветение земляники.

За поворотом, у лесного оврага, роняет свои пахучие, похожие на мотыльков, лепестки отцветающая черемуха, а рядом молодая рябина только что собирается распускать свои скромные цветочки. Над ней наклонился величественный, с обсохшими нижними ветвями старый дуб, весь в шрамах и ожогах. Его кожистые, словно сделанные из латуни листья при порывах ветра сухо шелестят, ударяясь друг о друга.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, когда в просветах деревьев заголубело небо и песчаная боровая дорога привела путников в луга.

— Ух, красотища! — с глубоким вздохом воскликнул Виктор. — Рай земной!..

Над лугами, в утренней росной прохладе плавали запахи черемухи, медвяных трав, лугового клевера, ландышей.

— Э-гей-гей!.. — приложив руки рупором ко рту, сильно крикнул Виктор, и лес, стоящий по ту сторону реки на крутой горе, отозвался протяжным отчетливым эхом.

По еле заметной дороге, почти наугад, Виктор первым зашагал к прошлогоднему двору, где под развесистым вязом чернели старые шалаши. Наталья еле поспевала за ним. Вскоре оба вымокли до пояса.

— Сейчас костер разведем, обсушимся...

— По дрова!

И уже через несколько минут сложенный из сухих жердей прошлогоднего остожья на берегу реки горел почти бездымный костер.

Влажная от росы одежда запарила. Виктор присел на березовый обрубок, вытянул ноги к огню, закурил.

— Ну вот, так мы председателю и скажем: трава в рост — косить пора.

Наталья достала из плетеного лыкового кошеля хлеб, соль, сало, вареную картошку в мундире и принялась все раскладывать на чистом полотенце у костра.

— Эх, жалко, маленькую не захватили, — сокрушенным деланным тоном проговорил Виктор. — Под такой завтрак и по стопочке не мешало бы...

— Воды в реке сколько хочешь, пей досыта, — отшутилась Наталья, а сама лукаво посмотрела на Виктора и, порывшись в кошеле, достала четвертинку водки.

— Догадливая ты, — сказал с улыбкой Виктор. — Вот уж правду говорят люди: не жена, а клад мне достался.

От солнца и костра становилось жарко. Одежда почти высохла.

— Давай перед завтраком искупаемся, — предложил Виктор, — вода, наверное, теплая.

— А что? Искупаемся...

Спрыгнув с песчаного обрыва к воде, Виктор в мгновение ока разделся, зябко поеживаясь, ступил в реку. По зеркальной глади широкой заводи сновали водомерки, над прибрежным тростником крутились разноцветные стрекозы. Изредка у противоположного темного берега всплескивалась рыба, водяные круги удлинялись в сторону протоки и незаметно таяли у берегов.

Пока Наталья раздевалась за серебристым кустом ивняка, Виктор с шумом бултыхнулся в воду, вынырнул на середине заводи и широкими саженками поплыл к противоположному берегу.

— Не смотри! — крикнула ему вдогонку Наталья и, мягко ступая по теплomu песку, по-женски пригнувшись, обнаженная подошла к воде.

Отфыркиваясь от попавшей в нос воды, Виктор придерживался за куст дикой смородины и с того берега любовался залитой солнцем женой.

— А ну тебя! — Наталья, смутившись, махнула рукой, поправила на голове косынку, связывающую тугой венком кос, зябко поеживаясь, зашла по плечи в воду.

— Плыи сюда.

— Не хочу... баловаться начнешь — волосы вымокнут...

— Пальцем не притронусь, ей-ей...

Виктор деланно, размашисто перекрестился и, оттолкнувшись от берега, легко и бесшумно нырнул.

Наталья засмеялась и тихо поплыла вдоль берега по течению.

Прошло мгновение, второе, а Виктор из воды не появлялся. Наталья знала, что он хорошо плавает, умеет далеко нырять, но сейчас почему-то забеспокоилась. Нашулав ногой песчаное дно, она остановилась, оглядывая зеркальную поверхность заводи. Уже разошлись круги на том месте, где скрылся под водой Виктор, а сам он нигде не показывался. Захолонуло под ложечкой. Наталья испуганно оглянулась по сторонам.

— Виктор! — что есть мочи крикнула она, и голос оборвался от тугих спазм, сжавших горло. — Ну где же ты? — шепотом, одним вздохом сказала она в отчаянье, растерянная, не зная, что делать.

Вдруг что-то тупое ударило ее по ногам, жесткие пальцы щекотно схватили за подколенки; через мгновение,

отфыркиваясь и шумно отдуваясь, вынырнул рядом с ней Виктор.

— Ой, Витенька, ну разве так можно...

Он подхватил ее, легкую в воде, на руки и бережно понес на золотистую кромку песка. Мелкие капли воды дрожали, искрились на шелковистой белизне ее тела. Наталья, охватив одной рукой мускулистую шею Виктора, другой ерошила его мокрые волосы и, щурясь от солнца, тихо улыбалась.

— Отвернись, одеваться буду, — сказала она смущенно, когда Виктор опустил ее на белый песок у кустов, где пестрело сброшенное в комок платье.

Маленькая пеночка испуганно выпорхнула из серебристых листьев ивняка и, неровно вспархивая, скрылась за рекой в темном бору. На середине реки шумно плеснулась рыба.

Завтракали у костра, на солнцепеке, где меньше было надоедливых комаров. Виктор нарезал на куски сало, нализывал их на упругий ивовый прут и, крутя, начал поджаривать самодельный шашлык на костре. Сало шипело, плавилось, покрывалось коричневой корочкой. Его тяжелые капли вспыхивали на углях синим пламенем, распространяя вкусный запах.

— Шашлычок что надо, — сказал он, сбрасывая с прута поджаристые кусочки на ломоть духмяного черного хлеба, — пальчики оближешь...

Позавтракали сытно. Виктор задымил папиросой, Наталья, собрав остатки еды в газету, отнесла их в кусты.

— Сейчас пройдемся берегом к соседнему двору, посмотрим, что там творится. Я думаю, травы не хуже.

— Да, давненько таких не было.

Еле заметная тропинка петляла берегом реки. При спуске в неглубокую ложину пришлось пробираться сквозь заросли хмеля и отцветающей черемухи. На пригорке через тропинку скользил маленький ужонок. Виктор наклонился над ним, любясь упругим, гибким телом, мигающим раздвоенным язычком, выскакивающим из острой мордочки. Наталья с детства боялась мышей, лягушек, ящериц, отскочила назад и испуганно наблюдала за присевшим над ужонок Виктором.

— Ну, хватит тебе, — умоляюще крикнула она, — и чего нашел хорошего...

— Тварь ведь, а понимает, где река... К воде стремится.

День разошелся вовсю, ясный, жаркий. Одурающе пахло диким клевером, лесной клубникой, шалфеем, колокольчиками. В высоком небе, над зубчатой стеной леса, величаво парил одинокий ястреб, высматривая себе добычу.

Над плесом у соседнего двора он заметно уменьшил круги и стал постепенно снижаться, держась противоположной, теневой стороны леса. Вдруг в мгновение ока он скользнул к воде, коснулся незастывшей поверхности и тотчас взмыл в воздух, за стену бора, держа в когтистых лапах серебристую трепещущую рыбку.

— Вот стервятник! — вырвалось у Виктора. — Ты смотри, душегуб, уже на рыбу переключился...

Травы и на соседнем дворе оказались отменными. С места прошлогоднего остожья, возвышающегося над лугами, далеко был виден зеленый цветущий ковер, уходящий к краю леса. Вокруг мерно гудели шмели, на все лады стрекотали кузнечики.

Теперь пора и домой...

Виктор, слегка захмелевший, схватил в объятия жену, легко приподнял и закружился с нею на месте.

— Ой, Витенька,пусти, что ты делаешь... уронишь.

От лугов в гору шли просеком, чтобы сократить путь. В бору было светло, сухо, пусто. Серебристая корка мхалишайника пружинила под ногами.

— Витя, а Веруньку-то осенью замуж придется отдавать, — тихо начала Наталья. — Люди говорят, что Сашка Балувев вечерами ни на шаг от нее не отходит, любит очень.

— Уж будто любит! Молод он еще...

— Ее подружки уши мне прожужжали об их любви, зачем же счастьем мешать? Молодость — любви не помеха.

— Пусть сама решает, — проговорил после небольшого раздумья Виктор. — Не глупая.

— А ты, как старший брат, присоветуй... Верунька вчера со мной говорила... Велела разузнать, что ты скажешь. Был бы жив отец — дело другое.

— Скоро вернется мать из города, пусть она с ней и советуется, а что касается меня, то я перечить не стану.

Мать Виктора и Веруньки — глава семьи Степанида — гостила вторую неделю у дальней родственницы в Арзамасе. Дома со дня на день ждали ее приезда.

— Саша парень не плохой, работающий, — продолжал Виктор. — Только задиристый больно, с перцем... Я думаю, перекипит... Сам был такой — понимаю.

— Да уж что и говорить — намучилась в девках от такого характера, — сказала ласково-укоризненным тоном Наталья.

При выходе из леса, на стыке дорог, они встретили соседей — Михаила Майорова с женой Лизой Никольской, не пожелавшей в замужестве сменить свою девичью фамилию. Виктор и Михаил были одногодки, вместе росли, вместе служили в армии. Наталья и Лиза тоже дружили с детства. Соседи возвращались из гостей, от дяди — лесника с Гогинского кордона, и Михаил был изрядно навеселе.

Он взял Наталью под руку, махнув из-за спины на идущих сзади Виктора и Лизу, захмелевшим голосом сказал:

— Давай, Наташа, запоем нашу заветную...

Не дожидаясь ее согласия, фальшивым фальцетом затянул:

Меж крутых бережков
Волга-речка течет...

— Постой, постой, ты не туда заехал, — перебила его с улыбкой Наталья. — Давай вот так. Только слушай меня.

Она плавно, на низких нотах, вывела запев. Михаил, робко подстраиваясь под нее, затянул вполголоса:

... А по ней, по волнам
Легка лодка плывет.

Сильным подголоском подхватила Лиза, и песня легко пошла над полями.

Село встретило их настроженным молчанием. Обычно в этот воскресный полдень уже заливались в разных концах села гармоники и голосистые девушки выводили свои первые запевки. Сейчас вокруг была непривычная тишина, как перед грозой.

У крыльца дома со Светланкой на руках Виктора и

Наталью встретила грустная Верунька. Она опустила девочку на землю, подбежала к брату, припала к его груди, по-детски заплакала. Виктор понял только одно слово: — Война!..

3

На второй день после объявления войны село провожало мобилизованных. Из родни Бугровых на фронт уходили сразу четверо одногодков. Уходил Виктор, его двоюродные братья по матери — Иван и Сергей Пантелеевы, Васек и Егор Белухины.

Родня Бугровых самая большая в селе. В праздничные дни не успевали ходить друг к другу в гости, и торжества всегда затягивались дня на два, на три. Особенно много родственников со стороны матери, Степаниды, из родни Пантелеевых.

Дед — Степан Пантелеев, девяностолетний кряжистый старик с белой окладистой бородой — любил, подвыпивши, похвастаться:

— Глубоко наш пантелеевский род корни в землю пустил, вот и разрослось буйно наше племечко, любо-дорого смотреть.

Старику было чем гордиться. Четверо его сыновей и пять дочерей выросли сильными, красивыми, обзавелись семьями, жили в достатке, пользуясь уважением сельчан. Все они крепко дружили меж собой, что редко бывает в больших семьях на разделе. Братья были высокого роста, с кудреватыми чубами, любили нехитро пошутить, посмеяться. Особенно веселым нравом отличался самый младший из братьев — Павел, любимец всей родни, неугомонный плясун, выдумщик и балагур.

Дочери росли песенницами. Бывало, в праздничные и свадебные дни полсела сходились посмотреть на гулянье да послушать, как поют сестры Пантелеевы.

— Вот еще немного споемся, — шутил Павел Степанович, указывая на сестер, — и махнем на областной смотр... На всю страну прогремим, верьте моему слову. Сам Калинин слушать будет.

В день проводов на фронт все родственники собрались в доме Виктора. Степанида, накануне вернувшаяся из города, всю ночь готовила оладьи, пироги, ватрушки, жареное и отварное мясо.

К десяти часам пришедшие на проводы уселись за длинный стол, накрытый белой скатертью. В красном углу, под божницей, заняли почетные места сваты — деды Степан и Дмитрий, рядом с ними разместились Виктор с братьями Пантелеевыми, вокруг уселись жены, старшие дети, родственники.

Наталья и Верунька расставляли угощение, подавали бутылки с водкой и хмельным квасом.

За окном стоял ясный день. В раскрытые створы влетал тихий шелест тополиной листвы, негромкие голоса мальчишек, толпившихся на завалинке.

Худощавый, большелобый, с лихо закрученными усами старший сын Степана — дядя Николай, изведавший германскую и гражданскую войны, говорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Немец, он любит во всем букву, устав, а ежели чуть что не по уставу — ему крышка, хана, брат... Он и в прошлую войну все норовил по расписанию, по буковке... А его чуть обушком, без правил, так он сразу и ноги протягивать... Жидок он против русских, жила у него не та...

Жена дяди Николая, круглая, румяная, как сдоба, набожная тетка Марья, растягивая губы в ниточку, поддакивала ему:

— В священном писании сказано: кто в землю Хананскую с мечом придет, тот от меча и погибнет...

Налили рюмки. Дед Дмитрий поднялся над столом. Все умолкли.

Дед старческими водянистыми глазами посмотрел куда-то вдаль, в боковое окно, что-то вспомнил, потрогал рукой ворот рубахи и тихо сказал:

— Внуки мои! Долго я прожил на свете, стар стал, плохо вижу, но чую сердцем, что правда за нами. А где правда, там и победа...

— За счастье, за то, чтобы все вернулись назад...

Все выпили. Женщины прослезились, зашмыгали носами. Павел, чтоб разрядить гнетущую атмосферу, решил пошутить:

— Вам, ребята, когда туго придется, то вы, значит... того... носы — вниз, а зад — кверху. Немец увидит вас безголовых, на рожон попрет, тут вы его, миленького, голыми руками и возьмете... Пусть знает наших...

— Будет тебе балагурить, — утихомирила его тетка Марья, — не к месту эти слова...

— Я серьезно говорю...

— Мели, Емеля...

Постепенно то гнетущее чувство, какое бывает в доме только при покойнике и при горьких проводах, улетучивалось. Все захмелили, разговорились. Соседский подросток Петька принес гармонь. Когда-то на вечерках она звенела в руках Виктора. Женился парень — музыка в сторону. Подарил свою гармонь племяннику Петьке и строго наказал: учись так играть, чтобы искры из-под пальцев летели...

Виктор потрогал пальцами клавиши, не раздвигая мехов, по привычке протер верх гармони рукавом и повыше забросил ремень на плечо. Вывел «Сормовскую».

Сормовска больша дорога
Вся слезами улита.
По ней бегают машины
И гуляют рекрута.

Наталья и Анфиса — жена двоюродного брата Ивана, — обнявшись, сидели у края стола и горько, навзрыд плакали. Большелобый, раскрасневшийся от духоты и водки Иван успокаивал жену:

— Ну будя, будя слезы лить. Что вы нас оплакиваете загодя, как покойников! Живы будем — не помрем.

Сам он по-детски шмыгал носом и все время хватался за ворот рубахи, пытаясь расстегнуть тугую пуговицу.

— Ой, господи, и откуда эта проклятая война свалилась на наши головы, — запричитала горько Анфиса, положив на стол потрескавшиеся от полотья желтые руки. — Чтобы сдохнул он, проклятый Гитлер, подавился волчьей костью!

Захмелевшие сваты Дмитрий и Степан, обнявшись в углу, перебивая друг друга, толковали об ушедшей молодости.

— Я когда был кучером у варшавского генерал-губернатора, то меня весь город почитал...

— Знамо дело...

— Бывало, я на тройке выезжал, а за мной мальчишки стаей со всего города гонялись...

— Орел был... Я тебя знаю...

— А однажды со мной такой случай приключился — не приведи бог, — дед Степан тихо засмеялся, тряся головой. — Иду это я в баню вечером, естественно, таз железный несу под рукой. Гололед сильнющий был в ту зиму. Вдруг на пути из-за угла прямо на меня тройка генеральская мчит. А в санках командир дивизии со своей мамзелью сидит, при всех регалиях, — видно, в театр направился. Я, конечно, стал во фронт — честь отдать. Только это я ногой пристукнуть хотел да со всего размаху как подобью себя — и тотчас наземь. Таз выскочил у меня из рук да как затарахтит под ноги лошадей!.. Те, известное дело, спужались — да как рванут в сторону! Кучер, скотина, не сумел их сдержать. Санки от резкого поворота перекувыркнулись, и генерал с мамзелью вывалились прямо на мостовую. У генерала как была рука у козырька, так там и осталась. Сидим мы на мостовой, честь друг другу отдаем, а мамзель в белых юбках путается, раскачивается коромыслом, кружевными панталончиками сверкает. . . Под ружьем пришлось стоять после этого, чуть в арестанты не попал. . .

Старики громко рассмеялись, но в разноголосице их никто не слышал.

Во второй половине дня все мобилизованные собрались на площади у сельсовета, откуда их до города отправляли на автомашинах.

Двадцать два человека уходили в этот день из села.

Звенели, тосковали на свежем июньском ветерке заливные гармоники, надрывно, со слезами, звучали припевки девчат, молодых солдаток. После короткого напутственного слова председателя сельсовета все шумной толпой потянулись за село на Большую дорогу.

. . . Большая дорога.

Издавна она была местом сельских встреч и проводов.

Высоко поднялись и уходят вдаль по ее обочинам кудрявые екатерининские, все в темных шрамах, березы со свисающими до самой ржи зелеными космами. Бежит под ними утоптанная тропинка, окаймленная упорными, жилистыми листьями подорожника, пахучей ромашкой.

Наезженная лошадьми, а в последние годы автомашинами, пропахшая конским пометом, пыльным ветром и

едким дегтем, во все годы уводила она и приводила людей из села и в село. Слезы разлук и встреч падали на жилистый подорожник, грустно шумели старые березы на осеннем ветру, грустно перекликались стаи перелетных грачей.

В морозные январские ночи, блестя голодными зелеными глазами, выходила на дорогу, осторожно оглядываясь, волчья стая. Бездумно уставясь оскаленными мордами в покрасневший от стужи месяц, жадно вдыхая запах недавно прошедшего обоза, звери выводили жуткую песню голода.

...Виктор с трехрядкой на груди, в окружении многочисленной родни, шел впереди. Верунька, то и дело прикладывая к глазам платок, выводила:

Милый в армию уходит.
Буйная головушка.
Остаюсь я одна —
Ни жена, ни вдовушка.

Одногодок Виктора — Ермолай Сенягин, всегда не в меру буйный и драчливый, сейчас по-детски плакал и, целуя жену, пьяно захлебываясь, твердил одно и то же:

— Чует мое сердце, не вернусь я, ей-богу, не вернусь...

Высокий худошавый Антон Сидоров, слывший до этого ярим женоненавистником и упрямым холостяком, шел в обнимку с учительницей Надей Пуховой и, низко склоняясь, бубнил ей в ухо:

— Ты жди меня, слышишь?.. Война — она скоро окончится. Вернусь, сразу же поженимся... Так-то... Жди!..

В двух верстах от села, у Павловских кустов, толпа остановилась. Автомшины, украшенные красными флажками, уже ожидали пассажиров.

И сразу невообразимая суматоха поднялась вокруг. Полетел над полями голосистый женский плач, истощенный крик детей, захолонули людские сердца от предстоящей разлуки.

Дед Степан стоял в окружении родни и, держа на коричневой ладони сухой комочек земли, говорил:

— Внуки мои! Родила вас русская земля. Вот она, многотерпца. Вспоила вас и вскормила... Защищайте ее, многострадальную, дороже ее нет ничего на свете.

Дед Степан прослезился. Прозрачные крупные горо-

шины слез выкатились на морщинистые щеки, засверкали на белой бороде. Степанида забилась в беззвучных рыданиях, припала к груди Виктора, охватила руками его плечи. Наталья прижалась к мужу и свекрови, голосила громко, навзрыд.

Верунька взяла из рук Виктора гармонь и подала ему Светланку. Испуганная девочка вопросительно глядела на людей. Пухленькой ручонкой трепала она волосы отца и готова была тоже расплакаться.

— Прощай, доченька, — Виктор трижды поцеловал Светланку в шелковистую щеку, — жди меня, хорошо?

— Когда дети ждут — счастье будет, — проговорила тихо тетка Марья.

Вместе с братом Виктором Верунька провожала на фронт и своего избранного — Сашку Балуюва.

Машина пронзительно и неожиданно загудела, давая знать, что пора трогаться в путь.

Освободившись от объятий, мобилизованные полезли в кузова. Молодые жены и невесты садились с ними, чтобы проводить до города.

Загудели моторы, распространяя вокруг запах гари, передняя машина резко тронулась с места. И общий вздох, как общий крик, взметнулся к небу:

— Прощайте!

Люди с поднятыми руками остались на дороге, стали уменьшаться, сливаться в завесе пыли в одно пестрое пятно.

Машины убежали в сторону заката.

4

Издавна известно, что горе сближает людей. Женщины рано по утрам сходились у колодцев, делились друг с другом беспокойными снами, узнавали от пастухов сельские новости — кому пришла из военкомата повестка, кто из солдаток получил письмо с фронта.

Колхозники старших возрастов и еще не призванные в армию в ожидании повесток работали за троих, не покладая рук. Без зова бригадиров они приходили на конные дворы затемно, перебрасывались друг с дружкой скупыми словами и, на ходу закуривая, торопливо запрягали лошадей.

С первых же дней в колхозе стало не хватать мужских рабочих рук. Женщины посмелее пошли в ездвые. За ними потянулись подростки, глубокие старики, отсиживавшиеся до этого на теплых завалинках.

Сваты — деды Степан и Дмитрий — в один из сереньких дождливых дней заявили в правление к Михаилу Кузьмичу Балуюеву и настойчиво потребовали, чтобы их определили на работу в хозяйственную бригаду.

— Неча дома сидеть, — заявили они в один голос председателю. — давай, Кузьмич, любую работу, полегоньку потянем.

Насмешник и острослов Семен Буртасов, скаля желтые прокуренные зубы, съязвил:

— Труха из вас, старых, сыпется, а вы туда же, в стахановцы прете. Сидели бы на печи да тараканов гоняли...

— Молчи, кила! — крикнул на него в сердцах дед Степан, обзывая Семена обидным прозвищем, прицепившимся к парню с детства.

— Балабон!

— Ладно, ладно, деды, — заговорил дружелюбно Михаил Кузьмич, сердито поглядев на Семена. — Завтра с утра идите на склад полы перестилать, скоро новый урожай принимать будем...

Завхоз Матвей Горин — краснолицый мужичок с прокуренными зубами — ехидно крикнул из-за тесовой перегородки, где у окна стоял его столик:

— Ох уж эти мне работнички! Одна склака от них будет, как дети малые, будут свой нос во все дырки совать. Успевай оглядываться...

— Не волнуйся, Иваныч, — успокоил его Михаил Кузьмич. — Деды — народ серьезный, понапрасну лихого слова не скажут, а руки у них хоть и слабые, а золотые...

Вечерами молодежь собиралась, как и встарь, на свое любимое место гулянки — Цигорин мост. Сбившись в кружок у подгнивших перил, парни-подростки по-взрослому рассуждали о хозяйственных делах, а девушки, окружив гармониста Петьку, грустно выводили «Страдание». Препрежнего веселья не было.

Утренние и вечерние сводки Информбюро скупко сообщали о тяжелых боях по всему фронту. Дядя Николай узнавал по сводкам знакомые города и населенные пунк-

ты, где ему пришлось воевать с немцами в первую мировую, задумывался и коротко говорил собравшимся у правленья сельчанам:

— Туго нашим приходится... Отступаем...

Все молча смотрели на школьную карту, вывешенную у правления на стенде, на котором раньше писались показатели соревнования бригад. Люди видели зеленые массивы, голубые жилки рек, темно-коричневые извивы гор и старались представить себе, где проходит невидимая черта фронта. Спускался по шатким скрипучим ступеням крыльца председатель колхоза Михаил Кузьмич Балуев, молча переставлял самодельные красные флажки на карте, объяснял обстановку.

— Ты, Михаил Кузьмич, лучше скажи нам — почему наши отходят? — допытывался Тимофей Жижинов, рассудительный и домовитый хозяин, усевшись калачиком на лужайке.

— Догадываюсь я, что врасплох нас фашисты застали, — отвечал Михаил Кузьмич, путешествуя указкой по карте.

С отъездом Виктора в доме Бугровых стало тихо и грустно. Наталья утратила ко всему интерес. Вечерами беззвучно плакала в подушку, скрывая от свекрови и Веруньки свои слезы. Степанида видела, как тяжело переживает сноха разлуку с любимым, старалась окружить ее вниманием, заботой. А Верунька, тоскуя по Саше, сблизилась с Натальей еще больше и ни на шаг от нее не отходила.

Дед Дмитрий, понимая, что все мужские заботы по дому теперь легли на его плечи, как-то распрямился, поободрился, даже в старческой походке появилась легкость. С утра он уходил со своим сватом Степаном на ремонт склада, а вечером, не отдыхая, прибирал во дворе мусор, поправлял прошлогоднее сено на сушилах.

Писем от Виктора все еще не было. Холодный страх закрадывался в сердце Натальи. В светлые июньские ночи, чтобы не разбудить спящую рядом Светланку, она поднималась с постели, босиком, в одной рубашке садилась у раскрытого окна и думала, думала, вспоминая все прошлое до мельчайших черточек... Порой ей казалось, что рядом сидит Виктор, она даже чувствовала его дыхание, слышала биение сердца.

«Где ты, мой ненаглядный, тянешь сейчас нелегкую солдатскую ляжку? Отзовись хоть словечком. Как бы я хотела сейчас очутиться хоть на минуту рядом с тобой, прижать твою головушку к груди, рассказать о своем житье-бытье».

Коротки июньские ночи в средней полосе России. Омытый дождем полумесяц к полуночи уходит за холм у ветряной мельницы, с его заходом становится как будто еще светлее. Остро пахнет в такую пору зацветающей крапивой, укропом с огородных грядок.

Поеживаясь от рассветного холода, Наталья вглядывалась в редеющий сумрак ночи, втайне надеясь услышать торопливые шаги мужа за окном.

Она отыскивала глазами самую яркую звезду, смотрела не мигая на нее, и ей казалось, что Виктор где-то вот так же смотрит на эту холодноватую блестящую точку и их взгляды сходятся на ней. «Посмотри же, посмотри, — шептала она, — видишь, я гляжу и думаю о тебе...»

В первых числах июля все село выезжало на сенокос. Ранним утром бригадир Федор Ботов громко постучал в окно Бугровых.

— Долго спите, тетка Степанида, — раздался его басовитый голос. — Поднимай свою армию, сегодня фронт в лугах открываем...

— Дядя Федя, мы давно готовы, — откликнулась из избы Наталья, — сейчас выходим.

Росное прохладное утро огласилось шумом открываемых калиток, скрипом колодезных вбродов, стуком ведер. Со всех концов села к колхозному гаражу потянулись с граблями на плечах, в ярких юбках, цветных кофточках женщины, девочки-подростки.

Вскоре, обдавая босоногих мальчишек тяжелой от росы пылью, две машины рванулись через поскотину к лесу.

Двор первой бригады был у широкой заводи Сатиса. Здесь, под вязом, у длинных, покрытых свежескошенной травой шалашей, горел костер. Глуховатый дед Трофим уже готовил завтрак косцам. Желто-пегий Шарик с задранном хвостом вертелся у костра, заливаясь радостным лаем, приветствуя подъезжающие автомашины.

Самих косцов, приехавших накануне в луга, не было видно. И лишь по уходящим к лесу ровным рядам свежескошенной травы можно было догадаться, что они где-то там, в конце участка, начинают новый заход.

Но вот они показались из-за зарослей крушины. Первый ряд, как всегда, вел Тимофей Жижинов. Крепкий, присадистый, широко расставив ноги, он легко взмахивал острой литовкой, подрезая сочную траву. Тимофей косил самозабвенно, легко.

Вслед за ним шли Петька Бугров, Николай Степанович, Семен Долин. Наталья помнила, что всегда в прошлые годы за Тимофеем в ряду выступал Виктор. Ей и сейчас на мгновение показалось, что за кустом в голубой рубашке косит он.

Пока косцы проходили первые ряды, женщины сидели без дела. Те, что были постарше, пошли в бор по чернику, другие, разбившись на группки, вели в тени густого вяза немудреные женские разговоры.

После третьего захода косцы решили перекурить. Верунька и Лиза Никольская подошли к Наталье:

— Пойдем к мужикам, пусть поучат косить, привыкать надо, а то скоро всех мужиков на фронт возьмут, что делать будем?

За солдатками пошли к сидящим у черемухи косцам Верунька, Феня Лапшова, Нюра Тишина.

Первой у Тимофея Жижина взяла косу Наталья. Петька стал сзади и, поддерживая ее руки, показывал, как надо водить косой. На первых шагах острый конец все время тыкался в землю.

— Ты на «пятку» жми, — поддерживая обнаженный локоть Натальи, учил Петька. — Вот так, смотри. . . Много травы не захватывай, силы не хватит, не пробьешь. . .

Незаметно он отпустил свои руки, и Наталья, вспоминая от непривычной работы, робко пошла вперед, все увереннее взмахивая косой.

— Спасибо, Петя, — обернувшись, сказала Наталья, утирая вспотевшее лицо. — Без привычки трудно, но научиться можно. . .

Над лугами вставал щедрый на солнце день. Вскоре женщины принялись разбивать тяжелые ряды скошенной травы. Запахло терпким ароматом свежего сена.

Наталья шла следом за Верой, острым черенком грабель ворошила толстый пласт травы. Она вспомнила, что

именно здесь, на сенокосе, впервые приглянулся ей Виктор. До этого она, конечно, знала его, как знают друг друга на селе. Виктор был видным парнем, гармонистом, работающим, непьющим, не одна девушка на него заглядывалась. В то памятное лето Наталье случилось вместе с ним подвозить к стогу копны сена. Было душно, чувствовалось приближение грозы.

В обеденный перерыв после дождя они ушли от шумного двора, дальше от людей, вверх по реке, и там впервые поцеловались.

Сейчас Наталье казалось, что с того дня прошла целая вечность, так все это было далеко.

Из-под ее ног испуганно взметнулась серая пичуга и с жалостным писком скрылась в кустах черемухи. Наталья нагнулась и увидела в толстых стеблях нескошенного конского щавеля у рыхлой песчаной кочки маленькое гнездышко. Желтые, почти голые, птенчики с тонкими пупырчатыми шеями жадно тянули свои головки за край гнезда и жалобно пищали.

— Девочки, гнездо!..

Верунька и Лиза подбежали к Наталье. В кустах поодаль испуганно кричала пичуга.

— В руки не бери, — предупредила Верунька Наталью. — Говорят, если в руки птенца возьмешь, то его мать любить не будет, принимает за чужого и не кормит.

Голоса у птенцов были слабые, писк походил на шипение. Розовые шейки натягивались, как резиновые, и сквозь тонкую кожу отчетливо проглядывали красноватые жилки.

Подошел Петька со жбаном родниковой воды. Наталья заметила вдруг, как он вытянулся за последнее время, раздался в плечах и стал чем-то еле уловимым похож на Виктора.

Разбивая сено, женщины подошли к небольшому озерцу, отделяющему их двор от третьей бригады, и вдруг услышали истошный женский вой. Все умолкли. На соседнем дворе кто-то плакал надсадно, горько, как плачут при тяжелой беде. Наталья тотчас же побежала к соседям узнать, что там случилось. За ней устремились все женщины. Обогнув маленькое озеро, они через мелкий осинник выбежали на стан бригады. Сразу же у кустов увидели группу мужчин и женщин, столпившихся около

сидящей на валке Нины Следковой. В толпе Наталья заметила письмоносца Филиппа Воденина и сразу обо всем догадалась.

Нина, ровесница Натальи, сегодня первая на селе получила похоронную о смерти мужа Тимофея.

Женщина, втянув голову в плечи, уткнув в ладони лицо, медленно раскачиваясь, тягуче голосила:

— Тимошенька, родной, на кого же ты нас покинул?.. Где закрылись твои оченьки ясные?.. Кто проводил тебя в последний путь?..

Наталье стало трудно дышать. Ей показалось, что и бездонное голубое, без единого облачка, небо потускнело, и листва деревьев зашелестела печально и глухо.

По всем бригадам с быстротой молнии разносилась весть о гибели Тимофея Следкова. Отголосок войны, далекой, неясной, долетел сюда, остро и нестерпимо резанул сердца.

Вечером гнетущая лесная тишина вместе с седым туманом нависла над пойменным простором. Наталья, Верунька, Петька лежали у шалаша на сене; чуть поодаль разместились Лиза, Шура Майорова. Николай Степанович колдовал у костра над ухой. Около него суетился дед Трофим, вылавливая большой ложкой мутный пенный навар из котла.

— Идите ужинать, уха готова, — пригласил всех дядя Николай.

— Пусть поостынет немного, вкусней будет... — ответил за всех Тимофей Жижинов. — Что-то есть не очень хочется...

Остро, до головокружения, пахло сеном. Далеко в бору испуганно ухал филин.

— Ой, девоньки, как тоскливо! — протянула Верунька, забрасывая за голову руки. — Точно на поминках...

— Поминки и есть, — тихо сказала Наталья, — вон какое горе свалилось на плечи Нины. Был Тимофей — и не стало его. Вот и до нас война докатилась.

— Где-то наш Витенька сейчас, — горько сказала Верунька, — как бы с ним чего не случилось...

Николай Степанович снял с костра казан с ухой, поставил его у шалаша, чтобы еда остыла.

— Бросьте, девки, грустить. Слезами горю не поможешь, доставайте ложки, есть будем...

После ужина сразу же все пошли спать. Наталья с Верунькой не захотели ночевать в шалаше, легли на свежем сене, под вязом, укрывшись полушубком. Повернувшись спиной к Наталье, Верунька ровно, тихо задышала и вскоре уснула. Наталья закрыла глаза, долго лежала неподвижно, но сон не шел. Она вспомнила, каким веселым и общительным был Тимофей на вечеринках, как он лихо отплясывал «цыганочку» на Цигорином мосту. И ей не верилось, что не стало на свете Тимофея, который так мило и задушевно пел под гармошку Виктора песни.

В лугах было тихо. Молчал старый вяз над головой, закрыв темной шапкой небо. «Тихо, словно в гробу, — подумала Наталья. — Почему я не замечала раньше, что может быть такая гнетущая тишина на свете?»

И она уже не могла определить, то ли во сне, то ли наяву видит своего Виктора, шагающего по пыльной дорожке навстречу клубам черного дыма, застилающего горизонт. Лицо его было серым, покрыто преждевременными морщинами.

— Витенька, ты ли это?!

Она крикнула, как ей показалось, изо всей силы, но на самом деле произнесла эти слова чуть слышно, шепотом, как произносят во сне, едва шевеля губами.

5

Дед Лизы Никольской, Яков, в молодости имел рысистого иноходца, легкий тарантас, сделанный на заказ выксунским кустарем, и слыл лучшим ямщиком в округе.

От Арзамаса до Саровского монастыря шестьдесят верст. Ранним утром на арзамасском приезде дворе забирал он полусонных пассажиров, а к вечеру они уже были в монастыре и слушали малиновый звон колоколов.

Как-то раз весной, когда сошли талые воды и установился колесный путь, прихватил Яков на арзамасском подворье дородную пассажирку, направляющуюся на богомолье, к святым мощам Серафима Саровского. Была

она статна, смугла, черноброва, с иссиня-черными цыганскими глазами. Всю долгую дорогу пассажирка молчала, защищаясь кружевным зонтом от слепящего весеннего солнца.

При выезде из Лихачей — небольшого поселка на середине пути — Яков расправил богатырские плечи, приосанился и вполголоса запел старинную ямщицкую песню.

Голос у него был не сильный, с хрипотцой. Пел он, пригорюнившись, склонив набок голову.

Передохнув на миг, Яков услышал сдержанные рыдания. Обернулся и увидел утопающее в розовом платочке заплаканное лицо пассажирки.

— Горе, наверное, у вас? — спросил он участливым голосом, не зная, что дальше сказать. — Вижу, убиваетесь.

— Мужа я в эту пору год назад схоронила, представился, сердечный, на фоминой неделе. . . — утирая слезы и всхлипывая, проговорила женщина. — Еду святым мощам Саровского Серафима поклониться за упокой души умершего. . .

— Все в деснице божьей, — сказал сокрушенно Яков, проникаясь к ней жалостью. — Бог дал, он и взял. Из земли родившиеся, в землю пойдем.

Разговорились. Женщина утерла заплаканное лицо, успокоилась. Яков не понукал лошадь, словно хотел, чтобы путь этот был дольше обычного.

В полдень у Павловских кустов пассажирка неожиданно предложила сделать остановку, перекусить.

Яков увидел сухую полянку, окруженную голыми будьями орешника, и свернул с дороги.

Нацелив жеребцу на голову полную торбу овса, он помог женщине открыть баульчик. На разостланной скатерти появились пирожки с луком, сыр, икра, яйца, глазированные тульские пряники.

Земля еще отдавала сыростью, и Яков заботливо расстелил для женщины толстую кошму, сняв ее с облучка.

— Не ровен час, простудиться можно без кошмыто, — сказал он, помогая женщине усесться на нее. — Земля еще снегом дышит, все силы вытянуть может. . .

Вот с той поры и завязался в Кременках веселый черноглазый род Никольских.

Старики, помнившие крепкую, стройную казачку с Кубани, утверждали, что Лиза вышла в бабушку и лицом и статью. Круглолицая, с большими живыми глазами, Лиза, казалось, никогда не унывала. В школе училась легко, без особых усилий. После десятого класса, на удивление всему селу, вышла замуж за веселого парня, бригадира плотников Мишку Майорова, хотя до этого дружила со своим сверстником Николаем Беловым и все в селе их уже называли женихом и невестой.

Почему это произошло, никто не мог догадаться. Дружила Лиза с Николаем с самого детства. В начале тридцатых годов они бегали в школу, и было бы все хорошо, но у Николая был один недостаток, который являлся предметом насмешек со стороны всех сельских мальчишек: все лицо, шея, руки его напоминали галчиное яйцо. Видимо, за это падкие на прозвища деревенские ребята и прозвали его Галчонком.

Так его и звали и стар и мал. Особенно досаждала пареньку бойкая девчонка, крепкая, полненькая коротышка Лиза Никольская.

К приземистому длинному зданию сельской школы, стоящему на отлогом бугре, ученики с улицы, где жил Колька, ходили по узкой тропинке через конопляники.

И то ли поджидала Лиза каждое утро паренька, то ли просто случайно они встречались в одну и ту же минуту у старого амбара, паренек уже знал, что обязательно раздается писклявый голос озорной девчонки, выговаривающей обидное до слез слово — «Галчонок».

Добро, если бы эту обидную кличку слышал он один, но ее тотчас же подхватывали идущие сзади гурьбой сверстники, и Николай от злобы и отчаяния выкрикивал в адрес обидчицы такие ругательные слова, за которые ему потом и дома, и в школе здорово попадало.

Обозвав Кольку обидным словом, Лиза, словно подхваченная ветром, убегала в школу, под защиту учителей. Бегала она на удивление быстро, и поймать ее, выместить обиду не так-то было легко.

Но однажды паренек все-таки нагнал зловредную девчонку. Лиза неловко поскользнулась, перепрыгивая через лужицу, и растянулась на скользкой тропинке у школы. На подбежавшего запыхавшегося Кольку она смотрела испуганными глазами. Он стал над ней и занес для удара

кулак. Но девочка вдруг заморгала ресницами, и из глаз ее потекли блестящие слезы. Мальчик увидел, что Лиза не злая, а слабая, беззащитная, и тогда он неожиданно для себя сказал:

— Ну ладно, поднимайся... не буду я тебя бить. Это я так просто бежал за тобой, чтобы напугать... Только ты больше не дразнись, хорошо?

С этого памятного утра все пошло по-другому. Лиза при встрече больше не выкрикивала обидного прозвища, а Коля почему-то с детской нежностью стал думать о ней. Но чем больше он думал, чем ближе хотел подружиться, тем заметнее она сторонилась его — реже попадалась на глаза, а во время шумных перемен почти не выходила из класса.

Так прошел год, потом еще один. В пятнадцать лет Лиза как-то сразу вытянулась и из нескладной коротышки превратилась в сельскую красавицу. Длиннокосая, с туго перетянутой вышитым пояском талией, она легко танцевала, задушевно пела песни.

В десятом классе вдвоем они уходили с танцплощадки к дому, чтобы долго, до третьих петухов, сидеть на скамейке у ворот.

И вдруг случилось то, чего никто не ожидал в селе: через неделю после выпускных экзаменов Лиза вышла замуж за Михаила Майорова. На селе сразу заговорили, что сделала она это в отместку матери Николая тетке Настасье.

Настасья в эту весну не упускала случая, чтобы не посудачить у колодца о поведении Лизы, не позлословить по ее адресу — что, мол, уж больно она набивается к ним, Беловым, в снохи, а сама «крутит любовь» с первым встречным.

На селе слухи распространяются молниеносно. О всех судах и пересудах Настасьи девушка узнавала сразу, плакала и терялась в догадках, почему ее ненавидит Настасья. «И чего я ей плохого сделала, где перешла дорогу?»

Вскоре все прояснилось. Как-то вечером, проходя через конопляники с корзиной белья, Лиза остановилась у огорода Сидоровых передохнуть. Неожиданно услышала разговор, от которого захолонуло сердце.

Говорили мать Николая — Настя — и ее соседка Матрена Сидорова в огороде у рассадника.

— Матрена, какую я новость слышала — умереть можно, — удивленно тянула мать Николая, обращаясь к соседке. — Говорят, Мишка Майоров сватов к Лизе Никольской засылать собирается, в зятя к ним выходит... Думают свадьбу играть на тронцу.

Сквозь зеленую сетку молодого смородинника Лиза видела, как соседка опустила с лестницы и, утирая потное лицо холщовым фартуком, деланно сказала:

— Не говори, Настя! Все село трезвонит об этом... Зачастил Мишка к Никольским. Девке надо школу кончать, к экзаменам готовиться, а она с Мишкой валандается... Правда, парень он неплохой, такого плотника не сыскать в округе, да выпить уж больно любит! — Матрена наклонилась к Насте, доверительно зашептала: — Я тебе и другое скажу: девка за последнее время вертит хвостом направо и налево. То вашему Кольке голову крутит, то намедни с новым бухгалтером на целый вечер в Рузаново на велосипеде укатила. Видать, с жиру бесится без материнского глаза, ветер у нее в голове, одни танцульки на уме, со свекровью ей не ужиться. Одно слово — казачка...

— Мой Колька и думать о ней перестал, — махнула рукой Настя. — Ему учиться надо, в институт пойдет. А такую вертихвостку, прости меня, грешную, и на порог пустить страшно...

— Правда твоя, Настя, чистая правда, — запела соседка, — не пара она твоему Кольке! Ему в науку надо идти, а не семейный хомут на шею носить. Глядишь, в инженеры выйдет, на что ему такая деревенщина нужна!..

Соседка сняла с рассадника решето белесых саженцев капусты и заспешила домой.

Разговор женщин больно резанул по сердцу. Лиза прислонилась к теплой стене бани и заплакала.

На другой день, встретившись с Настасьей один на один у колхозного склада, Лиза в сердцах высказала названной свекрови все, что накопилось на душе. Властелибивая, сварливая Настасья не сдержалась, обозвала ее ветрогонкой, неровней своему сыну. Та в ответ крикнула в лицо опешившей Настасье бог знает какие слова и убежала в слезах.

На зависть Настасье, свадьба Лизы с Михаилом

лучшим колхозным плотником, была шумной, веселой, справлялась всем колхозом. Столы стояли в ограде сельского клуба, под развесистыми, облепленными гудящими пчелами липами. Три баяна сводили с ума самых голосистых песенниц и неутомимых плясунов. Невеста в белой фате улыбалась всем приветливо и ласково.

До войны прожила Лиза с Михаилом два года. Детей почему-то у них не было, и Лиза искренне привязалась к Натальиной Светланке. Не было дня, чтобы она не одаривала девочку то конфетами, то цветным лоскутом материи, то самодельной куклой.

— Ой, Лизка, избалуешь ты мою Светланку, — шуточно укоряла ее Наталья. — Она уже меня, родную мать, забывать начинает, только и ждет тебя с гостинцами.

Николай в ту же осень уехал в лесной институт и даже на каникулы в село не приезжал — видно, не зажила старая рана, а берeditь ее не хотелось.

6

В конце сенокоса к Лизе приехала двоюродная сестра Нина, эвакуированная из Львова, где ее муж был командиром дивизиона в одной из артиллерийских частей. В день ее приезда, к вечеру, у дома Лизы собралось полсела. Всем хотелось услышать рассказ о войне, о том, что творится на передовой, куда ушли мужья, братья, отцы.

Нина сидела на шатких ступенях крыльца в окружении женщин, держа на коленях Светланку, уже успешную подружиться с приезжей тетей. Поодаль, у забора, во главе с дядей Николаем, стояли мужики.

Женщина рассказывала, как ее с мужем ночью разбудил страшный грохот, от которого дрожал весь дом. За окном было светло, как днем. Горели бензиновые цистерны, стоящие в поле за военным городком.

Нина рассказывала медленно, на лице ее отражался ужас пережитого.

Женщины молчали, скорбными глазами смотрели на Нину. Никто не обронил утешительного слова — все зна-

ли, не надо этого делать. Только Лиза погладила ее по голове и ласково, по-матерински сказала:

— Успокойся, Ниночка, все перемелется, все станет на свое место... Еще будет у нас и хорошее...

— Что ж, бабоньки, вместе горе мыкать будем, вместе тяжесть нести... Принимайте в свою семью.

Нина встала на ступеньки перед народом, и все увидели в ней ту деревенскую девчонку, которая вместе с подружками бегала босиком по острой стерне поля, колодила тяжелым вальком белье у студеных ключей, пела песни и плясала в кельях.

Кругом зашумели:

— Вместе так вместе!

— Не бойся, в беде не покинем...

— Своя, не чужая ведь...

Дядя Николай, пробившись сквозь толпу женщин, вежливо откашлялся и предложил:

— Нам, Нина Васильевна, продавец в магазин нужен. Николая Горелова на фронт взяли, а Глашка, его племянница, одно слово — девчонка. Трудно ей еще, а человека подходящего найти не можем. Вы бы с ней вместе и торговали. А к колхозной работе привыкать трудненько вам будет на первых порах.

— Чай, я не с детства в городе росла, к колхозной работе привычна. Все делать могу, что все, то и я...

— А ты соглашайся на магазин! — заговорили женщины. — Грабли и вилы от тебя не убегут...

— Знамо, иди в магазин, — подбодрила Лиза сестру, — грамотная ты и с людьми обходительная... Помнишь, до замужества в ларьке торговала?.. Чай, не забыла, как гири на весы класть. Товару сейчас не больно много в сельмаге, только спички да соль отпускать придется, дело не мудреное...

Долго в этот вечер не расходился народ от крыльца Никольских.

Пришел хромой сторож Влас Долин из сельсовета. Долго усаживался на завалинку, поправляя деревяшку, свернул не торопясь сигарку. Все ждали от него новостей.

— Минск оставили, — сказал он тихо, ни на кого не глядя. — Теперь фашисты на Смоленск целят...

Неожиданная новость всех ошеломила. Мужики умолкли, опустили головы, словно чувствовали себя в чем-то

виноватыми. Бабы испуганно зашептались, прижимаясь плечами друг к другу.

— Прет проклятый немчура, удержу нету! — закашлявшись от едкого самосада, с трудом выдавил Влас.

— Скоро все прояснится, поверьте моему слову, — произнес Петька, — намылим мы шею Гитлерюге...

— Твоими устами да мед пить.

Сельчане расходились от дома Никольских с тяжелыми думами и горькой болью в сердце.

7

В канун жатвы докашивали «Чуру». Так назывались луговые участки в балках и оврагах, выделенные для личного скота колхозников. С самого начала выпаса пастухи строго-настрого охраняли эти участки от поправки. Стада гоняли в лес.

Трава в этом году выросла на редкость буйная, сочная. В обеденную пору солнце щедро сушило сено. Жара была нестерпима. Девки и молодые женщины пошли в ближний лес на порубки за земляничкой. Петька с подрастающими погнался лошадей на водопой к полевому пруду. Назойливые оводы, видно к дождю, роем вились над брыкающимися животными.

— Сильно не гоните, — предупредил голоногую команду дядя Николай, — лошади и так взмокли...

— Все будет в аккурат, дядя Николай, — крикнул Петька, вскакивая на резвого Гнедка, прядящего ушами. — Вперед, чапаевцы!

Лошади быстро вынесли ребят из луговины на извилок в ржаное поле.

До пруда в небольшой балке было рукой подать. Лошади по грудь зашли в воду, пили жадно, долго, большими глотками. Вода была застойная, теплая, пахла тиной и осокой. Желтопузыре тритоны высовывали из воды свои острые, как карандаши, мордочки, подпрыгивали и тотчас же испуганно скрывались.

Петька вошел на песчаную горячую насыпь плотины, сбросил у бучила на подгнившие сваи брюки, разбежавшись, глубоко нырнул. Вихрастая ватага последовала за своим предводителем. Пруд огласился визгом, смехом, звонкими детскими голосами.

Плавать долго не хотелось. Петька вышел из воды и, растянувшись под корявой березой, неожиданно задремал.

Проснулся он, когда над его ухом раздался звонкий голос:

— По коням!

Кричал Степка Морозов, шустрый кривоногий карапуз, придерживая за поводья свою и Петькину лошаадь.

— Уснул, командир? — с ехидцей добавил Степка. — Так можно и победу упустить. . .

Петька накинулся на своего босоногого ординарца:

— Ну, чего кричишь как резаный! Разве не видишь, что твой командир стратегические задачи решает?

— Я думал, ты спишь.

— Думали думки, да оказались во рту у Дуньки. Вы, ребята, поезжайте одни, — сказал Петька, обращаясь к ватаге. — Командиром назначаю начальника штаба Захарку Круглова, а я пешком по балке пойду, на родник загляну.

Подходя к роднику, там, где из замшелого сруба колодца начинался ручей, Петька услышал из-за кустов приглушенное женское повизгивание.

Он осторожно раздвинул густую сетку серебристого ивняка и застыл на месте. На обрывистом берегу ручья сидели Наталья, Вера, Лиза Никольская, полуодетые, с распущенными волосами. Пепельные, с серебристым отливом волосы Натальи рассыпались по круглым плечам, переливались на солнце. Вера, гибкая, смугловатая, расчесывала волосы невестки округлой гребенкой, восхищаясь их густотой и цветом. Лиза ударяла ногой по воде, обдавая подруг брызгами. Верунька вздрагивала, визжала и пряталась за спину Натальи.

Петька бесшумно опустил кусты ивняка.

Отойдя назад вверх по ручью шагов на двадцать, он нарочито сильным голосом затянул:

Славное море — священный Байкал. . .

Женские голоса у ручья смолкли. Петька вернулся и стал выжидать, когда женщины оденутся. Раздвинув кусты, он, к своему удивлению, никого у ручья не обнаружил.

— Девчата, куда вы запропастились?! — крикнул парень бодрым голосом. — Выходите, не бойтесь...

— Петя, это ты? — раздался рядом из кустов голос Веры.

— Кто же еще?

— Мы думали, ребячья орава нагрянула, — ответила девушка и выбежала из зарослей черемухи. За ней вышли улыбающиеся Наталья и Лиза.

Шустрая Лиза подскочила к Петьке, взяла его под руку и закружила вокруг себя.

— Правда, хорошая пара из нас бы получилась?..

— Не смущай его, — сказала укоризненно Наталья, видя, как парень краснеет. — Ему от девчат проходу нет, куда уж тебе!..

Петька покраснел еще сильнее и медленно пошел тропинкой по склону.

— Не обижайся, Петя, — Наталья дотронулась до его плеча, — ты ведь знаешь Лизу, она радикрасного словца...

На повороте Петька пропустил впереди себя женщин. Наталья шла последней. Тропинка проходила среди зарослей орешника, была узкой, и близко друг к другу идти было нельзя — упругие кусты больно били по рукам и лицу.

Наталья ловко увертывалась от гибких ветвей, шла, легко пригибаясь.

— Писем от Виктора долго нет, боюсь, не случилось ли чего... Вчера опять две похоронки пришло — Васька Ботов погиб, а Сергей Анисин без вести пропал.

— Горе, и только, — с отчаянием сказала Вера. — И откуда эта война свалилась на нашу голову!..

— Прут фашисты, как саранча. Ну ничего, захлебнутся скоро, — прищелкнул языком Петька. — Разве хватит у кого-то сил, чтобы победить такую страну как наша!..

Он на ходу сломал тонкую упругую ветку черемухи с начинающими чернеть крупными ягодами, поддал Веруньке. Из-за кустов тропинка вывела их на широкую солнечную поляну. Под густым вязом у склона горы лениво поднимался синеватый дымок костра. У телег в цветных платках и платьях сидели женщины. Кто-то на Петькиной гармошке неумело выводил «Сормовскую». Ребята уже пригнали коней с водопоя. Забившись от зноя и оводов

в кусты, лошади громко фыркали, вертели беспрестанно хвостами.

Издалека по голубому платку в горошек Наталья угадала под вязом свекровь и рядом с ней Светланку. Оборвалось сердце. «Неужели что-то с Виктором? Ой, боже, наверное, похоронка пришла». Ноги сразу сделались тяжелыми, солнечный круг померк.

Обгоняя Петьку и подруг, она рванулась по тропинке к стану. Светланка первой заметила мать, бросилась к ней навстречу, заплетаясь пухлыми ножками по раскиданному сену.

— Мамочка, папа письмо прислал! — долетел до Натальи ее звонкий голос. — Мы с бабушкой принесли его!..

Наталья на мгновение онемела от радости.

Вера подхватила Светланку, посадила на плечи.

— Мы как получили письмо, ужасно обрадовались и прямо сюда... Все бегом, бегом, — бойко лепетала девочка.

Свекровь Степанида, стоя у телеги, держала маленький треугольничек в руках.

— Вот письмо от Витеньки пришло, — сказала она и тихо заплакала, пряча в фартук лицо.

Все окружили Наталью. А она прижала маленький треугольничек к груди, от большого волнения виновато улыбнулась и, сдерживая слезы радости, ушла в письмо, забыв обо всем на свете. Читала быстро, пробегая строчку за строчкой.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, Наталья, Светланка, Вера и дедушка, шлю вам горячий боевой привет и всем низко кланяюсь. Сообщаю, что жив я и здоров, чего желаю и вам.

Пишу письмо во время затишья. Горько смотреть, что делают проклятые фашисты на нашей земле. Вот и сейчас передо мной стоит неубранная пшеница. Урожай в этом году небывалый, как говорят местные жители, а вот только не достанется он людям. Давят его гусеницы танков, топчут солдатские сапоги.

Сообщаю, что всех нас, односельчан, направили на юг. Со мной вместе воюют Алексей Модянов из Рузанова, Ванек Лисенков из Верякушей. Верунька их знает, они вместе учились в Дивеевском педучилище. Наташенька! Часто вспоминаю тебя, твою улыбку, слова. Как поживает

Светланка? Она, наверное, стала уже большая. Поцелуй ее, мою родненькую. Пиши мне чаще. Сообщи, как упрямились вы с сенокосом, запасли ли кормов на зиму? Дядю Николая попросите, чтобы он договорился в лесничестве о дровах на зиму. Веруня, твой Саша мне на днях прислал письмо, он жив и здоров.

Мои дорогие! Далеко мы теперь друг от друга, а сердцем я всегда с вами. Обнимаю, целую всех родных и знакомых. Виктор».

Наталья кончила читать. Перед глазами стоял Виктор. Она почти физически ощущала его рядом с собой, слышала голос, чувствовала дыхание и была сегодня самой счастливой из женщин.

Верунья, прижав Светланку к себе, закружилась с ней, смеясь и плача от радости. Степанида, растроганная, повторяла тетке Марье, жене дяди Николая:

— Вот прислал сыночек письмецо... Обрадовал нас. Жив, значит, целехонек.

Высоко в ослепительно ясном небе тяжелый ястреб делал плавные круги. Петька, стоя возле своей телеги, потянулся было к ружью, но почему-то раздумал и зашагал вверх по склону, к расщепленной грозю черемухе.

8

Узкая проселочная дорога вилась между стенами спелой, с тяжелыми колосьями, ржи. Лошади с трудом тянули телеги по глубоким колеям.

Наталья, раскачиваясь на жесткой телеге, дремала. Сегодня чуть свет все колхозники — мужчины и женщины — выехали на покос ржи. Испокон веку считалось, что косяба — это дело мужское, трудное, не под силу слабому полу. Но поредели в селе мужики, и женщины вызвались сами на уборку хлеба.

С вечера дед Дмитрий долго налаживал косы Наталье и Веруньке. С утра он побывал в лесу, нарубил пучок гибких ореховых прутьев для лучков. Прутья аккуратно выстругал, приделал к рукояткам кос. Рожь надо косить с отвалом, чтобы она ровно, колос к колосу, ложилась в ряды.

Рожь в этом году — любо-дорого смотреть, вымахала в рост человека. Даже у леса, где в былые годы сеяли только клевер, да и то на поправу, ржаные стебли раскачивались на ветру упругие, толстые.

Во главе обоза ехал Петька. В телеге сидели Наталья, Верунька, Лиза Никольская и Шура Майорова. Рядом с телегой шел по обочине дядя Павел, то и дело подтрунивая над Петькой:

— Петро, поднажми на газок да руль крепче придерживай, не то лошадь расщепать может. . .

Петька отмалчивался. Чувствуя за спиной присутствие Натальи, он почему-то стеснялся острить с дядей Павлом.

— Эх, сивка-бурка, вещая каурка, прибавь на пятак ходу, не то упадешь в воду, — крикнул Павел и хлестнул лошадь по крупу тонким кнутиком.

Гнедой лениво помахивал хвостом, но не прибавил шагу.

— Не конь, а чудовище. Таких только в колесницу Ильи-пророка запрягать!

Телега неожиданно высоко подпрыгнула, закачалась. Женщины схватились друг за дружку, чтобы не упасть. Зазвенели косы.

— Вчера Проньку Саушкина, Митяя Федина и Сергея Долина призвали, — сказала Лиза. — А мы их уже стариками считали.

— Скоро и до нас очередь дойдет, — вставил дядя Павел, — только мы наверняка с Петькой вместе пойдем добывать немчуру поганую. . . Так, что ли, Петро?

Петька опять не ответил (дядя Павел затронул болезненную струнку: парень давно собирался пойти добровольцем на фронт).

Приехав на участок, быстро распрягли лошадей, отвели их на опушку березника пасться в тени.

Женщины сошлись кругом возле дяди Николая, исполнявшего обязанности бригадира.

— Перво-наперво, женщины, не спешите, — заговорил он. — Рожь надо косить не плотно у земли, как, скажем, траву или клевер, а повыше, чтобы стерня оставалась высокою. Косу держите на весу и не заносите далеко вперед лезвие. . . Не то и силенки раньше времени утратите, и косу сломаете. . . Смотрите, как надо! . .

Он расставил ноги, чуть выставив вперед правую ступню, легко взмахнул косой и упругим лучком ровно положил на землю хрустнувшие под косой стебли.

— Тяжесть тела должна приходиться на левую ногу, туловище держите ровнее, не сгибаясь.

— Дай-ка я попробую... — попросила первой Наталья.

— Одна попробовала, да родила, — отшутился дядя Павел.

— Молчи, охальник! — укорил его дядя Николай. — Тебе бы только хиханьки да хаханьки.

— Ну и войско у тебя, братан, — не унимался дядя Павел, — так сказать, беспортошная команда...

— Вот мы тебе покажем!

— Скалозуб!

Женщины угрожающе двинулись на Павла.

— Бабоньки, сдаюсь! — он поднял вверх руки. — Ваша взяла.

Наталья взмахнула косой. Тонкий конец лезвия воткнулся в землю.

— А ты вот так развернись, правую руку подальше откинь, — поучал дядя Николай, придерживая косу. — Не спеши замахиваться... не торопись. Вот так, мягче... еще раз.

Раза три-четыре он сделал замахы вместе с Натальей, а потом отпустил свои руки, и она стала сама срезать стебли ржи, с каждым взмахом все увереннее.

Немилосердно палило солнце. Пот, скатываясь со лба, щипал глаза. Коса становилась тяжелой, непослушной. С каждым шагом все острее ощущалась боль в пояснице.

В полдень на поле прибыл председатель Михаил Кузьмич с завхозом Матвеем Гориным. Вскоре приехала бочка с водой.

— Испортит нам дождичек всю косьбу, — проговорил дядя Николай, поглядывая на надвигающуюся тучу. — Шабаш, ребята, хватит косить! Лучше колос на корню оставить, чем в рядах будет мокнуть...

От леса потянуло прохладой, стало легче дышать. Косцы медленно сходились к телегам у берез.

В полуверсте среди поля высился шатер крытого тока.

— А что, ребята, добежим до тока, там дождь переждем, — предложил Петька.

— И мы с вами, — попросилась Лиза.

Она бросила косу на скошенную рожь и первой побегала по кочковатому болотистому лугу. За ней вдогонку устремилась вся молодежь. Бежали шумно, подталкивая друг друга.

Длинная ослепительная молния заставила всех присесть. Тотчас же над головой раздался оглушительный треск. Лиза вскрикнула от испуга, зацепилась ногой за пенек, кубарем покатила в траву.

Дождь, редкий, крупный, посыпался шумно, торопливо. Тяжелые капли больно ударяли по головам, спинам. И уже почти у самого тока обрушился на них ливень. Это были не отдельные струи, а сплошной поток воды. В одно мгновение все промокло до нитки. Когда вбежали под навес и взглянули друг на друга, рассмеялись. Рубашки и платья прилипли к телу. Женщины укрылись от парней за прошлогоднюю копну в углу тока, принялись выкручивать подолы платьев, платки.

Вскоре они вышли из-за копны, поправляя на головах мокрые косынки. Наталья посмотрела на Петьку и ласково улыбнулась. Высокий, плотный, с угловатыми юношескими движениями, парень напоминал ей Виктора, того юного, застенчивого, которого она в первый раз и на всю жизнь полюбила. Даже в разлете густых бровей, низко нависавших над глубокими глазами, в непокорном, свисающем на высокий лоб чубе было у Петьки что-то родственное с Виктором.

А дождь ярился вовсю. Скоро по утрамбованному току с наветренной стороны потекли мутные ручьи. Сквозняк, продувавший ток, охлаждал разгоряченные тела. Пахло прошлогодней соломой, мышами, дождем. Синяя лента молнии ослепила всех. Раздался сиплый треск, словно в небе драли древесину, затем громовые валы, обгоняя друг друга, побежали вдаль за дождем, растворяясь в его шуме. Наталья и Верунька испуганно прижалась к Петьке. Кто-то из мальчишек невольно вскрикнул и присел.

— Вот это бьет! — восхищенно сказал Петька. — Люблю грозу в начале мая. . .

— На войне, наверное, не так ахает, — вмешался веснушчатый белесый Санек Лезин, парень лет четырнадцати. — Там как бабахнет — держись! . .

Опять над головой раздалось грохочущее «трах! тах! тах!», и Санек, не докончив, умолк испуганно.

— Гроза подходящая, давненько такой не бывало, — сказал Петька, чтобы как-то ободрить испуганных женщин. — Наши там под телегами вконец размокнут...

Стояли молча, глядя на мутную завесу дождя и всякий раз приседая при резких ударах грома.

Но вот плотная стена дождя стала редеть. Сквозь нее мутно, как на фотопластинке, проступали темные гребни леса. Гром укатывался вместе с дождем на село. Вскоре над лесом показался кусочек голубого неба. Все возбужденно, шумно заговорили:

— Гляньте, девчата, какую гулю Лиза себе на лбу набила.

— Вот это груша!..

— Шура Майорова платье об кусты разорвала, теперь и домой не в чем идти.

— Лопуховым листком прикроется. Вон их сколько у тока растет.

— Молчите, охальники!..

— Кому хиханьки да хаханьки, а кому и слезы...

Выталкивая друг друга из-под крыши на поредевший дождь, парни и девчата шумно завозились, раскричались.

В скоплении рыхлых обезвоженных туч показались голубые окошечки. По полю побежали солнечные пятна, еще острее запахла спелая рожь.

Когда вернулись к телегам, дядя Павел шутил:

— Это вас, бабоньки, дождик обмыл на счастье. Увидал Илья-пророк из своей колесницы, что вы за мужское дело взялись, и начал купать на счастье... Мол, не робейте, носы не вешайте, все в аккурате будет.

Дядя Николай, прищутив глаза, пристально вглядывался в небо.

— Ну, сегодня наработались, — сказал он, закуривая. — Пока ветер рожь не обсушит, о косье и думать нечего. Вон опять парить начинает, как бы к вечеру не собралось... Шабаш, ребята, по домам!

Подростки, как по команде, врассыпную бросились к березнику за лошадьми. Женщины, чтобы не терять время, уложили косы в телеги и пошли гурьбой к дороге.

Шли напрямик по влажной стерне, перешагивая через ряды прибитых дождем колосьев. Августовское солнце

хотя и сошло с полудня, палило нещадно. Влажный воздух был тяжелым, удушливым.

Наталья, Верунька и Лиза первыми вышли на дорогу, разулись и зашагали босиком по холодноватой травяной обочине. Глубокие колеи проселка были наполнены желтоватой глинистой жижей.

— Не скоро мы так с уборкой управимся, — сказала грустно Верунька. — Рожь вон какая, а мы, бабы, разве косим? Мужики три захода делают, а мы за это время один.

— Ребра с непривычки ломит, — ворчала Лиза, — и поясницу согнуть нельзя, словно аршин проглотила.

До села было рукой подать. С пригорка от Кучеровой балки отчетливо проглядывались темные шапки ветел, крыши домов. Наталья, оглянувшись, увидела растянутую по дороге цепочку идущих женщин. Девчата и молодые солдатки шли рядом, пожилые женщины, поджидая подводы, тянулись далеко позади.

Глухой громовой раскат прокатился по округе, сотрясая землю.

— Опять дождь будет, — проговорила Наталья, — парит как в бане.

— При такой погоде тяжеленько придется, до осени вряд ли с уборкой управимся, — невесело протянула Верунька.

— Ничего, девоньки! — сказала решительно Наталья. — Нашим на фронте потруднее, и то они руки не опускают...

9

Трудная в этом году выдалась страдная пора. Задолго до первой зорьки выходили косцы в поле и возвращались затемно. Косили без обеденных перерывов, а часто и без перекура. Ночами, в белесой мгле, скошенную рожь увязывали в снопы и скирдовали почти на ошупь.

Почернели от солнца и ветра лица, обострились скулы, потрескались губы. Женщины не узнавали себя и, глядя друг на друга, невесело шутили:

— Смотри, Наташа почернела, как галка...

— Вон Лиза весь жир сбросила. Вернется Мишка, не узнает свою благоверную...

— Все сплещем за счет фронта!..

Село жило страдой. Рожь созрела сразу на всех участках — и на «барском поле», и у леса. Тяжелые полновесные колосья раскачивались под ветром на высоких упругих стеблях. В поле вышли и стар и мал. Михаил Кузьмич с утра до вечера не слезал с коня, метался по полю от бригады к бригаде.

Не успели окончить косовицу, начали обмолот скошенной ржи. Из МТС с трудом, на чихающем тракторе, Гриша Пухов привез молотилку на ток, к Павловским кустам. Больше полдня ее устанавливали, налаживали. Но когда дядя Николай бросил в зубцы первый распотрошенный сноп, она натужно загудела и умолкла.

Пришлось вызывать механика из МТС. Тот прибыл только на второй день к полудню, злой как черт, с воспаленными бессонницей глазами. Кинул в сердцах Михаилу Кузьмичу:

— Мотаюся как угорелый из колхоза в колхоз, — там неполадки, там поломка... И выспаться некогда!

Молотилку наладил быстро. Сам послал в зубчатую пасть первый сноп. Спрыгнул с мостков и, хлопнув на прощанье Михаила Кузьмича по плечу, умчался на фыркающем мотоцикле в соседний рузановский колхоз.

В пятницу, в ненастный вечер, председатель позвал в правление комсорга Валу Тишину и Петьку Бугрова. Надо было провести комсомольский воскресник по уборке урожая, а заработок отдать в фонд обороны.

Поднявшись по расшатанным ступеням крыльца, комсомольцы увидели Михаила Кузьмича спящим за столом. Намаявшись с утра поездкой по бригадам, он сладко посапывал, положив голову на скрещенные руки.

Петька с Валею застыли на пороге. А Михаил Кузьмич словно только их и ждал, вскинул голову, провел ладонью по лбу и заспанным голосом произнес:

— Задремал немного... Присаживайтесь.

Он зажег семилинейную лампу. Налил в стакан из графина воды. Напился и протянул Петьке «Комсомольскую правду»:

— Вот, почитайте.

Комсомольцы уткнулись в газету. Председатель вышел из-за стола, заходил по кабинету.

— Ну, как комсомол смотрит на это хорошее дело? — спросил он у Петьки и Вали, когда они закончили читать Постановление ЦК ВЛКСМ о комсомольских воскресниках.

Сразу же договорились завтра вечером собрать всю молодежь на собрание.

В субботу, попарившись в бане, напившись чаю, в своей неизменной синей косоворотке, подпоясанной узеньким ремешком, направился к клубу дядя Николай — покалякать кой с кем, послушать новости с фронта.

Вечер после дождя был тихий, теплый, с густым медовым запахом лип, с золотистыми горами облаков на закатном небе.

Возле клуба уже стояли Степан Долин, известный на всю округу портной, с деревяшкой вместо левой ноги. Он слыл на селе шутником и даже при серьезном разговоре почему-то всегда улыбался, показывая розовые беззубые десны. К нему подошли из-за церкви Тимофей Жижин, Наталья, Лиза.

На площадке возле клуба было многолюдно, толпились парни и девушки. Петька сидел на ступеньках крыльца с гармонью и играл вальс «На сопках Маньчжурии».

Дядя Николай спросил, подойдя, у Жижинова:

— Чего это сгрудилась молодежь?

— Да воскресник затеяли, — сказал Тимофей, закуривая. — Что заработают — в фонд обороны. . .

— Пойти послушать, что говорить будут.

Дядя Николай ушел. Все остальные смотрели, как открывали собрание, как Петька читал газету и говорил какую-то речь.

За ним на крыльцо, служившее вместо трибуны, один за другим поднимались девчата и парни. Последним, к большому удивлению, на ступеньки взобрался дядя Николай и тоже стал держать речь. Говорил он недолго, вернулся к своим старикам и, вынув кисет, стал закуривать.

— Об чем это ты выступал там, оратор? — открывая в беззубой улыбке голые десны, спросил его Долин.

— А как же! Кричат там, шумят: «Мы, мы!» А я им: «А что же вы нас, стариков, и за людей не считаете?»

Завтра и мы вместе с вами на этот воскресник пойдем!..»

Наталья и Лиза тоже направились к молодежи.

Там еще долго шумели, не расходились. Девушки и молодые солдаты, не слушая друг друга, наперебой говорили о том, как лучше создать молодежные звенья. Парни сразу же отошли от крыльца и, сбившись в круг, затягиваясь одной папиросой на пятерых, хозяйственно обсуждали, на каком клину начинать первый воскресник.

В эту ночь из правления, от председателя, Петька и Валя вышли поздно.

Село спало, нигде ни звука, ни огонька. У Валиного дома остановились. Девушка задержала Петькину руку в своей.

— Петя, заходи почаще в библиотеку, скучно вечерами одной.

— Хорошо, Валюша, — пообещал он девушке и, пожав руку, зашагал к дому.

На бревнах, у избы Никольских, заметил сидящих Наталью, Лизу и Веруньку. Петька вышел из-за угла избы так неожиданно, что Лиза испуганно вскрикнула:

— Ой, Петя, напугал ты нас до смерти!

— Тебя напугаешь, — отшутился Петька, — разве только лешим...

Он присел на сосновые бревна рядом с Верунькой.

— Петя, где завтра воскресник будем начинать? — спросила Наталья.

— Снопы будем вязать у Павловских кустов... Там рожь давно скошена, прорастать начинает от дождей.

Долго сидели молча. Светлая ночь висела над тихим селом. Тени от домов через улицу протянулись густыми черными полосами. Развесистые шапки тополей казались половинчатыми — сторона, обращенная к луне, светилась серебряным блеском, другая утопала в тени. Пахло смолой бревен, влажным сеном от стоящей рядом копны.

Наутро Петька проснулся рано. Мать будить не стал. Не зажигая лампы, нашел в полутьме чулана крынку молока, сдобную лепешку, наскоро перекусил и, выйдя из дому, зашагал через огороды на конный двор. От пруда

плыла прохлада. Ноги в стоптанных брезентовых тапочках холодила роса.

Дядя Павел, недавно занявший место конюха, крепко спал на топчане в тесной, душной избенке. Он не услышал, как скрипнула дверь и как вошел Петька.

Наконец-то парню представился случай отомстить ему за все насмешки над собой. Он на цыпочках подкрался к похрапывающему Павлу, мгновение над ним постоял и, наклонившись над ухом, испуганным шепотом произнес:

— Пожар!..

— Что? Где?! — вскочил дядя Павел и кинулся к двери.

Петька расхохотался.

Павел опешил. Протирая кулаком глаза, обиженно сказал:

— Тю, скаженный! Так с испугу и концы отдать можно...

Он достал с печки кисет с махрой, завернул длинную сигарку, ловко высек огнивом искру.

— За своим ненаглядным пришел?

— За ним. В поле ехать надо.

— Он, наверное, еще заревой сон досматривает. — Павел глубоко затынулся, издавая губами свистящий звук. — Вчера его еле в конюшню загнали. Улегся между двумя Сидоровыми амбарами, а встать не может, узкое место там... Встанет на передние ноги — все хорошо, а как начнет вскидывать круп, о стенку — грох и опять в пыль... Еле вытащил его оттуда.

Петька улыбнулся. Он вспомнил, как прошлой осенью, когда рыли картошку, Виктор послал его за Мухтаром, сладко разлегшимся на зеленой отаве луга. Петька легко накинул уздечку на лежавшую лошадь и тотчас же сел на нее верхом, свистнул. Мухтар, поднявшись на передние ноги, резко вскинул круп, и Петька, перелетев через голову лошади, в одно мгновение очутился на земле.

Сейчас Мухтар, положив голову на коновязь, дремал стоя. На приветствие Петьки он даже ухом не повел.

— Притворяешься, негодник, — похлопал Мухтара по шее Петька. — Ничего, сейчас твой сон как рукой снимет... Дядя Павел, оборотай его и к телеге выведи, а я сбрую вынесу.

Заскрипели двери, лошади задвигались, испуганно захрапели. В соседнем стойле голосисто заржал молодой жеребенок и тотчас умолк, тычась розоватыми ноздрями в теплый пах матери.

...Взмахнув кнутом над головой, Петька тихо тронулся на Мухтаре к правлению через луг. Все ребята были уже в сборе.

— Ребята, девчата, грузите свои торбины с провиантом в телегу! — крикнул он, придерживая Мухтара. — Ты, Серега, — обратился он к веснушчатому, с сонным личиком мальчику, — привезешь все хозяйство к Павловским кустам, а мы пойдем через поповы луга, напрямиком.

Снопы начали вязать от оврага и сразу же ставить в суслоны. Работа спорилась. А из села на поле прибывали все новые люди. Вот уже встали в начале нового ряда валков дядя Николай, тетка Марья, ближе к оврагу — Наталья, Лиза, Верунька.

Перед обеденным перерывом в запыленной, разбитой эмке на поле приехали секретарь райкома Николай Иванович Стешов, Михаил Кузьмич и завхоз Матвей Горин.

Михаил Кузьмич был одним из немногих мужчин, кого не взяли на фронт по состоянию здоровья. В тридцатом году, в коллективизацию, с комсомольцем-активистом Михаилом Балуевым жестоко расправились кулаки, подкараулили у леса темной зимней ночью, когда он возвращался из района, ударили тяжелым шкворнем по голове и бросили в заснеженных кустах.

Нашли его случайно, полуживого, окоченевшего, алмасовские мужики, шедшие с рудным обозом.

Всю зиму и весну пролежал он в Осиновской больнице. Рана на голове зажила, зажили и обмороженные на ногах и руках пальцы, а вот туберкулез, начавшийся после простуды в легких, с трудом поддавался лечению.

Когда Михаил немного поправился, встал на ноги, его сразу же, несмотря на молодость, избрали председателем колхоза. И с тех пор он занимал эту должность.

Трудные годы были. Несколько раз по молодости отказывался на выборах, делал самоотвод, но куда там! —

сельчане и слушать не хотели, а начальство в районе и подавно. «Ты организовал артель, поставил на ноги, довел до ума, тебе и быть годовой. Умел начинать, умеи и продолжать».

В кременковском колхозе насчитывалось семь бригад. Хозяйство было большое. Кроме пяти с половиной тысяч гектаров пахотной земли были еще огромные выпасные луга. В каждой бригаде — свой конный двор с полсотней лошадей, склад с зерном, кузница.

До образования колхоза каждая улица имела свой земельный надел: бобыли — у леса, боташевцы — на Кардеманах, уличные — на дальнем поле. Лучше всех земли были у новодеревенцев на бывшей барщине — чернозем без супеска и суглинка. В урожайные годы здесь снимали по сто двадцать пудов с десятины, а у леса и на Кардеманах — по девяносто. До колхоза новодеревенцы задавались, считая бобылей и уличных за лодырей и сермяжников.

В колхозе все стало по-иному. Земля и луга обобществились, лошади на конных дворах перемешались. Боташевцы стали работать на полях новодеревенцев, бригада же с Бобылихи косила боташевские луга.

В урожайном тридцать шестом году дела в колхозе круто пошли в гору. На трудодень дали по три килограмма зерна, почти по десять килограммов картофеля, много свеклы, капусты, меда. В том же году были построены пекарня, локомотивная мельница, просорушка. Колхозники стали возводить добротные пятистенные дома под железными крышами, с резными, ярко раскрашенными наличниками.

И вдруг в трудном, неурожайном тридцать седьмом году Михаила Кузьмича неожиданно сняли с должности председателя. Причиной послужил непонятный падеж скота на колхозной ферме. В жарком августе околело почти до половины дойных коров и молодняка. Такая же беда захватила и соседние колхозы. Районный ветеринар метался с фермы на ферму, а отыскать причины падежа не смог. Следствие велось долго. Михаила Кузьмича хотели отдать под суд, но ограничились строгим выговором.

Балуев ушел в лесхоз, работал там год прорабом. Но душа все время тянулась в родной колхоз. Не выдержал, вернулся.

Возвратился — а в колхозе разброд, неурядица. Хозяйство было похоже на разворошенный муравейник. На трудодень почти ничего не дали, мужики кинулись в лесхоз, на отхожий промысел, за длинным рублем.

Сельчане обрадовались, что Михаил вновь вернулся домой. «Этот наведет порядок... Заживем как прежде», — думали они. Но Михаил, как только его опять избрали председателем, лег в больницу. Потянулась долгая и нудная зима. Весной, когда прошли полые воды, ему полегчало. Не думая о здоровье, он с головой ушел в хозяйственные дела. Приходилось начинать почти все заново. Мужики с лесозавода стали возвращаться домой. Артель постепенно крепла. Да и сам Михаил поздоровел.

..Когда Михаил Кузьмич вместе с секретарем райкома Стешовым и завхозом приехали на поле, Петька с Валей Тишиной, заметив начальство, подбежали к автомашине, степенно поздоровались, представились.

— Это твой стих был напечатан в районной газете? — осведомился у Петьки секретарь райкома. — Читал, читал, густо написано. Спросил я у нашей редакторши, что, мол, это у нас за новый Пушкин объявился, а она в ответ: в Кременках есть такой, Петром Бугровым величают. Ну что ж, рад познакомиться...

Секретарь улыбнулся, прищурив пыльные ресницы, и протянул Петьке руку. Был секретарь невысокого роста, плотен, на бритой голове туго сидел выцветший от солнца и дождей форменный картуз. Воспаленные от бессонницы и ветра белки глаз изборождены красными прожилками.

Колхозники собрались на поляне. Забрав из-под телеги узелки с едой, усаживались поближе к автомашине. Всем хотелось послушать, что скажет районное начальство.

Стешов подошел к телеге, увидел внимательные настороженные взгляды людей. В глазах их стыла надежда, что, может быть, он наконец-то привез и скажет сейчас те самые вести, которых они так ждали с первого дня войны. Хотелось ободрить, утешить людей, заронить в их души окрыляющие слова надежды. Но обстановка на фронте была настолько тяжелой, складывающейся не в нашу пользу, что трудно было найти такие слова.

— Дорогие товарищи! — начал он дрогнувшим голосом. — Должен вам сообщить, что обстановка на фронте на сегодняшний день остается тяжелой. На юге нашими войсками оставлена Белая Церковь и гитлеровцы вплотную подошли к Киеву. На севере они, не считаясь с потерями, пытаются окружить Ленинград. А в центре России по старой Смоленской дороге рвутся к Москве. Красная Армия бьет фашистов, но они все лезут и лезут. Тяжело приходится нашим...

Знойная тишина висела над ржаным полем.

— Ой, господи! — не удержалась вдруг тетка Марья, жена дяди Николая, концом платка утирая слезы со щек. — Что же это будет?

И словно по ее команде, женщины заговорили шумно, вразнобой. Ольга Пухова, длинноногая, с неестественно ярким румянцем на щеках сельская красавица, испуганно зататорила:

— Что будем делать-то, бабоньки, если фашист вдруг и сюда придет? Ума не приложу...

— Бить будем их, супостатов проклятых! — ответила ей тихая Авдотья Морозова. — Лупить их и в хвост и в гриву!

Переждав, пока люди уgomонятся, затянувшись наскоро папироской, Стешов поднял руку.

Все сразу утихло.

— Чтобы Красная Армия смертельно громила фашистов, надо, чтобы каждый ее боец был хорошо накормлен, одет, обут. А кто снабжает фронт продовольствием? Вы, солдатские жены, матери, сестры...

Стешов начал рассказывать о трудностях в районе. Особенно не хватало сейчас в колхозах рабочих рук. Шутка ли, ведь почти две трети мужчин, самых здоровых и сильных, были взяты на фронт по первой мобилизации. Да и теперь не проходит дня, чтобы военкомат не отправлял на фронт людей, оставляемых по брони. А как обстоит дело с техникой? Из шестидесяти приобретенных колхозами грузовиков более сорока взяты для нужд армии. Кроме того, сотни лошадей, несколько десятков тракторов...

Колхозники слушали молча, не шелхнувшись. Жаркое солнце нещадно палило открытые головы, но никто не искал спасительной тени.

...Люди долго не отпускали Стешова, засыпая его вопросами. Но хоть вопросов было и много, почти все они сводились к тому, когда наша Красная Армия перейдет в наступление, погонит фашистов с родной земли.

В этот день до глубоких сумерек работали люди в поле. Возвращались домой в темноте. Низко над лесом висела луна, заливая сжатое поле зеленоватым светом. Выстроенные рядами сулоны напоминали идущих в атаку солдат.

Петька с группой сверстников, оставив Мухтара на дядю Николая, шел впереди. Когда поднялись на бугор к большаку, все увидели на северном крае неба большое зарево. Так иногда в сырые весенние ночи над селом всходила луна, заливая полнеба тревожным багряным светом.

Ребята остановились. Что бы это могло означать?
Гитлеровцы бомбили Горький.

10

В субботу, к полудню, был скошен последний участок озимой пшеницы, и косцы вернулись домой раньше обычного. К вечеру белесые дымки закружились у пруда над банями. Бани по всей округе топились по-черному, вытяжных труб не было, дым вываливался из открытых дверей, обволакивая крыши седой снеговой шапкой, и маленькие избушки становились похожими на грибы.

Покосившаяся, с зеленым мхом в пазах, вросшая до окна в землю баня Никольских стояла в конце усадьбы, у пруда.

Приседа под коромыслом с тяжелыми ведрами, Лиза носила воду из колодца. Неугомонный мохнатый Дружок с обвисшими ушами метался взад и вперед по тропинке, путаясь под ногами. Он распугивал в переулке кур, захлебываясь звонким лаем.

Наносив целую кадушку воды, Лиза присела у двери бани на толстую березовую плаху, сняла с ног брезентовые тапочки, распрямила затекшие пальцы. Ломило спину и ноги — страда была тяжелой.

Думать не хотелось, хотелось дремать. Сквозь полуприкрытые ресницы она увидела, что многих ли-

стве на росшей рядом черемухе не стало, превратились в паутину. «Тля ест... надо бы купоросом побрызгать, — подумала она, — не то все дерево пропадет...»

Духота летнего вечера вконец сморила женщину. В полудремоте ей представлялось, как на другой день после свадьбы ходили они с Михаилом к его сестре на лесозавод. Был тогда конец мая. В лесу буйно цвели ландыши, земляника, майник, грушанки. Лиза, собирая букет, неожиданно заметила, что большинство лесных трав цветет белым цветом.

— Миша, ты глянь, весь букет как ком снега...

— Свету лесным цветам не хватает, солнце сквозь листья не пробивается... А цветы красит солнце.

На пути им попался лесной ручей. Михаил и Лиза спустились по песчаной тропинке в низину, заросшую молодым дягилом.

Молодожены присели отдохнуть и перекусить на swollen толстую сосну с огромным корневищем, похожим на сказочного деда-лесовика. Над ними, свесив отцветающие сережки, низко склонившись, дремала развешенная ольха. На солнечной полосе противоположного берега золотились глянцем сочные калужницы; чуть повыше, на взгорье, в нежной белесой траве тянулись вверх желтые свечи гусяного лука. Лесные запахи были еле уловимы.

Развязывая узелок с едой, Лиза подвинулась ближе к Михаилу. Он обнял ее, крепко поцеловал...

Сейчас, в полусне, Лиза силилась вспомнить, какие ласковые слова шептал ей в тот день Михаил, но не могла.

Дружок, видя, что хозяйка задремала, присел около нее в заросли лопухов, положив смешную мордочку на вытянутые лапы. Он немигающе, настороженно смотрел на Лизу зелеными зрачками.

С улицы, от магазина, донеслось тяжелое урчание автомашины. Лиза вздрогнула, очнулась от дремоты. Машина приближалась к ее дому. От крыльца послышался звонкий голос сестры:

— Лиза, ты где?

Дружок громко залаял и бросился мимо по огуречным плетям из огорода на улицу. Лиза пошла за ним.

— Кто бы это мог быть? Что за неожиданные гости?

Перед окнами дома, у частокола, стояла грузовая автомашина с фанерными ящиками в кузове. Двое молодых военных в новых зеленых гимнастерках с поблескивающими в петлицах кубиками стояли рядом с Ниной и о чем-то оживленно говорили.

Нина вырядилась с утра в голубое крепдешинное платье, будто знала, что гости приедут. Она стояла рядом с незнакомыми военными, как полевой василек, и весело улыбалась. Лиза смутилась. Полинявшая кофточка, цветная короткая юбка, стоптанные тапочки — наряд явно не для приема гостей.

— Вот и моя сестра, — сказала Нина военным, — знакомьтесь...

Протягивая незнакомцам руку, Лиза еще больше смутилась. Рука была в пятнах банной сажи, исколота острым ржаным жнивьем.

— Лейтенант Федор Ляхов, — представился высокий военный. Он был широкоплеч, чернобров, с цыганскими глазами. Низкий голос его звучал начальственно, чувствовалось, что он здесь старший. Другой военный, с виновато застывшей улыбкой на смуглом лице, тихо назвал себя: Семен Рыбников.

Из кабины высунулось веснушчатое, плутоватое лицо шофера.

— Петр Цыганов, — отрапортовал он скороговоркой, — бывший цирковой артист, а ныне шофер грузового драндулета. Прошу любить и жаловать...

Лицо его неожиданно расплылось в улыбке, брови поползли вверх.

Лиза рассмеялась и сразу почувствовала себя просто с этими незнакомыми людьми.

— Хлопцы к нам в гости нагрянули, — сказала, будто оправдываясь перед сестрой, Нина. — Они из Горького едут в свою часть и решили в нашем селе переночевать. Зашли ко мне в магазин, там мы и познакомились... Представь себе — Федор знает моего мужа, вместе учились в Минске в полковой школе. Вот Семен — этот коренной москвич...

— А я из Саратова, — выйдя из кабины, ввязался в разговор шофер. — Одно слово — волжанин. Есть такая река в России, про нее даже песня есть: Волга, Волга — мать родная, Волга — русская река...

— Заходите в избу — гостями будете, — пригласила Лиза. — Если хотите дорожную пыль смыть, можете в баню пойти. . . — и распахнула двери настежь, приглашая гостей.

11

На закате Лиза Никольская прибежала к дому Натальи. Постучав в оконное стекло, вызвала подругу на улицу. В нарядном кремовом платье с оборками, с влажными после бани, гладко зачесанными назад волосами, она походила на девушку.

— Ой, Наташка, к нам такие кавалеры нагрянули — одно загляденье! Военные, командиры. . . Такие обходительные, такие вежливые! Шофер — смешной такой, в цирке до войны работал, настоящий артист. Ходит, прищипывает и разные фокусы руками выделывает. . . Пойдем, сама увидишь!

— Да неловко как-то, что люди скажут?

— А что здесь такого? Посидим, чаю поьем, потанцуем. Они — фронтовики, может, где-нибудь и с нашими мужьями встретятся. А на селе пусть языками чешут, ну их. . . Петьку вот надо только с гармешкой пригласить, веселее будет. А то живем как в монастыре. Никого не видим, ни к кому не ходим. . .

— Уж не знаю, право, что и делать. Да у меня после бани и волосы еще не высохли, — проговорила Наталья, перебрасывая на грудь тяжелые плети кос. . . — Ты лучше нашу Веру позови, о ней разговор не будет. . . Свежее что я скажу?

— Что тут раздумывать?! . .

Из избы долетел бойкий Верушкин голос:

— И чего только люди упираются, когда их приглашают! Чай, не на похороны идешь — на вечерку. Иди, иди. . . Со Светланкой я посижу, нечего тебе в избе одной куковать. . .

Через полчаса Наталья уже сидела у Лизы. На улице еще было светло, а Нина уже зажгла яркую лампу-молнию. На столе шумел начищенный самовар. Наталья присела на скамью у чуланной перегородки. За столом, с расстегнутыми воротами гимнастерок, по-хозяйски расселись гости. Нина, гремя тарелками, шумно возилась в чулане.

Лиза пододвинула скамью к столу. Федор, наполнив маленькие пузатые рюмочки водкой, сказал:

— Давайте, солдатские жены, выпьем по полной за тех, кто в чистом поле землю родную защищает... За воинов — мужей ваших!

Наталья смущенно взяла рюмку, поднесла к губам. Пахучая жидкость непривычно обожгла горло.

— Разведенный спирт — это напиток богов, — сказал, вкусно причмокивая, Семен, — за душу берет...

Наталья, глядя на гостей, пыталась определить их характеры. Густые черные брови Федора напоминали брови Виктора, только у этого почти срослись у переносицы и круто поднимались над глазами. «Видать, мужик решительный, — подумала Наталья, — такой всегда своего добьется. И везучий, наверно...»

Веселый Семен что-то шептал Нине на ухо. Нина притворно опускала веки, краснела, вздрагивала от смеха.

«Этот легкодумен, по глазам видно, что любит поухаживать за женщинами».

Налили еще по одной. Наталья стала отказываться, но Лиза настояла, чтобы выпили. По последней. Да и тост был такой, что отказываться никак нельзя.

— Выпьем теперь за наших солдаток, за тех, что ждут нас и трудятся, не жалея себя, — проговорил опять Федор. — Спасибо всем вам...

Выпив, Наталья переглянулась с Лизой, сказала:

— Товарищи командиры, расскажите нам, что сейчас на передовой делается. Мы ведь здесь живем... не только газет почитать, а радио послушать некогда. Уходим на работу чуть свет, возвращаемся в потемках.

— Федор, ты недавно с передовой, расскажи женщинам, как там наши воюют...

Федор взглянул на Наталью, увидел ее ждущий взгляд и негромко начал о том, как их рота на большаке под Минском сдерживала наступление полка фашистов в течение целого дня. Гитлеровцы бросали на их окопы десятки танков, бомбили и поливали огнем с самолетов, а рота стояла. И выстояла.

Семен подмигнул другу и заявил, что Федор поскромничал, рассказал не все: за этот бой он был награжден орденом Красной Звезды.

Все встали, выпили за победу.

— Лиза, заведи пластинку, — попросила Нина сестру. — Страсть танцевать хочется!..

— Позвольте это мне сделать, — вмешался вдруг рыжий шофер, — по технике я мастак.

Он подошел к темно-синему патефону, стоявшему на высокой тумбочке, сдернул с него кружевную накидку, завел. Завертелась и зашипела пластинка.

— «Рио-Рита!» — провозгласил рыжий торжественно. Семен пригласил Наталью на танец.

— Ой, я, наверно, уж и не смогу... .

— Не смущайтесь, я тоже не из лихих танцоров. — И закружил ее по избе.

Федор меж тем подхватил Лизу.

Музыка всех всколыхнула, напомнила довоенное время, танцплощадки и вечера молодежи, счастливые лица друзей.

Наталья почувствовала, как хмель ударил ей в голову. Висевшие в черных рамках на чуланной перегородке семейные фотографии слились у нее перед глазами в неровную пеструю линию... .

— Ну вот, а вы говорили, что у нас с вами ничего не получится! — долетел до нее голос партнера. — Видите, как хорошо мы танцуем?.. .

— У меня голова сильно кружится, — сказала виновато Наталья. — Сама не пойму, с чего бы это.

— Все пройдет, как с белых яблонь дым... .

Лиза кружилась в паре с Федором, Нину обучал сложным танцевальным пируэтам Петр, шофер.

Пластинка кончилась. В раскрытое окно влетел белый мотылек и забился у стекла лампы. Где-то неподалеку на улице раздались переборы гармоники.

— Ого, да у вас тут и самодеятельность есть! — воскликнул Федор. — Давайте пригласим артистов на огонек... .

— Это Петя, сосед, играет, — сказала Лиза, — сейчас мы его покличем. — Она перекинулась через подоконник и звонко крикнула: — Петя, зайти к нам, тебя здесь гости просят!

Через минуту, с трехрядкой на плече, задев за притолоку головой, Петя вошел в избу. Хоровод девчат остался на улице, под окнами.

— Девушки, не волнуйтесь, — крикнула в окно Лиза, — мы сейчас все выйдем в проулок на бревна. Только гармониста угостим.

.. Над селом стоял тихий вечер. Вдалеке, за Крупновой мельницей, остывала на небе медно-красная заря. На зов гармоники к крыльцу дома сходилось все больше девушек и парней, в большинстве подростков, не достигших призывного возраста. Но держались они степенно, по-взрослому.

Парни и девушки неторопливо рассаживались на бревнах. Лиза и Наталья оказались зажатыми между Семеном и гармонистом Петькой. Наталья сквозь батистовую кофточку чувствовала горячее плечо Семена, пыталась незаметно отодвинуться. Сосед ее попросил у Петьки трехрядку.

— Играл когда-то, — сказал он с улыбкой, словно оправдываясь, — не знаю, что и получится...

Пересев на край бревна, Семен высоко закинул на плечо ремень гармоники. Подыгрывая себе, негромко затянул:

На позицию девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца...

Наталья, захмелевшая от вина, чувствовала, как кружится под ногами земля и сердце часто колотится в груди.

.. И пока за туманами
Видеть мог паренек —
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Песня кончилась. Семен свел мехи, попросил у Федора папиросу. Все молчали.

Гармонь снова взял в руки Петька. Лихо с перебором вывел «Сормовскую», и Верунька, потянув за собой в круг Наталью, с ходу завела:

Ты сыграй-ка, милый Петя,
Сормоча повеселей,
Чтобы сердце не болело
У подруженьки моей.

Бойкне частушки полились одна за другой, волнуя, тревожа, наполняя сердца теплой радостью.

Сразу повеселели лица. Всем показалось, что вернулась счастливая довоенная жизнь.

Когда стали расходиться по домам, захмелевший Семен попытался задержать Наталью.

— Побудьте еще немного, — уговаривал он, — завтра мы уедем и, может быть, никогда не встретимся...

— Нет-нет, нельзя больше, — шепотом возражала Наталья. — Что люди наутро скажут? Стыда не оберешься! До свидания. — Она медленно пошла к Веруньке и Петру, стоявшим возле дома.

— Что он тебе говорил? — ревнивым шепотом спросила золовка. — Гулять приглашал, да?

— Так, ничего... — грустно ответила Наталья. — Сказал, что завтра уезжает. — И чтобы прекратить разговор, попросила гармониста: — Петя, заведи «Страдание».

...Ночью Наталье снился длинный путаный сон. А наутро пришло письмо от Виктора. В плотном синем конверте, сделанном из обложки украинского «Зошита», лежало два тетрадных листа, исписанных размашистым знакомым почерком.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, дедушка Дмитрий, любимая супруга Наташа с дочкой Светочкой и сестра Верунька, шлю вам боевой фронтовой привет и всем желаю крепкого здоровья.

Во первых строках сообщаю, что я жив, здоров и прошу не беспокоиться обо мне. Извините, что долго не писал, не было времени взять в руки карандаш. Бьем здесь фрицев и в хвост и в гриву, бьем за все, что они принесли нашей земле. Если бы вы видели, как все фронтовики озлоблены на гитлеровцев за то, что они сжигают наши села, разрушают города, убивают и стариков и детей! Сердце обливается кровью, когда все это видишь своими глазами.

Пишу это письмо утром в сосновом лесу на берегу Днепра. Сосны здесь такие же, как у нас на Сатисе. Хочется сейчас на свои хоть одним глазом поглядеть.

Очень я соскучился по своей любимой дочурке, часто она мне снится. Когда вижу детей, то они кажутся похожими все на мою Светланку.

Заканчиваю письмо. Над лесом начинают визжать снаряды. Когда они летят, то раздается страшный визг, точно над головой кто-то бросает согнутую в пружину пилу.

Целую вас всех, мои родные, еще раз прошу не беспокоиться обо мне. Передайте поклон всем родным, близким и знакомым. Иду в бой за Родину, за наш родной колхоз, за вас, мои родные.

Ваш муж, сын и отец Виктор».

12

Сентябрь выдался теплым, сухим.

В былые годы в эту пору в рассветные часы на тесовые крыши домов ложился от ранних заморозков мохнатый иней. Нынешней осенью и в природе все шло как-то странно и непривычно. Даже птицы и те не собирались в разноголосые ватаги, чтобы отправляться к отлету в теплые страны.

По ночам далеко над лесом по-летнему ярко полыхали спелые грозы, и оттуда ветер приносил смутный запах дождя.

Неожиданно после кровавистых закатов на село налетели по-июльски жгучие ветры. Они со свистом трепали листву тополей, стучали ставнями окон, пугая детей, и, вдосталь натешась, таяли в полевых просторах, оставляя после себя запах сухой полыни.

Удушливы и томны были ночи, пролетающие в коротких, беспокойных снах. Утром молодые солдатки просыпались с головной болью, туго стягивали лбы платками и шепотом передавали друг другу жаркие сновидения.

Стояло время молотьбы.

Молотилка с трактором была установлена на открытом току у Сосняка. Золотистые скирды двумя рядами окружали утрамбованную площадку тока.

Еще солнцу не успевало подняться над лесом, а трактор уже заводил свою тяжелую, однообразную песню, от которой вздрагивала земля, пугливо просыпались в березовом подлеске грачи.

Машинист дядя Николай и Верунька поднялись на площадку молотилки, к барабанному столику. В пыль-

ном зеве машины сердито поблескивали стальные зубья. Внизу выстраивались в очередь подавальщицы.

Наталья подмигнула Лизе, стоящей у початой скирды, улынулась. Женщины готовились легкими двузубыми вилами подавать снопы на площадку.

— Готовы? — крикнула им сверху Верунька, повязывая лоб платком.

— Егор, включай, — подал команду дядя Николай трактористу.

Рванулся на колесе широкий брезентовый ремень, вздрогнула молотилка.

— С богом!

Острые зубья барабана схватили хрустящие стебли ржи, молотилка натужно загудела, сбиваясь с ритма. Застучал, забился на металлических ситах ржаной поток.

Верунька ловко разрезала обломком острого серпа соломенные пояса на снопах. Дядя Николай разравнивал сноп и направлял в гудящий зев машины.

— Давай, Лиза, давай! — кричала сквозь гул молотилки Верунька. — Пошевеливайся!.. Смотри, из-за тебя барабан впустую крутится.

У нее сегодня было хорошее настроение. Вчера получила от своего жениха долгожданное письмо. Саша писал из Саратовского военного училища, что жив, здоров и надеется на скорую встречу. За вечер несколько раз она перечитывала письмо, выучила его до буквы и сейчас повторяла про себя.

— Берегись! — кричала ей Лиза, бросая под руку тяжелый сноп. — Лови, не то зашибу!

Загорелые руки Натальи ловко управлялись с золотистым снопом. Припудренные пылью стрельчатые ресницы казались длиннее.

Скирда под ногами таяла на глазах. Тяжелые снопы уже приходилось подбрасывать на площадку. Остья колосьев падали за ворот, липли к потному телу, больно кололись.

— Стоп... перекур! — скомандовал дядя Николай, вытирая с лица рукавом рубахи пот. — Машину подмазать надо...

Верунька подошла к краю площадки, нависшей над низкой скирдой.

— Лиза, лови меня! — легко раскинула руки и прыгнула вниз, обхватив за плечи Лизу.

Трактор обессиленно чихнул и замолчал. И уши сразу залило тишиной, звенящей над сентябрьским полем. Плыли в небе по-весеннему крутогрудые облака — предвестники ясных дней. Воздух чист и прозрачен, каким бывает только в начале бабьего лета.

К Наталье подбежала запыхавшаяся Лиза, вся запыленная. Страхивая с фартука налет серой пыли, блестя зубами, торопливо проговорила:

— Наташа, пошли в овраг, к родникам. Напьемся, накоротке пыль с лица смоем. . .

— Жбан с собой захватите! — крикнула им Верунька, усаживаясь рядом с дядей Николаем в тени омета. — И нам воды принесите.

Женщины быстро спускались под изволок, приминая колючую стерню. Лиза расстегнула ворот кофточка.

— Семена помнишь? — вдруг спросила она Наталью. — Он весь вечер тогда только о тебе и говорил. Все расспрашивал, что да как. . .

— Уж так и расспрашивал! . . .

— Честное слово! По секрету мне сказал, что больно уж ты ему приглянулась. . .

— Они, мужики, готовы за каждой юбкой хоть на край света. . .

— Ну, не скажи, Семен серьезный мужик! Говорил, что в городе у него невеста осталась, на тебя очень похожа. . .

— А сам он откуда? Я так его в тот вечер и не спросила.

— Из Москвы. До войны на автозаводе работал.

— А чего же это он по пути к своей нареченной не заглянул?

— Она за Урал эвакуировалась. — Лиза обняла подругу за плечи: — Счастливая ты, Наташка! И в девках тебе отбою от парней не было, и сейчас мужики за тобой хвостом тянутся. . . Одно слово — везучая.

— Никого мне, кроме Виктора, не надо.

Лиза вприпрыжку побежала по крутому спуску к роднику.

Из-под замшелой каменной плиты, выпирающей из обрывистого склона, бил прозрачный холодный ключ. Кто-то в давние времена оградил его осиновым срубом.

Подруги напились, Лиза, сняв кофточку, стала умываться. Наталья, увидев ее оголенные плечи, сказала:

— Толстеешь ты, Лиза! Как на дрожжах тебя распирает... Трех месяцев не прошло, как мужа проводила, а жиру нагуляла вон сколько.

— Уж, право, и не знаю, что делать! — проговорила сокрушенно Лиза. — И ем как будто немного, и работаю за двоих, а все... Травяной настой надо пить, говорят, помогает от полноты.

— Мужика тебе надо, — засмеялась Наталья, — вот тогда и похудеешь...

Закинув руки за голову и подставив солнцу лицо, Лиза потянулась всем своим сильным телом. На мгновение застыла, чуя, как кружится голова.

Наталья, наскоро освежив лицо, набрала в жбан воды и ждала, когда Лиза наденет кофточку.

— Наташка, а тебе Виктор часто снится? — спросила Лиза, поднимаясь на бугор. — Мне мой Михаил во сне покоя не дает, все лезет целоваться да обниматься. Чую, не к добру это...

— Кровь в тебе играет, вот что я тебе скажу! Стосковалась по мужику...

На бугор поднялись молча.

— Наташа, хочешь я тебе один секрет открою? Только никому ни слова!.. — заговорщицки зашептала Лиза, когда приблизились к току. — Я ведь вчера не от Михаила письмо получила, а от нового ухажера... Помнишь, тот военный, что с Семеном к нам заезжал?

— Вот тебе и на! — проговорила изумленно Наталья. — Влюбился, значит?

— Пишет, что забыть меня не может, а с чего бы это — не пойму. Ведь мы с ним только танцевали, а о любви и словом не обмолвились...

— Ой, Лиза! Узнает Михаил, покажет тебе, где раки зимуют. Муж воюет, а она...

— Так ведь не я ему пишу, а он мне! Как же я могу запретить?.. Да и чего здесь плохого? Сейчас во всех газетах пишут, как девушки письмами с фронтовиками обмениваются, посылки им шлют...

Трактор уже попыхивал синеватым дымком.

Дядя Николай первым напился ключевой воды из жбана, передал его Веруньке и стал подниматься на площадку.

Матвей Иванович Горин, завхоз, проснулся в полдень. Вышел во двор, сел на бревно у забора, закурил и неожиданно задремал. В полусне он почувствовал, как что-то мягкое, липкое тяжелой лапой закрыло ему лицо и начало дышать. Он резко повернулся, дернулся и открыл глаза. Первое, что увидел Матвей, — это был длинный розовый язык, высунувшийся из зубастой пасти, и ореховые печальные глаза собаки.

— Пшел вон! — ткнул в шею Рогдая Матвей и, кряхтя, стал подниматься с бревна. Голова с похмелья была тяжелой. Небритый, с воспаленными глазами, Матвей тупо смотрел на собаку, с трудом припоминая, где он и что с ним.

Было не по-осеннему тепло. Солнце просвечивало густую крону ветлы, росшей в переулке. Дом Матвея стоял недалеко от пруда.

Тяжело ступая босыми ногами по влажной земле меж грядок, Матвей быстро пошел к воде. Пес, стараясь не попадаться на глаза хозяину, покорно плелся сзади, зорко следя за каждым его движением.

На берегу в старых ветлах на все лады свистели, трещали, заливались птицы. Матвей силился вспомнить, что вчера вечером все-таки произошло, но в мозгу вертелись куски бессвязной картины, потом вспоминался тощий мухтоловский мужик с редкой, торчащей вверх бородежкой, приехавший с бидоном самогона. Вдвоем они пили в сторожке у колхозного лесника пахнущую перегорелым хлебом мутную жидкость, обжигающую горло, закусывая моченой брусникой.

Мухтоловский мужик приезжал за лесом в колхозный березник. Матвей с глухим лесником Филимоном за полцены отпустили ему в конце делянки сотню хороших деревьев, посоветовали, когда лучше валить.

Из широких ладоней Матвей остудил разгоряченное лицо, намочил голову. У берега зашуршали камыши, и сквозь тонкие стебли показалась острая морда Рогдая. Пес подбежал к кромке берега и стал лакать воду, сторожко косясь на хозяина.

Вода освежила Матвея, голова немного прояснилась, оранжевые круги в глазах исчезли.

— Мотя, где ты? — долетел с берега женский голос.

Он лениво повернул голову и увидел на тропинке жену с полотенцем на плече.

— Поздненько проснулись мы, Матвей Иванович, — запела сладким голосом она, заходя рядом с ним в воду, — вчера-то вон как умаялись...

Широко расставив ноги, согнувшись, она начала проворными смуглыми руками шумно плескаться в воде.

— Вот утрись, — сказала жена, разгибаясь, подавая с плеча конец полотенца. — День-то какой, прямо благодать земная...

Юркие мальки, осмелев, кружились в воде стаями у ног, по воде скользили жуки-ходунцы. Освежившись, Матвей легко взошел по песчаной тропинке на бугор и торопливо зашагал к дому.

Матвей сел во дворе на завалинку, закурил. В оконное стекло с назойливым гуденьем билась пчела, не попадая в раскрытую форточку. Он дернул створку рамы, и из избы вместе с пчелой вырвался наружу запах сушеных трав, ситного теста.

— Опохмелимся, что ли, Иваныч? — вернувшись с пруда, спросила жена, розовощекая, улыбающаяся. — Голова-то, чай, мутная?

— Налей, — бросил он зло и коротко. — Да брусники достань.

В избу не пошел, выпил самогон, поданный женой из окна, прямо на завалинке. Мягкая истома разлилась по телу. Он еще выпил стакан и совсем захмелел. Бросив Рогдаю недоеденный кусок хлеба, прислонился к круглым бревнам стены и невнятно замычал свою любимую: «Вниз по Волге-реке...»

Вскоре он уснул, прислонившись плечом к теплым торцам угла.

Приснился ему тяжелый сон.

Будто идет он лесным просеком на Грибачев квартал но не проторенным путем, а напрямик через болота. Болота эти с дурным газом издавна слыли гиблым местом Застойные, с чахлам подгнившим осинником по краям они служили излюбленным пристанищем комаров. Редко когда отваживались проходить через них и зверь человек. Вязкая, обманчивая топь засасывала смельчков на первых же шагах, если ненароком кто-либо оступался с приметной тропинки. Бывало, своенравная корвенка отбивалась от стада, заплутавшись, выходила к

лотам и — поминай как звали. Пастухи, обнаружив след коровы, ведущий к болоту, сокрушенно разводили руками и на розыски не шли. «Бог дал, черт взял, — говорили они хозяину буренки. — В болотины ямы попала — пиши пропало».

Матвей хорошо знал тропу через болото. Каждой весной, после ростепели, тропа меняла свое направление. А приметные деревья, по которым угадывался путь, в половодье редели, падали в воду, и тогда требовалась двойная осторожность, чтобы не сбиться с пути.

Тропа через топь начиналась от сожженной грозой сосны, петляя среди мелкого осинника с черными от вешней воды корневищами. Почва пружинилась под ногами; по сторонам, на колдобинах, с громким хлюпаньем вырывались наружу газовые пузыри. Временами тропинка скрывалась под водой. Матвей нащупывал ее батоном и только тогда делал нужный шаг. Но и в эту минуту он опасливо поглядывал по сторонам, отыскивая на случай промашки кусты, за которые можно было бы ухватиться.

Перепрыгивая с черной разлапистой коряги на кочку, Матвей вдруг почувствовал, как его нога потеряла опору и он по грудь оказался в холодной липкой трясине. Рванувшись вперед, сразу же ощутил под собой бездонную пропасть. Вязкая тина охватывала все тело, сдавив до боли ребра. Он торопливо хватался руками за мшистую траву, обманчиво покрывающую трясину, но в сжатых ладонях оставался только скользкий мох.

— Помогите! — изо всей силы крикнул он, чувствуя, как леденящая вода подступает к горлу.

Голос низко пролетел над топью. И вместо гулкового эха он услышал в ответ болотный хохочущий бас.

— Люди! На помощь!!

Собрав все силы, он резко рванулся в сторону и... проснулся. Снова вздрогнул, оглядываясь непонимающе.

— Уф, черт, приснится же такое!..

Вытер со лба холодный пот, потянулся в карман за кисетом, но раздумал и, повернувшись, крикнул в раскрытое окно:

— Зина, належ чего-нибудь покрепче...

Из дома никто не отозвался.

«Опять с курами возится, гусыня, — подумал он с неприязнью, — всегда, когда надо, ее не докличешься...»

Встав на завалинку, перегнувшись через подоконник, достал со стола графин с самогонном, стакан с моченой брусничкой. Сделав несколько глотков прямо из горлышка, заел горькую жидкость кислой ягодой и, подмигнув Рогдаю, вертевшемуся у ног, хрипло спросил:

— Что, брат, выпить хочешь? Нет, не дорос ты еще до такой прелести. Ты собака — и только. Понимаешь? . . . Собака! А я — человек. . .

. . . Сергей Васильевич Горянский — сын священника захуздавшего прихода Тамбовской епархии — с детства до одури зачитывался копеечными приключенческими повестями.

Отцу Василию хотелось, чтобы сын пошел по его стопам, но наследник и думать не хотел о судьбе незадачливого попка. Разругавшись с родными, Сергей Васильевич уехал в Кирсанов, в учительскую семинарию, где близко сошелся с эсерами. Их учения он толком не понимал, но его захватывали страстные споры на тайных сходках, кровавый романтизм боевиков, ночные набеги на помещичьи усадьбы, багровые отсветы пожаров.

Перед началом первой мировой войны его судили за убийство станового пристава и укатали на восемь лет на каторгу. Здесь-то он и сошелся близко со своим земляком Александром Степановичем Антоновым, который тоже отбывал двенадцатилетнюю каторгу. Антонову пришлось по душе вспыльчивая, безрассудная натура Сергея Васильевича. Исподволь, как молодого щенка, он начал приручать его к себе.

Февральская революция вывела каторжников на волю. Вместе с Антоновым Сергей Васильевич вернулся в Тамбов, облачился в кожаную куртку, обтянулся туго ремнями и, прицепив красный бант на грудь, занял пост уездного комиссара по народному образованию.

Из комиссара по народному образованию Сергей Васильевич превратился в фуражира одного из антоновских полков. Награбленное в коммунах и советских учреждениях имущество, зерно, скот попадали в его руки и распределялись по отрядам. По указке Антонова, чтобы привлечь на свою сторону крестьян, Сергей Васильевич устраивал дарственные спектакли. Под колокольный звон впереди обоза въезжал он на рыжем иноходце в захваченное эсерами село и на площади у церкви, под

визг и шум детворы и женские восклицания, раздаривал награбленное имущество крестьянам. Он все видел, все напоминал, кто, по какому чину брал награбленное и уносил домой.

Зимой девятнадцатого года, окруженная частями Красной Армии, антоновская банда вынуждена была скрываться в Инзенских лесах, на юге Тамбовщины. Сергей Васильевич понял, что песенка «зеленой братии» спета. Перехватив письмо Антонова, в котором «батька» писал в Кирсанов руководителям советской власти, что он не бандит, а идейный борец против мировой буржуазии и готов идти в ногу с большевиками, Сергей Васильевич решил бежать из банды.

Метельной ночью, верхом на любимом Серке, он выехал из леса, пересек по льду небольшую речушку и помчался на околицу знакомого села Троскина. У старой скособоченной риги за ветром спешился, вытер лицо от снега. В селе — ни огонька. Наскоро затянувшись самосадом, Сергей Васильевич снова вскочил в седло. Он знал в селе каждую избу, каждый проулок, мог с закрытыми глазами отыскать путь к любому дому.

Вскоре Серко вынес Сергея Васильевича на бугор у церковной ограды, к дому богатого мельника Егора Шабашкина, того самого Егора, которому он даровал большую часть награбленного имущества.

У знакомых ворот конь остановился. Всадник выпрыгнул из седла и тихонько постучал в ближнее окно рукояткой плети.

Промерзшее стекло заискрилось желтоватым светом.

— Егор Семеныч, это я, впускай нежданного гостя! Чай, не забыл моих дорогих подарочков? . .

Целый месяц проживал Сергей Васильевич у хлебосольного мельника, не показываясь на глаза людям. Отрастил усы и бороду, стал неузнаваем. Под масленицу, в благодарность оставив хозяину мозеровские карманные часы с малиновым звоном, Сергей Васильевич подался с повинной в уездный центр. В ВЧК Сергею Васильевичу поверили, приняли за чистую монету его раскаянье, и бывший фуражир антоновской банды занял скромную должность начальника лесного склада в Кирсанове.

Вскоре след Сергея Васильевича Горянского затерялся. А в Темниковском лесничестве появился новый хра-

нитель мордовских заповедных лесов — Матвей Иванович Горин.

Слухи о гибели Антонова дошли до Матвея Ивановича в августе двадцать первого года. Он в это время перебрался в уездный город Арзамас, работал статистиком в земотделе укома и слыл активистом.

«Собаке собачья смерть, — подумал Матвей о бывшем дружке. — Хорошо, что вовремя расстался с незадачливым полководцем, а то не миновать бы и мне горячей девятиграммовочки».

Организаторский пыл Матвея Ивановича пришелся по душе уездному начальству. Его стали замечать, выбирать на собраниях в президиум. В тридцатом году в числе активистов он был направлен в Дивеевский район для организации колхозов.

В черном окружении трех монастырей лежало село Кременки, отгороженное от мира стеной вековых лесов. Сюда и приехал Матвей Иванович, по распоряжению райкома, в февральский вьюжный полдень на риковских лошадях. Поселился в поповском пустующем доме и начал свою кипучую деятельность.

Всю жизнь Матвей Иванович не любил людей, считал их быдлом, серой скотиной, однако побаивался. Он считал, что только сильная воля, жестокость могут заставить крестьянина расстаться со своей собственностью и записаться в артель.

— Агитация, конечно, хорошее дело, — сказал он председателю сельсовета, тихоне Фаддею Круглову, — но мужик в колхоз запросто не пойдет, его со своего клочка земли и пряником в артель не заманишь. Здесь, наряду с убеждениями, кой-кого и припугнуть надо.

Через неделю сорок бедняцких семей объединились в колхоз «Заря». Матвей предполагал, что на общем собрании его, как посланца райкома, изберут председателем и тогда он развернется в полную силу, покажет, на что способен. Но кременковцы подняли руки за комсомольца Михаила Балужева, бедняка, своего односельчанина, Матвей же был избран завхозом. Он затаил злобу на сельчан, но приутих, старался казаться рачительным хозяином, много суетился, хлопотал на колхозном дворе, исподтишка старался, где мог, подорвать доверие колхозников к молодому председателю.

«Побуду здесь годика два, заслужу у людей доверие, а там и в город подамся, — думал он, — лишь бы характеристика была положительной. А с моей головой до министра можно дойти, семья на плечах не висит, сокол я вольный».

Но случилось все по-иному.

Однажды зимой, возвращаясь из рика, заехал Матвей в осинольский буфет перекусить. Несмотря на погожий день, буфет был безлюден. За стойкой, прислонясь к маленькой печке, сидела буфетчица — вдова Зинаида Ширяева — и вязала кофточку. Зинаида была смугла, поцыгански красива, с густыми черными косами, с кольцевыми волосиками на висках. Родом она была из Кременок и многое слышала о завхозе-холостяке.

Увидев входящего Матвея, женщина обрадовалась, бросила вязанье.

— Входите, входите, гость дорогой, — защebetала она. — Вот радость-то какая, сам Матвей Иванович пожаловали!

— Мимоездом я, — расплываясь в невольной улыбке, сказал Матвей, — из рика еду. Вот забежал на минутку перекусить. . .

В буфете было тепло и светло. Новые золотистые стены с не проконопаченным мохом в пазах источали смоляной лесной запах. На плитке маленькой печурки варилась картошка, вкусно и громко булькая.

Зинаида скрылась в чулане за цветной занавеской. Послышался стук ведер, звон бутылок. Матвею стало жарко, он снял полушубок, повесил на гвоздь.

Из чулана Зинаида вышла без халата, в кокетливо повязанной косынке, в белой с короткими рукавами кофточке, плотно обтягивающей высокие груди.

— Вот мы с вами и потрапезничаем, — заговорила ласково женщина, ставя на стол бутылку и стаканы. — Скука здесь страшная, почти никого не бывает. Особенно вечерами. . . Сидишь, сидишь одна, даже страшно становится. Редко кто по пути из района заглянет. . .

Сняла с плиты чугунок с картошкой, слила воду в ведро. Через минуту в маленькой алюминиевой миске на столе дымилась разваренные картофелины. Тут же стояли грибы, политые конопляным маслом, яйца и мелко нарезанное сало.

— С вами за компанию и я выпью, — сказала женщина, присаживаясь напротив.

Спирт оказался чуть разбавленным, остро шибанул в нос. Видя, как Матвей страдальчески морщится, Зинаида рассмеялась:

— Что, не по нутру?

— Да нет, ничего... пронесло.

Она тоже выпила, закусила грибами. Спирт сразу ударил в голову. Облизывая пухлые блестящие губы, сказала:

— Хорош, черт его возьми!.. Ой, что-то я быстро замелела... — И тихо засмеялась.

Глаза ее лукаво заблестели, косынка соскочила на плечи. Вскинув руки, Зинаида стала поправлять рассыпавшиеся волосы, открывая в проеме коротких рукавов, под мышками, черные пучки волос. Женщина перехватила взгляд Матвея, но рук не опустила. Подошла к зеркалу и стала закреплять костяной гребенкой волосы на затылке.

Матвей снова налил стаканы.

— Давай еще по единой...

Выпили за Зинаидино счастье. Закусывали мало, больше говорили. За окном сгущался зимний сумрак. На Осиновку из-за леса напозлали темные снежные тучи. Матвей попытался было зажечь свет, но Зинаида не разрешила и попросила запереть дверь на крючок.

...Через неделю они поженились. Зинаида переехала к Матвею, в поповский дом, и они вдвоем дружно зажили.

Случилось это за год до войны.

Вечером, когда домолачивали последнюю скирду, Горин помчался на велосипеде на ток. Остановился у вороха, где весовщик Валя Войнова готовила на заготпункт полуторку с зерном.

Грузчик Гриша Пантелеев, поднимая с весов мешок с рожью, шутливо бросил ему:

— Вы бы, Матвей Иванович, пораньше к нам заглянули да мешочки помогли кидать в машину. А то катаетесь на своем рогаче, словно нарком!

— Ты мне брось зубоскалить! Думаешь, у меня дел других нет? Хозяйство вон какое, везде глаз нужен, а такие работнички, как ты, всякое могут натворить.

— Ну это уж вы бросьте! — огрызнулся Гриша. — Хозяйство, конечно, большое, но, как сказал сам Калинин, сейчас где молотьба — там и передний край. А начальству где положено быть?

— Языкаст стал не в меру! — отрезал Матвей Иванович. — Лясы точить мне некогда. Завтра эту машину в город будешь сопровождать! Вместе с зерном из сельпо захватишь и ящики с яйцами.

— Матвей Иванович, я не могу поехать. У меня мать при смерти, завтра ее в больницу везти. . .

— Каждый сейчас на учете, время военное. А за матерью акушерка посмотрит.

14

Средняя школа, где учился Петька, была в небольшом рабочем поселке Сатис, на лесистом крутом берегу речушки. Дорога из Кременок в поселок проходила через глухую рамень. В погожие осенние дни Петька редко оставался ночевать в поселке на квартире у родного дяди Тимофея, почти каждый день возвращался домой.

Семикилометровый путь не утомлял парня. Дорога от поселка вначале петляла берегом реки, затем круто поднималась в гору и пряталась в густом липняке. Внизу горы били холодные родники. Петька каждый раз напивался на дороге студеной воды и, освежив лицо, поднимался легко по тропинке. Вверху заросли липняка кончались, и за широкой порубкой, усеянной частыми пнями, медвяно краснела на солнце ровная стена бора.

От лугов, липовых зарослей с темными тяжелыми листьями и от реки все еще тянуло прохладой, но уже становилось теплее и остро начинало пахнуть смолой.

В бору было тихо и сумрачно. Где-то вдалеке дятел размеренно и гулко долбил сосну. Петька останавливался, прислушивался и думал: «Чего это он все время долбит на одном и том же месте? Странная птица». Вчера Петька также слушал этот размеренный стук. «Наверное, дятел место обетованное нашел».

Постояв с минуту, Петька пошел дальше. Под тихий звон бора в голове тянулись невеселые мысли. Думалось, как скучно и неинтересно стало в эти дни в школе. Стар-

шекласники к урокам почти не готовились. Перед началом уроков и в перемены собирались кучками в коридоре и обсуждали события на фронте. Многие из выпускников уже подали заявления в райвоенкомат с просьбой отправить их на фронт добровольцами.

Сегодня, при подходе к лесной сторожке, мысли парня оборвало чье-то заунывное пенье, доносившееся из бревенчатого домика.

Петька остановился, прислушался.

«Что еще за панихида такая?! Похоже на церковное пенье, но его отродясь в этих местах не бывало. Уж не мерещится ли это мне? Помню, говорил однажды дед, что в старину на этой дороге всякие привидения встречались...»

Артемкинский кордон — на полпути к Кременкам, на берегу небольшой реки. Почерневшая от лесных рос тесовая крыша проросла зеленым мхом, отяжелела, притиснула к земле перекосившийся сруб трехконной избушки. Провисшие березовые жерди отделяли небольшой огород от стены бора. Рядом с избушкой высился сруб колодца с расшатанным воротом.

Пять лет назад поселился на этом кордоне молодой лесник-вдовец Игнат Захарченко, сменивший нелюдимого и злого лесника Глотова, хапугу и пьяницу.

Новый лесник оказался общительным и веселым украинцем родом из Донбасса. Он быстро сошелся с сельчанами, любил попеть, потанцевать на деревенских гулянках. И больше всего нравилось кременковцам, когда он не кривя душой, охотно подсказывал во время покоса где, на какой делянке вымахала сочная трава, где можно рубить на лыки мелкий липняк для санитарной очистки леса.

Сельчане, проходя мимо кордона, обязательно заглядывали на минутку к Игнату — перекурить, выпить холодной водицы.

В гостях у кременковцев, за праздничным столом, Игнат не раз слышал от захмелевшего хозяина:

— Жениться надо, Игнат Петрович, девок в нашей селе хоть пруд пруди, хватит тебе бирюком в бору жить...

Так и жил бы Игнат на своем кордоне бобылем, если бы не представился случай, круто повернувший всю его жизнь.

Весной, когда в бору сошли снега и никогда не вянувшие мхи как будто заново сочно зазеленели, на зимние вырубki пришли сезонники. Пришли они на кордон к вечеру. Это были женщины и подростки из ближнего мордовского села.

Возвращаясь с обхода по лесу с Полканом, Игнат издали услышал у кордона шумную разноголосицу, мальчишечий свист. Почувяв дым костра, пес с ошалелым лаем бросился к сторожке, но тотчас же вернулся обратно, тяжело дыша и виновато виляя хвостом.

На поляне перед сторожкой Игнат увидел пестрый табор. У нового сруба, сложенного в две невысокие пирамиды, дымили два небольших костра. На бревнах сидели женщины, девушки, парни-подростки, бойко разговаривали меж собой. Плетенные из лык кошельки, фанерные баульчики, холщовые торбинки с небольшими запасами еды были в рядок, аккуратно сложены на бревнах.

Завидев лесника, все замолчали.

— Здравствуйте вам! Ждал вас утром, а вы еле к вечеру дотянулись... Ежели так и работать будем, то и до летней жары лес не очистим. — Он подошел к группе женщин, стоящих у бревен: — Кто из вас бригадиром будет?

— Не сердись, хозяин, — сказала высокая худощавая женщина, подходя к нему от костра, — паром на Мокше задержал, мы не виноваты. А работать будем — не обидишься. — Она остановилась перед Игнатом и протянула руку. — Давайте знакомиться. Я — бригадир Авдотья Семеновна Кидяева. А это наши деревенские бабы.

Игнат неторопко подошел к костру, чтобы прикурить, и нечаянно встретился взглядом с молодой женщиной, стоявшей возле костра, напротив. Она смотрела на него в упор, не мигая, строго сдвинув на переносице брови. Одета была в фуфайку, защитного цвета юбку, на ногах — кирзовые тяжелые сапоги.

Не выдержав пристального взгляда, Игнат опустил глаза. Быстро взял себя в руки и деловым тоном сказал бригадиру:

— Вы тут ужинайте, а потом о ночлеге подумаем. Ребята, наверное, пусть на сеновале располагаются, сена там много, да и ночи теплые установились. Молодые девушки в коридоре пусть спят, женщины, что постарше, лягут в сторожке. Места всем хватит.

...В эту ночь Игнат долго не мог заснуть. А когда проснулся, в чулане было светло. За окном занималось ясное утро. На улице у костра уже слышались голоса рабочих, готовящих завтрак.

Игнат быстро встал, наскоро прибрал постель, умылся, долго и старательно одевался.

После завтрака он отвел сезонниц на ближнюю делянку.

Перед тем как идти в обход по кварталу, он, осмелев, подошел к той женщине. Не зная, с чего начать разговор, проговорил занемелым баском:

— Как работается?

— Работа спорится, да вот со скуки не с кем поспориться, — прибауткой ответила она.

— А кто ж ты? Меня зовут Игнат.

— Галина... Галина Следкова.

...Вечером до кордона они шли вместе. По дороге Игнат успел узнать, что Галина родом из-под Рузаевки. В голодном двадцать первом году родители ее умерли, а ее, шестимесячную, полуживую, голодную, нашли в холодной избе бродячие цыгане. Старая цыганка с тяжелой медной серьгой в ухе, которую на всю жизнь запомнила Галя, выходила девочку, отпоила травами, отогрела в мягких, пропахших конским потом, одеялах.

Весной, с первыми теплыми ветрами, согнавшими снег с лобастых взгорий, табор снялся с насиженного места, подался на юг. Галина же осталась в детском доме в Саранске.

Окончив ФЗО, девушка пошла работать токарем на мебельный комбинат. Там и познакомилась с молодым, диковатым парнем Семеном Следковым, приехавшим в Саранск из лесной муромской деревушки.

Через год они поженились.

Но недолгая была их семейная радость. В одну из зимних ночей, при монтаже ТЭЦ, Семена задавило сорвавшейся с подъемного крана трубой.

Долго сокрушалась Галина от тяжкого горя, не могла без слез ходить по комбинату, где ей все напоминало о Семене. По настоянию родителей погибшего мужа она покинула Саранск и приехала к ним, в незнакомое лесное село.

Свекор и свекровь приняли ее как родную дочь. Вначале она думала только погостить здесь, разделить вме-

сте с родными мужа горечь утраты, но старики и не думали ее отпускать, да и сама она с каждым днем все больше и больше привязывалась к ним. Привыкла, сошлась с сельчанами, подружилась и осталась здесь жить.

Родители Семена были набожными, все радости и невзгоды в жизни приписывали воле божьей: бог дал, бог взял. Каждый вечер, перед сном, они зажигали лампадку перед иконами и долго молились за упокой души раба божьего Семена. Молилась вместе с ними и Галина, клала ежевечерне сорок поклонов перед суровым ликом Серафима Саровского, шептала про себя слова молитвы, и душевная боль проходила.

...Через неделю сезонники закончили работы. Ранним утром, попрощавшись, они уходили домой.

— До свиданья, Игнат Петрович! До новой встречи! — крикнула бригадирша, помахав на прощанье рукой.

— В добрый путь! Счастливо дойти до дома...

Он стоял у крыльца и смотрел, как последняя группа женщин, с которой уходила Галина, исчезла в пелене лесного тумана. Вспомнил, как накануне вечером, когда выдавал сезонникам зарплату, Галина почему-то подошла за деньгами последней. Расписавшись торопливо в ведомости, получила из рук Игната свою зарплату и тихо сказала:

— Вот, Петрович, все и кончилось... Споро мы поработали в лесу, сил не жалели, а здоровья, наоборот, у всех нас будто прибавилось, словно не мы сучья таскали, а они нас. Прощайте, — прошептала она чуть слышно. — Когда-то теперь увидимся!

— Я вас завтра провожу до парома.

...Солнце уже высоко поднялось над лесом, нудно загундосили злые жалящие комары. Игнат и Галина, ничего не замечая, шли лесной дорожкой, и было им обоим хорошо идти и слушать друг друга.

Когда в просвете редеющих деревьев лезвием сверкнула река и до слуха долетел звон плотничьих топоров с паромных мостков, оба остановились у седого куста бересклета.

Игнат, осмелев, взял ее руки в свои широкие и сухие ладони, сжал и держал, не выпуская.

— Галина, скажи, я мог бы понравиться тебе?

— Разве об этом спрашивают?.. Это почувствовать самому надо...

— Скажи по правде: можно мне тебя еще когда-нибудь увидеть?

Женщина молча повела плечами:

— Не знаю... Дороги людей всегда сводят... Может, и встретимся.

С реки долетел глухой стук парома о сходни. Затарактели и заскрипели по бревенчатому мостку телеги, послышалось лошадиное ржание, громкий стук копыт.

— Ну вот, мне и пора, — сказала Галина. — Не забывайте...

Она мягко, по-женски положила ему руки на плечи, взглянула в его глаза, печальные, как у обиженного ребенка, неожиданно прижалась к его щеке горячим лбом, а потом отстранилась и побежала на голоса по-друг.

На удивление всей округе, к осени они поженились. Молодожены в один из воскресных дней появились в Кременках. Галина со всеми легко знакомилась, выглядела счастливой, веселой, с первого раза она всем понравилась на селе.

— Вот и Игнату счастье привалило, — говорили бабы у колодцев. — Хорошая жена досталась — красивая, сердечная...

А сельские девушки судачили на гулянках:

— И чего только он в ней нашел? Одна краса, что до пят коса да глазища по ложке. Телом не вышла, видать — хлеба мало ела, лицом на цыганку смахивает...

Зато мужики и взрослые парни по-дружески полюбили Галину с первого знакомства. Кто бы ни проезжал, ни проходил через кордон, всегда находил у нее кружку студеного кваса, стакан молока, ласковое слово.

— Заезжайте еще, — приглашала на прощанье она, — всегда дорогим гостем будете. Скучно у нас на кордоне без людей, только с приезжими словечком и обмолвишься.

Молодая лесничиха часто бывала на селе, заходила в магазин, клуб, библиотеку, забегала на почту. Осенью на празднике Дня урожая она в клубе познакомилась с Натальей и Лизой. Подружились и их мужья и при

елучае стали бывать друг у друга в гостях, встречались, как старые знакомые.

Прошлым летом, к концу июня, в один из субботних вечеров Петька ехал домой на велосипеде из пионерского лагеря, где он в каникулы работал баянистом. В балыковских лугах, в полуверсте от леса, нагнал лесничиху, идущую из районного центра на кордон. Вечер был душный, предгрозовоый. Петька резко притормозил и чуть было не заскочил в глубокую колею.

— Подвез бы, что ли, — донесся до него насмешливый голос. — Нехорошо молодому кавалеру женщину на ночь в лугах оставлять. . .

Петька неловко соскочил с велосипеда, цепляясь подкатанной штаниной за болтик зубчатого колеса.

— Вон и дождь собирается, — продолжала лесничиха, — неужто к кордону не подвезешь?

Парень смутился, увидев ее смеющиеся глаза, тихо буркнул:

— Садитесь. . .

Она легко, по-девичьи, вскочила на раму, обдавая Петьку запахом здорового тела и едва уловимым ароматом лесных трав.

— Смотри не урони, — предупредила лесничиха, чуть касаясь груди парня округлым плечом. — Не ровен час — разбить можешь, как стеклянную посуду. . .

— Не бойтесь, ничего не случится. А падать — так вместе, — шутливо ответил Петька и, ловко вскочив в седло, завертел педалями.

На повороте в лесу, у зарослей орешника, над головами раздался оглушительный удар грома. Тотчас же послышался сверху странный шуршащий шорох, и ровные стеклянные струи дождя холодом обрушились на них.

— Скорей в кусты! — скомандовала женщина, соскакивая на ходу с велосипеда. — Ой, беда, сейчас вымокнем до нитки!

Спрятались под бархатной листвой густого орешника. При каждом ударе грома лесничиха вздрагивала, испуганно вскрикивала и прятала на груди у Петьки голову, обнимая его за плечи.

— Ой, боюсь. . . — шептала в испуге она. — Ничего нет страшнее в жизни грома. . .

— Это же электричество, — пробовал успокаивать ее Петька, — обыкновенное явление природы.

— Замолчи. Сам ты явление, — с шутливой укоризной сказала женщина. — Вот как трахнет по голове — тогда узнаешь. . .

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Но при выходе из укрытия, пробираясь через гибкие лозинки, они вымокли до нитки.

Закатное солнце уходило за верхушки бора. Над лугом поднимался едва заметный туман, над лесом вставала дымящаяся радуга. Неожиданно закуковала кукушка, и ее строго размеренный голос подчеркивал вечернюю тишину на лугах. Гром грохотал еле слышно вдалеке за лесом.

На велосипеде ехать было нельзя — повсюду по тропинкам и колеям дороги бежали мутные ручьи. Галина беззвучно смеялась, отжимая вскинутыми руками влажные распутившиеся косы. Нагнувшись, она сняла с ног туфли, повесила на руль велосипеда и весело сказала:

— Ну, пора в путь!

На пути им встретилось медленно тянущееся к лесу стадо коров.

— Вот увидит нас вдвоем пастух да и скажет, что мы любовными шашнями с тобой занимались, — заговорила лукаво она, поглядывая на Петьку, — люди болтать начнут всякое. . .

— А чего бояться? Пусть себе мелют, язык без костей.

— Глупенький! Девки с тобой дружить перестанут. . .

— Скажешь тоже! . . С чего бы это?

Поравнявшись с пастухом Семеном Воеводиным, рыжеватым неказистым мужиком, Петька остановился и попросил у него закурить. Семен медленно достал из кармана залатанных штанов кисет с самосадам, протянул парню:

— Смотри не задохнись, ёшь те корень. . . Злющий, до кишок проникает! — Семен глубоко затынулся и, подпирая подбородок суковатым посохом, мечтательно заговорил: — Эх, и дождичек хорош! Трава теперь в рост потянется, молодой дягиль в ствол пойдет. С молочком будем. . . Видишь, и радуга пологая свесилась, — значит, опять дожди будут.

Лесничиха стояла, поддерживая велосипед за руль. Видя, что разговор курильщиков затягивается, сказала Петьке:

— Ну, я, пожалуй, пойду. Вам, вижу, не к спеху. Спасибо, что подвез, забегай по пути, кваском холодным напою...

Она закрутила на затылке влажные волосы в тугий пучок, улыбнулась невесть чему и, сверкая полными икрами, легко пошла к кордону. Семен прищелкнул языком, облизнул сухие, потрескавшиеся губы, с ухмылкой сказал:

— Перец-баба! Любого мужика оседлать может.

Петька вскочил на велосипед, догнал лесничиху, притормозил:

— По траве доберемся до леса, а там песок, садитесь, — предложил он.

На кордоне Галина спустилась в погреб, вынесла полный ковш холодного хлебного квасу. Пока Петька пил, она успела в чулане переодеться в сухое цветастое платье из ситца.

— Спасибо, Галина, квас дюже крепкий, в нос шибает... и голову кружит. Прямо опьянел.

— Ну уж, скажешь тоже, — улыбнулась она. — Если хочешь согреться, у меня пшеничная есть...

— Нет, спасибо. — Петька откашлялся. — Пить пока не научился, трезвенником хочу прослыть.

— Ой, батюшки-светы!.. — Галина покачала головой. — Знаем мы вас, трезвенников. У меня Игнат, как только мы поженились, тоже к рюмке не прикладывался, а сейчас нет-нет да и попросит стопочку с устатку...

После этого случая Петька по пути часто заезжал к Игнату и Галине. К парню привыкли, и, если он долго не появлялся, Галина начинала беспокоиться и, обращаясь к мужу, говорила:

— Был на селе, узнал бы, уж не случилось ли чего с Петром?

— Экзамены в школе идут, не до нас парню.

А в июне — война.

Игнат ушел на фронт на второй день. Галина стала работать лесником. Нежданно-негаданно нагрянула беда. В середине июля пришло извещение, что Игнат пропал без вести. Горько сокрушалась по мужу Галина. Сколько слез пролила, терзаясь во вдовьей тоске, осунулась, почернела лицом, стала одеваться по-монашьи, в черное. В селе появлялась редко, словно боялась выносить свое

горе на люди. Петька почти не встречал ее у кордона и, проходя мимо, удивлялся мертвой тишине.

И вдруг сегодня эта тишина нарушилась. Нарушилась непонятным, церковным пением.

... Петька, приласкав отяжелевшего от старости Полкана, сладко дремавшего у конуры при входе на крыльцо, осторожно подошел к подслеповатому боковому окошку и заглянул внутрь избы.

В полутьме он увидел три женских фигуры в черных одеяниях, стоявшие на коленях. Перед ними на столе, убранная белым полотенцем, возвышалась икона Серафима Саровского со свечой на киоте. Воздев лица, размашисто крестясь, женщины заунывно тянули церковную песню. В одной из них Петька узнал Галину.

«Что же это такое делается? — испуганно подумал он, осторожно отходя от окна. — Неужели Галина с горя религиозной стала? А эти две черные вороны откуда взялись?»

Ему захотелось ворваться в сторожку, накричать на юродствующих, загасить свечу, а икону выбросить вон из избы.

Вислоухий Полкан лениво терся у ног, потягиваясь и зевая. Пенье в сторожке кончилось, и вскоре Петька услышал глуховатый жалобный голос чтицы:

— Глава седьмая... Евангелие от Луки... «Когда же он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, она была вдова; и много народа шло с нею из города.

Увидев ее, господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь.

И подошед прикоснулся к одру; несшие остановились; и он сказал: юноша! Тебе говорю, встань!

Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его».

Горькие рыдания заглушили голос чтицы. Петька видел, как лесничиха, закрыв лицо руками, бьется в иступленном плаче. Одна из женщин бесшумно поднялась, юркнула в коридор и тут же вернулась с ковшом воды. Женщины подняли под руки лесничиху, усадили к столу, поднесли ко рту ковш.

... Потрепав за шею собаку, Петька бесшумно перескочил через жерди огорода и выбежал на дорогу, никем не замеченный.

Когда в доме все легли спать, Наталья отнесла в кринках парное молоко в погреб, вышла на крыльцо. В густых осенних сумерках кое-где проглядывали в окна притихших домов слабые желтоватые огоньки. Керосина в магазинах не стало, и лампы с наступлением темноты не зажигали, старались управиться с домашними делами засветло.

Улицу заслонила та настороженная тишина осенней ночи, когда даже стук водяной капли, упавшей с холодной цепи вбóрота на дно колодца, отчетливо слышен.

В небе, задернутом рыхлыми седыми тучами, не светило ни единой звездочки.

Наталья присела на верхней ступеньке крыльца, подперев шероховатой ладонью подбородок, и тотчас же почувствовала тупую боль в пояснице. Давал о себе знать картофель. Женщины почти всю неделю не разгибаясь копали его на основном участке за околицей.

Михаил Кузьмич по два раза на день наведывался на участок первой бригады и поторапливал.

— Бабоньки, поднажмите, — умолял он сипловатым голосом, широко шагая поперек борозд по полю в развеваемом брезентовом плаще, — всего с десяток гектар остальемся. Рассчитаемся с государством — отдохнем немножко. Во второй бригаде закругляются...

Ездовые — подростки, парни и девушки — прямо с поля из ворохов отвозили обсушенный ветрами картофель на Кошелихинский спирто-водочный завод, в семи верстах от Кременок.

Сегодня к вечеру была отправлена последняя подвода в Кошелиху, и женщины пораньше вернулись домой.

Накинув на голову шерстяной платок, Наталья зябко поежилась, вслушиваясь в тишину осенней ночи. В прежние годы такого глухого, настороженного молчания на селе не бывало. Раньше, как ни утомлялась молодежь на работе, а неугомонная гармошка да девичьи частушечные припевки все равно звенели в разных концах села. Наталья вспомнила, как однажды такой же вот темной ночью они с Виктором возвращались из Выселок со свадьбы двоюродного брата. Захмелевшие, в пути сбились с дороги и бродили почти до рассвета около рузановского леса. Ночь была по-осеннему теплой, безветрен-

ной. Поле пахло полынью и горьковатым дымком сожженной ботвы. Полынью пахли и горячие руки Виктора, лежащие на ее плечах.

Память вела женщину все дальше и дальше, в юность. Перед мысленным взором вставали лица знакомых, друзей, события, когда-то казавшиеся незначительными, теперь представляющиеся яркими, волнующими. Припомнилось детство. Среди высокой, в росяных капельках ржи плывет, раскачиваясь, телега. На ней, утопая в пахучем свежем клевере, сидят трое — отец, мать и она, восьмилетняя голенастая девчушка в нарядном платье. Лошадь, пофыркивая, легко везет телегу к белеющей вдалеке колокольне бывшего женского монастыря. Там, в районном центре, — ярмарка. Почему-то ярче всего запомнился цветной шатер карусели, звон бубенцов на игрушечных лошадках и сладкий вкус сливочного мороженого.

Память унесла ее в тридцать третий год... Словно в солнечном озарении увидела она по-праздничному одетого отца, собравшегося далеко, в Балахну, на заработки. Докатилась весть, что там требуются на стройки плотники. Наталья видит отца, стоящего возле стола в голубой сатиновой рубашке. Он укладывает в самодельный фанерный баульчик белье, мешочек пахучего самосада, ложку, соль, завернутую в чистую тряпицу, виновато улыбается матери, словно просит у нее прощения. Глаза у него синие-синие, и в них играют крошечные, с булавочную головку, зайчики, отраженные от весенних луж, рябщих под ветром за окошком.

Таким его навсегда и запомнила Наталья. Со стройки домой он не вернулся. В дождливый осенний день поскользнулся на шатких лесах седьмого этажа, не удержался и разбился о сырую землю. Незнакомые люди переслали вдове скудные пожитки, последнюю зарплату и утешительное письмо, в котором писали, что крестьянин Николай Синицын похоронен по православному обряду на городском кладбище...

Увидела Наталья и мать, плачущую, с бессильно обвисшими руками. Видно, что-то надорвалось у нее внутри, с того дня она вся обмякла, стала забывчивой, неразговорчивой. К весне ей потянуло сильно пояницу, и она свалилась пластом, вся в огне. Заботы по дому легли на плечи шестнадцатилетней Наташи. За лето

мать поправилась и уже свободно все делала дома по хозяйству. Наташа смогла опять учиться в школе и даже выбирала время на гулянье.

На свадьбе Натальи мать плясала живо, с огоньком, как в молодости, и никто не думал, не гадал, что это была ее последняя осень. Умерла она на покров. Люди говорили, что во всем было виновато холодное молоко, которое женщина выпила, распарившись в бане.

... Воспоминания оборвали чьи-то торопливые шаги. По неровному их стуку Наталья догадалась, что это хромой сторож сельсовета, он же и письмоносец, Влас Долин. Сторож от колодца поворачивал к дому Бугровых. У Натальи все захолонуло внутри. Не заметила, как встала, коченеющими руками схватилась за перила.

— Не бойся, не бойся, милая, — предупредительно заговорил Влас, — лиха беда тебя миновала... Веруньке вашей известие пришло... Я вот уж по ночам стал разносить похоронки, чтобы людей своим видом не пугать... Письма ношу днем, а эти ночью...

— Веруньке... от кого же? — тревожно спросила Наталья.

— Сашка Балувев погиб, на него из военкомата сразу две похоронки пришло — матери Александре Павловне и вашей Веруньке. Ты за нее распишись, а я пойду скорее. Вот уж три месяца их, проклятых, ношу, а привыкнуть не могу. Забудусь ночью — и во сне вижу, будто я квитанции на гроба людям выдаю, а с меня пот холодный...

Вот и коснулось горе своим черным крылом семьи Бугровых!

Дрожащей рукой расписалась Наталья за похоронку. Как сказать о случившемся Веруньке, как утешить ее?!

А ведь только месяц назад Верунька получила письмо от суженого. Сашка писал, что учится на командира, рвется на фронт. Признавался, как горячо любит Веруньку и надеется на счастливую встречу, — и вдруг...

Разговор у крыльца услышала в избе Верунька. Она, полуодетая, выскочила из сеней и, припав к теплой груди Натальи, зарыдала горько, по-детски. В темном проеме дверей показался в исподнем белье дед Дмитрий, засуетилась, забегала Степанида, пытаясь дрожащими руками зажечь лампу. «Уж, поди, не с Витюньюкой ли что

случилось?! — вся леденея от страха, шептала она. — Ой, горе мое горькое!..»

— Боже мой, Наташенька, что же это такое!.. — рыдала Верунька безудержно на груди снохи. — Как я теперь буду жить?!

— Успокойся, доченька, — выбегая на крыльцо, заговорила испуганно мать, — нельзя же так убиваться!..

— Свет белый не мил!.. Умру я, наверно, — задыхаясь, сквозь слезы шептала девушка. — Где ты, Сашенька, родной?! Что с тобой сделалось?!..

— Ну, я пошел, — виноватым голосом сказал Влас. — Вы уж того... извините. Пошел я, значит...

Степанида обняла дочь за вздрагивающие плечи, повела ее в избу. Наталья пошла следом. Дед Дмитрий суетился в темноте сеней, пытаясь отыскать ковшик на кадушке с водой.

— Попей водички, — говорил он, поднося Веруньке дрожащими руками ковшик, — попей, внученька, оно и полегчает... Что же теперь делать-то? Видно, судьба такая...

Судорожно захлебываясь, девушка с трудом отпила глотка два, села на край дивана и, по-старчески раскачиваясь, устала куда-то в пустоту.

Наталья гладила ее растрепанные волосы, шептала успокаивающие слова.

— Пойдем, доченька, на кровать, — ласково проговорила Степанида, — поспи лучше, оно, может, и полегчает. Слезы горю не помощник...

Она помогла Веруньке добраться до кровати. Девушка уткнулась лицом в подушку, растянувшись на постели. Мать накрыла ее одеялом.

— Спи, доченька, успокойся, — присаживаясь на край кровати, шептала Степанида, глядя шелковистые волосы Веруньки. — Война, она всем горькое лихо несет. Так в слезах и утонуть можно. Надо силы в себе найти. Не найдешь — сломишься, как былинка под ветром.

То ли от этих слов, то ли от ласкового материнского голоса девушка успокаивалась, приходила в себя.

Наталья прикрутила в лампе огонь и пошла в свою комнату, где спала Светланка.

Девочка дышала ровно. Наталья наклонилась над ней. «Кровинушка моя, звездочка ясная, спит и ничего не знает, не ведает, какое горе в дом заглянуло...»

Хотела было раздеться и лечь в кровать, но раздумала, зная, что спать все равно не будет. Прислушалась к звукам и шорохам в соседней комнате. Верунька дышала ровнее, глубже. Свекровь, мягко ступая, прошла к своей кровати в чулане, загасив по пути лампу.

Убедившись, что все в доме успокоилось, Наталья в темноте, на ощупь, вышла в сени. В темноте нашла фуфайку, накинула на плечи.

Выйдя вновь на крыльцо, Наталья услышала душевраздирающие женские причитания, доносившиеся с Боташевой улицы от дома Панковых.

Плакали и в других домах, где получили в этот вечер извещения о гибели родных и близких.

Наталья спустилась с крыльца. Ночная прохлада, словно вода, окатила икры босых ног, заставила зябко вздрогнуть.

Неподалеку, в доме Жижиновых, горел огонь. И там сегодня горе!..

Сколько их, вот таких домов, светится в эту ночь по бескрайней России, в которые заглянула горькая, как полевая полынь, беда!

Облокотившись о частокол у тополя под окном, Наталья задумалась. Мысли, одна тревожнее другой, крутились суматошным хороводом.

«Неужели придет час, и я получу такое же извещение и буду так же убиваться, как Верунька и другие женщины, ставшие вдовами? И зачем человеку такое горе? Ведь знают же люди, что живут один раз на земле, так пусть живут все счастливо, мирно, по-справедливому... Ведь жили мы без войны, никому не мешали, не лезли в чужой огород... Зачем Гитлеру понадобилось принести людям столько беды и несчастья? Неужто никогда он не видел и не изведal страшного человеческого горя?»

Во дворе, захлопав крыльями, голосисто процел петух. Под соседским крыльцом послышался хриплый собачий лай, но вскоре опять все затихло.

Поднявшись по шатким ступенькам крыльца, она неожиданно столкнулась с Верунькой. Полуодетая, в накинутом на плечи материнском платке, девушка обняла Наталью.

— Я слышала, как ты вышла на улицу, — зашептала она. — Мне тоже не спится. Давай посидим.

Молча сели на ступеньки. Верунька, по-детски положив голову на колени Натальи, дышала неровно.

— Что с тобой? Уж не заболела ли ты?

— Наверно, — шепотом ответила Верунька. — Голова разламывается.

— Нельзя так волноваться, — по-матерински заговорила Наталья, — видно, чему быть, тому не миновать...

— Ты знаешь, что я решила?.. — заговорила Верунька. — Пойду на фронт, в ту самую часть, где служил Саша, добровольцем попрошусь... В газетах много пишут, что девушки идут добровольно в армию, а чем я хуже других? Здоровая, сильная, грамотная. В строй не возьмут — запишусь санитаркой. Без меня вы здесь сами управитесь...

— Хорошо, хорошо, завтра об этом потолкуем, — заговорила Наталья. — Раз решила, так что же делать? Удерживать никто не будет, время такое...

И долго еще они говорили в эту осеннюю ночь.

А через неделю, не успев получить ответ из военкомата, Верунька была мобилизована на рытье противотанковых рвов под Муром.

16

Светланка, босая, в пестром ситцевом платье, стояла на крыльце и смотрела, как мать несет от колодца на коромысле полные ведра воды.

Моросил мелкий дождик, у ступенек внизу, на вбитых в землю красных кирпичах, налилась лужица. Девочке неудержимо захотелось ступить в нее босыми ногами, и она уже пыталась сбежать вниз, как сердитый голос матери остановил ее:

— Ты чего босая на ветру стоишь? Захворать хочешь?! Скорее беги в избу!

Наталья сняла коромысло с плеч, с ведрами в руках вошла на крыльцо. Кадушка в сенях была уже полная. Поставив ведра на лавочку у стены, Наталья вытерла ноги о веник, лежавший у порога, прошла за Светланкой в избу.

Дед Дмитрий, тяжело кряхтя, возился в чулане с вязанкой лыка, опуская красные запыленные катушки в лохань с теплой водой. Степанида, задевая деда кочер-

гой, сажала в печь хлебы, гремя по шестку железными тазами.

— Ты почему мать не слушаешь и босиком на крыльцо выскакиваешь? — прикрикнула Наталья на девочку, сжавшуюся комочком на кровати. — Смотри у меня!.. Унесет тебя ветер безрукий, будешь знать!..

— А вот и не унесет, и на дворе совсем не холодно, — затараторила Светланка, шмыгая носом.

— Я тебе покажу «не холодно», — еле заметно улыбнулась Наталья. — Видишь, уже из носа течет!..

Было воскресное утро. Дождь, зарядивший с полуночи, мешал выйти на уборку картофеля. Наталья проснулась по привычке рано, затемно справилась по хозяйству и сейчас, наносив воды, не знала, чем заняться.

— Мама, может, помочь тебе? — спросила она у све-крови.

— Сама я, доченька, управлюсь, — сказала Степанида, — ты лучше голоногую одень, — она указала на внучку, — а то картошки наелась, а одеваться, обуваться не хочет!..

— Не хочу, не хочу, — захлопала ладонями Светланка, подпрыгивая на кровати.

В окно с порывом ветра застучали дождевые капли.

— На снег, наверное, перебьет, — сказал дед Дмитрий, выходя из чулана, — снег любит ложиться на сырую землю!..

— Рановато бы, — донесся от печи голос Степаниды.

— Почему это рановато? — спросил недовольно дед. — Покров прошел — жди белых мух!..

Наталья, достав из-за зеркала костяной гребешок, стала причесывать пушистые волосы Светланки.

— Сиди у меня, не вертись как юла! — прикрикнула нарочито сердито. — И в кого ты такая вертлявая уродилась?

— В папу, маму, в папу, маму, — защебетала Светланка, подняв кверху ручонки.

За окном послышался радостный визг собаки. Петька, одетый в зеленый брезентовый плащ с островерхим капюшоном, шел из сельсовета с мешочком соли, прикрывая его от дождя полой.

Наталья постучала в окно:

— Петя, зашел бы к нам на минуточку!

Петька кивнул и пошел к крыльцу.

Мокрый плащ и мешочек с солью он оставил в сенях в избу вошел в сером костюме, без фуфайки.

— Заходи, заходи, Петенька, — заговорила из чула на Степанида, — рядом живем, а давненько ты у нас не бывал...

— Здравствуйте, — глуховатым баском буркнул Петя с порога и, словно оправдываясь, быстро заговорил: — Дома редко бываю, все больше у дяди в поселке ночую там хоть не так скучно... Все-таки кино каждый день можно смотреть... А вот учиться стало труднее, учителя-мужчин всех подчистую на фронт взяли, остались одни женщины.

— Присаживайся к столу, — пригласила Наталья. — В сельмаг, что ли, ходил?

— За мылом бегал, а его и в помине нет. Соли две килограмма взял про запас: Нина, продавщица, посоветовала. Говорит, бери, а то еще не знаю, когда будет. А ты, дед, уж не мокроступы ли плеть собираешься? — спросил он Дмитрия.

— И то дело. Лапти на Руси, у кого ни спроси, — первая обувь, — отозвался скороговоркой дед.

— Уж ты скажешь, — перебила его недовольно Степанида, — слушаешь тебя, так можно подумать, что весь свет на лаптях и держится...

Дед что-то буркнул себе под нос, замолчал. Светлака крутилась колесом по избе, хлопала ладошками звонко повторяла:

— Дед лапти плетет, дед лапти плетет...

Дед размотал катушку моченых лык, приготовил самодельным ножом разрезать их на узкие ленты.

— Ты, Петруха, вот что мне скажи: забыл ты песню которую пели на всех праздниках, али не забыл?

— Это какую же?

— А ту, в которой говорится, что мы своей землерешка никому не отдадим?

— Хорошо ее помню... Ну так что же?

— Как «что же»? Тогда получается, что и из песни можно слова выбрасывать?

— Нет, дед, ты не прав. Песня как была песней, песней и осталась, и слова в ней правильные. Чужой земли мы не хотим ни пяди, так оно и есть на самом деле. Не мы позарились на чужие земли, а фашисты зале

к нам. А что касаемо «вершка не отдадим», то это дело временное. Возьмем свои вершки. Сполна.

Дед глухо кашлянул, посмотрел вверх очков на Петьку.

— И чего ты, старый, все время в политику лезешь? — крикнула из чулана Степанида. — Ну, чисто Калинин, да и только!

— А что! — дед задорно вспетушился. — Мы с Михаилом Ивановичем ровесники. Он государством правит, а мне уж и порассуждать о важных делах нельзя? ..

— Говори, говори, дедушка, — поддержала старика Наталья, — от разговоров легче на душе становится. ..

Приободренный снохой, дед отложил лыки в сторону.

— Ты, Петруха, из молодых, но дотошный. Объясни мне: зачем немец войной на нас пошел? Михаил Кузьмич говорит, что, мол, фашистам простору на земле не хватало, вот они и решили этот самый простор у нас взять. Но ведь жила же Германия до Гитлера без этого простора! Значит, сейчас немцы в три горла мясо будут жрать и шнапсу за один присест по бочке выпивать? ..

— Нутро у фашистов буржуазное!

— У нас в первую мировую войну в селе жили пленные немцы, рожь жали, в кузнице работали. Люди как люди, самые обыкновенные, с руками и ногами. Ругали своего Вильгельма на чем свет стоит, что он их в войну втянул, от дома оторвал. Все в голос говорили, что никогда ни с кем воевать не будут, своим внукам и правнукам закажут не ввязываться ни в какие баталии. Неужели их внуки сейчас против нас идут, наказа отцов и дедов не послушались? Как же все это получается?

— Гитлер людей обманул, затуманил головы, пообещал райскую жизнь, а немцы и поверили ему, жадность их обуюла. А от жадности люди звереют.

— Это так, — согласился дед, — от жадности человек лютым становится, человеческий образ теряет. ..

Светланке надоело слушать дедов разговор, подбежала к матери, уткнулась лицом в колени. Петька потрепал рассыпавшиеся легкие волосы девочки, спросил у Натальи:

— Что Виктор с фронта пишет?

— Сообщал в последнем письме, что жив, здоров, фрицев бьет. .. Да и что он может больше написать?

Иное письмо все в черных полосках приходит. Гадаю, что далеко он где-то, на юге. Письма больше двух недель идут. — Наталья сокрушенно вздохнула: — Как ты думаешь, остановят наши немцев до зимы или отступить и дальше будут?

— Остановят, обязательно остановят! — сказал уверенно Петька. — Есть слух, что из Сибири на запад неслетное количество войск движется. Скоро подтянут из глубинки резервы — и капнут Гитлеру... В Арзамасе на станции эшелон за эшелон на запад идут, видимо-невидимо...

— Уж скорей бы рассчитаться с фрицами, а то они все ближе и ближе к Москве... Что, если немец возьмет Москву? Что тогда будет?

— Не возьмет, подавится!.. А вот у нас на селе всякое болтают. Появились невесть откуда чужие люди, сплетни всякие пускают, мутят людские души. Вчера у Марии Сидоровой в избе опять церковное песнопение было, сам слышал. Монашки откуда-то на свет божий вылезли, как тараканы из щелей. Где только они столько лет хоронились?

— Люди в горе к богу потянулись, — откашлявшись, тихо сказал дед, — не хлебом единым жив человек... Слыхал я, что церковь открывать собираются.

— Лучше бы склад для зерна из нее сделали, — вставил сердито Петька, — и то пользы бы больше было! Старые склады все зерном засыпали, до самых крыш, а в скирдах столько еще необмолоченного хлеба стоит!.. И Арзамас скоро принимать не будет, и там все элеваторы забиты, говорят.

Все замолчали. Изба заполнялась вкусным ароматом печеного хлеба. Наталья принесла из чулана большой зеленый чайник с квасом.

— Попей нашего кваску. Голову кружит, что твоя медовуха.

Наталья налила Петьке в алюминиевую кружку коричневатую-зеленую пенистую жидкость.

Светланка бесцеремонно забралась к нему на колени и настойчиво просила рассказать что-нибудь интересное, про разбойников.

— Не приставай к парню, — сказала Наталья. — И в кого ты такая настойчивая? Все бы тебе сказки да сказки...

— Без сказки и жизнь скучна, — вступился за Светланку дед, — это сейчас кино да романы, а в мои детские годы сказка да песня все заменяли. . .

— Сейчас, Светланка, я тебе расскажу самую интересную сказку, как добрые и сильные люди победили злых и черных разбойников, — проговорил весело Петька. — Садись рядом и слушай. . .

Девочка соскользнула с Петькиных колен, уселась рядом на лавку.

— Далеко-далеко, за дремучим бором, — начал Петька, — скачут по полю на черных конях железные люди. Гулко стучат копыта по земле, развеваются косматые гривы. Из лошадиных ноздрей бьет горячий пар. Где ступит такая лошадь — тотчас же крапива и чертополох вырастают, куда ни повернет голову — все начинает гореть. . . Из далекой плохой страны примчалась эта конница, чтобы сеять всюду горе и зло, убивать добрых, работающих людей.

Светланка с широко раскрытыми глазами вслушивалась в слова. Наталья с задумчивой лаской смотрела на Петьку.

— Но нашлись храбрые краснозвездные люди, встали они на пути черной конницы, и загорелся невиданный бой! Задрожала земля, помутнело небо. Искры от ударов штыков и сабель вспыхивают, как молнии. День, второй, десятый длится страшный бой. . .

И стала расступаться земля под копытами черных коней, с каждым часом они уходили все глубже и глубже в землю. Вот уже стали видны только гривы коней и головы всадников. Вдруг ярко сверкнула молния, и земля проглотила этих черных людей! . . И с тех пор на земле стали жить только добрые люди. Там, где росли крапива и чертополох, они посадили яблони, груши, виноград, красивые цветы. Войны прекратились, люди стали жить в дружбе друг с другом.

Светланка сидела не шелохнувшись.

— Попробуйте наших пирожков, — предложила Степанида, выходя из чулана и ставя на стол тарелку с поджаренными пирожками, — с грибами сегодня напекла. . .

— Угощайся, Петя, — шепнула Наталья.

— Под такую закуску не мешало бы и по маленькой, — пошутил дед, вытирая о полотенце руки, — тогда пироги в горло сами бы полезли. . . — Дед перекрестился,

не спеша подошел к столу. — Опять я вернусь к старому разговору, — начал он глуховатым баском, усаживаясь в красном углу. — Вот ты скажи, мил человек, как же это получается? Прет проклятый Гитлер на нашу землю, а мы все отходим и отходим. Неужто ослабела русская силушка? Ведь испокон веков Русь была непобедима, а тут — на тебе!.. отходим. Ну, что ты на это скажешь?

— Скоро ли, поздно ли, но все обернется в нашу пользу. Не будет вовеки такого, чтобы немец скрутил нас!.. Наша страна вон какая, а Германия с гулькин нос. У нас, считай, в одной Сибири десять Европ поместить можно... Собраться с силами мы еще не успели — вот и загвоздка получилась.

— Вот и Виктор пишет то же самое, — проговорила Наталья, забирая Светланку на колени. — А ему там виднее.

В окно кто-то громко постучал. Сквозь запотевшее стекло Петька увидел рассыльную Дуняшу, укрытую с ног до головы пестрой столовой клеенкой.

— Наталья, тебя в правленье кличут! — крикнула она. — Председатель велел быть сейчас же!

— Хорошо, Дуняша, скоро буду.

Петька поблагодарил бабушку за вкусные пирожки, потрепал за пушистые волосы Светланку.

— Петя, заходи к нам почаще, — пригласила Наталья, — не забывай соседей.

— Спасибо.

После ухода Петьки в доме сразу сделалось тихо. Дед молча принялся резать лыки, Светланка стала возиться с тряпичной разлохмаченной куклой, а Наталья, убрав со стола тарелки, стала торопливо собираться.

17

В правлении в этот день было многолюдно.

Люди тесно сидели на скамьях у стены, прямо на облупившемся от желтой краски полу, поджав под себя ноги. Подростки и старики едко дымили вонючим самосадам, пускали к потолку, обклеенному пожелтевшими газетами, седые клубы дыма. Форточки были открыты, но с улицы в них порывисто задувал ветер и загонял дым обратно.

За столом, покрытым красной выцветшей скатертью с чернильными пятнами, сидел председатель Михаил Кузьмич в серой фуфайке с распахнутым воротом, в синем кашне. Рядом, склонившись над клеенчатой толстой тетрадкой, что-то писала счетовод Шура Дудорова. Чуть поодаль сидел завхоз Матвей Иванович Горин, поблескивая металлической оправой очков.

Мужчины говорили о фронтовых делах, женщины судачили вполголоса о колхозном начальстве, размышляли вслух о том, каков будет в этом году трудодень.

Наталья и Лиза вошли и стали позади женщин, сгрудившихся возле голландки. Спустив платки на плечи, обе притиснулись к стене. Бойкая на язык Стешка Сидорова, толкнув Наталью в бок, шепнула:

— Смотри, председатель сегодня угрюмый какой-то. С чего бы это?

— С чего бы ему веселиться? Дела кругом не ахти какие.

Трудно, ох как трудно было председателю в эти дни! Куда ни кинься, за что ни ухватись — все вырывается из рук, везде неполадки, недостатки, перебои. В одном месте залатаешь прореху — в другом месте все трещит по швам. Ни днем ни ночью нет передышки. От суетни, ненужной спешки, от недосыпания звон стоит в ушах, в глазах мелькают темные круги.

Сбоку Михаила Кузьмича на стене висел в желтой рамке под стеклом план колхозной земли. Угодья артели раскинулись от Кардеман до Мешихи, за день на коне не обскачешь. Одной только пахотной земли у колхоза насчитывается пять с половиной тысяч гектаров. Попробуй ее возделать, вовремя засеять, вырастить каждый колос, убрать созревший хлеб в закрома, когда рабочих рук везде не хватает да и тягловая сила заметно сократилась — десять лошадей и грузовую автомашину взяли на нужды фронта.

Когда сегодня он утром вышел из дому и увидел под тяжелыми свинцовыми тучами раскинувшееся по оврагу село, сердце сжалось от боли. Серые избы, словно насадки, нахлотившись, стояли, тесно прижавшись друг к другу. Печи уже истопили, лишь кое-где над серыми крышами курился синий дымок. На улицах было безлюдно и тихо. Уж больно быстро, за одну осень, без мужских рук покосились заборы у дворов, перекособочились воро-

та и калитки, в многодетных семьях разбитые стекла в окнах домов были кое-где заставлены лубками.

«Даже петухов не слышно, — удивился Михаил Кузьмич, — словно все заснуло кругом. Вот она война, и сюда свою тень забросила».

И только при подходе к правленью его рассмешил лобастый Шарик, выкатившийся колесом из подворотни двора Фатиных.

Весь в репьях, с клоками свалывшейся шерсти на хребтине и вздернутым обрубком хвоста, спросонку он принял Михаила Кузьмича за чужого и залился звонким лаем. Увидя своего, он удивленно заморгал глазами, оборвал свой залиvistый лай и стал юлить возле ног председателя.

— Эх ты, чучело гороховое! — Михаил Кузьмич смеялся. — Свой своего не познаша. . .

Но на душе все же было тоскливо и горько. По радио только что сообщили об оставлении Одессы, которая героически оборонялась семьдесят три дня.

Придя в контору, какое-то время смотрел, как в окне дрожала от ветра форточка, как по стеклу бежали, догоняя одна другую, капли дождя, оставляя извилистый след. Тяжелые слова сводки камнем упали на сердце. Плакали за стеной ветер и дождь, завывая тоскливо и нудно в оголенных ветвях дуплистого клена.

Один за другим стали входить колхозники. Потом повалили так густо, что входная дверь возле черной печки-голландки почти не закрывалась. Оглядывал он свою армию и только диву давался. Одни старики, подростки да женщины, а ведь такую работу ломают, что впору только мужчинам сильным да молодым. С севом озимых в первые дни отставали, потом поднажали и даже вышли по району вперед. Сейчас обмолачивают последние скирды хлеба, копают картофель. С темна до темна люди в поле и на токах. . .

Рассаживались на старых школьных скамьях, принесенных из коридора, тихо переговаривались. Подростки у двери затеяли было возню, но под взглядами стариков присмирели.

Женщины все расселись на первых рядах. Наталья, Лиза, Авдотья Морозова — колхозный актив — уселись к столу поближе. Лица у них, как и у всех женщин, обвет-

рились, заострились, натянулась на скулах кожа, губы потрескались...

Да, достается. Но тянут лямку, не жалуются на тяжелую ношу, хотя на душе у каждой горя невпроворот.

Трудная эта осень. В многолетних семьях прошлогодние запасы хлеба были на исходе уже к концу жатвы. Пришлось из первого обмолота выдать аванс по сто пятьдесят граммов на трудодень.

Председатель поднялся, откашлялся и простудным голосом заговорил:

— Дорогие сельчане! Мы сегодня собрались здесь посоветоваться, вместе решить, как побыстрее закончить уборку картофеля. Тут вот постановление одно, по которому мы обязаны...

Он развернул лежавшую на столе газету с постановлением и начал читать собранию. Постановление обязывало все полевые работы закончить до первых заморозков. Кончив читать, председатель с указкой в руках, словно школьный учитель, подошел к висевшему на стене плану колхозных угодий и начал рассказывать, как обстояли дела с уборкой картофеля по каждой бригаде в отдельности.

Разница получалась значительная. Если первая и третья бригады копку почти закончили, то вторая и четвертая не выкопали даже и половины.

Здесь молча слушавшее его собрание неожиданно загудело. А когда он начал перечислять фамилии отстающих, с места вскочил бригадир четвертой бригады Забелин Максим, горбатый старик с азиатским разрезом глаз, и, тряся жидкой рыженькой бороденкой, визгливым голосом закричал, обращаясь к собранию:

— Это что ж такое получается, дорогие товарищи-колхозники?! Участок моей бригады у Павловских кустов на самом гиблом месте, у болота. Попробуй-ка там покопать картошку, когда все заилено, утрамбовано так, что я и не знаю... Там никакой плуг не поможет. Мы ее, ту картошку, голыми... вот этими руками дерем из земли! Хорошо Петру в передовиках ходить, — ткнул он кривым обкуренным пальцем в бригадира третьей бригады Любимова, — у него и земля как пух, и лошадей вдвое больше на вывозке, — ну, а нам кто поможет?!

— Ты, Максим, на других-то пальцем не тычь! — басом гаркнул Любимов. — Наведи-ка ты лучше порядок

в своем хозяйстве! Видел я, как работали вы. Больширили да задницы возле теплоты грели! Привык за чми-то спинами прятаться...

— Как это? Как это? — затараторил Максим. — Я... это я-то прячусь?!

— А то кто же еще! Помнишь, как ты гречиху вомя не скосил, половину оставил в поле? Ты и тогда обвинил, что не помогли тебе вовремя. А кто дольше в постелях по утрам проклажается? Моховские, котоиз четвертой бригады!..

Забелин шагнул к председательскому столу и, ходу рванув дрожащими пальцами засаленный воротника, запальчиво крикнул:

— Что же это получается, председатель? У Петв бригаде на вывозке двадцать подвод работают, а у ме токо девять! Ни ездовых, ни лошадей не хватает. Пусть ка Петр в моей шкуре походит, посмотрим, что он тог, запсет!

— Не влезу я в шкуру твою, маловата!..

Спор разгорался лесным пожаром. Загомонили женщины. Все повскакали с мест, и в этом гомоне, гам сразу угас, потонул председательский голос.

С большим трудом удалось навести порядок. Председатель пообещал сегодня же на правлении пересмотреть составы бригад и все их поставить в одинаковые примерно условия.

Слова попросила Авдотья Морозова, временно исполнявшая должность завфермой. Начала горячо говорить что помещение фермы к зиме не готово, крыша прохудилась, стены не утеплены. Ее неожиданно оборвал Матвей Горин, завхоз, заявив, что сегодня вопрос на собрания стоит не об этом. Вот будет поставлен вопрос о ферме — тогда и о ремонте можно говорить...

— Как это «не об этом»? — возмутилась Авдотья. — Ты что, не из русских, не знаешь, что сани нужно готовить летом, телегу зимой? Когда холода-то задуют, тогда поздно будет!..

— Правильно говорит баба!

Михаил Кузьмич успокоил Авдотью, пообещав заняться и фермой в ближайшие дни.

Много решалось сегодня вопросов, и самым последним — надо было избрать бригадира первой бригады и

ку-
ки-
то
е-
ех
ех
е

заведующего фермой вместо ушедших на фронт Михаила Ботова и Ивана Тишина.

а
т-

Бригадиром избрали единогласно Наталью Бугрову, а заведующей фермой Лизу Никольскую. После собрания Михаил Кузьмич оставил их «для напутствия», но женщины так и остались сидеть в правлении, обсуждая и утрясая вместе с другими составы бригад, работавших на уборке картофеля.

а
т-

Возвращались домой уже за полночь. На улице Лиза обеспокоенно спросила подругу:

а
т-

— Ой, Наташка, что теперь с нами будет? За что сначала братья — ума не приложу!

а
т-

— А мне-то, ты думаешь, легче? Дрожу вся, не знаю и отчего...

а
т-

Подруги спустились по отлогому склону к плотине и пошли домой через конопляники. Перелезая через прясло, Лиза по-детски раскачалась на жерди, зацепилась подолом за сук и полетела на кучу сырой ботвы. Отряхнувшись, сказала Наталья:

— Все время падаю! И к чему бы это?

— К счастью. Посуда всегда бьется к счастью.

а
т-

— К счастью... Это так,— в тон ей проговорила Лиза. — Какое-то будет оно, наше счастье? От Мишки вон уж сколько недель писем нету, чуется мое сердце, неспроста это.

а
т-

— Некогда им там письма писать, воевать надо,— грустно сказала Наталья.— Уж такая солдатская доля у них.

18

К вечеру дождь перестал. На западе, за Крупновой мельницей, небо расчистилось, и в проемах серых туч по-весеннему молодо проглянуло солнце. Голосисто закричали к перемене погоды петухи. Но дворах тягуче, с надрывом, замычали коровы. В избе как-то сразу стало светло и уютно.

Петька сегодня рано вернулся из школы. Наскоро перекусив и сделав в одночасье уроки, подошел к окну и с трудом открыл набухшие створки рамы.

На безлюдной улице разгуливал холодный ветерок. От колодца шла Лиза Никольская, неся на коромысле полные ведра воды. Озорной ветер крутил ее юбку, задирая широкий подол.

— Смотри, Елизавета, унесет тебя ветер, как воздушный шар, прямо в поднебесье! — крикнул Петька, сверкая зубами. — Михаил вернется и не найдет свою желанную.

— А ты не заглядывайся на чужих желанных, — озорно ответила женщина. И, поравнявшись с окном, почти шепотом добавила: — Ты бы посмотрел на свою соседку, — Лиза кивнула в сторону дома Бугровых, — сегодня ее бригадиром избрали. Поздравил бы, что ли, — и пошла, раскачиваясь под тяжестью ведер.

Петька подошел к полке с книгами (сам ее смастерил года три назад по чертежам из «Колхозных ребят»). Библиотека за эти годы у него разрослась, книги уже не умещались на толстой сосновой тесине, прикрепленной фанерными треугольниками к стене, пришлось их складывать в три ряда друг на дружку.

Заветная, толстая, в клеенчатой обложке, тетрадь собственных стихов стояла между томиками Некрасова и Пушкина. Эти томики он получил как гонорар из областной детской газеты «Клич пионера» за первые напечатанные стихи. В тетрадь он записывал также стихи любимых поэтов, афоризмы, изречения мудрых людей. Она служила и дневником, куда он заносил свои наблюдения о родной природе, о жизни села, о друзьях-товарищах по школе.

Раскрыл тетрадь, пахнущую клеем и чернилами, и сразу же взгляд его упал на строки:

Шум березовый иль кленовый —
Отгадать не сумею я.
Вот и встретились,
Вот и снова
Мы с тобой у лесного ручья.

Что ж, давай помолчим, как прежде,
Только руку мне дай свою.
Помнишь, клен в золотой одежде
Щедро листья дарил ручью?

Ветви прятали звезды ночи.
Сумрак плыл голубой-голубой.
Я любил почему-то очень
Помолчать у ручья с тобой.

Припомнил, что эти строки сочинились в сумрачный вечер на сенокосе у Калягиной Лужины. Тогда в темных

тучах, за перелеском густого ивняка на взгорье, вспыхивали ослепительно яркие зарницы. Дождя еще не было, но уже слышался его стеклянный шум, и со стороны туч тянуло прохладой. Удивительно остро пахло сеном, терпкой корой старого дуба, стоящего неподалеку и громко хлопающего тяжелыми листьями. Глубокая вечерняя синева, висевшая над лугом и полем, сгушалась, становилась таинственной, настороженной.

Они втроем — Петька, Наталья и Верунька — целый день вместе сушили сено. Вот тогда-то и родились стихи. Даже не тогда, а уже дома, ночью, после дождя...

Перелистав тетрадь, Петька бережно положил ее между книгами. Он не знал, за что взяться.

Мать еще не пришла из школы, и в доме он был один. В этом году из-за нехватки учителей мать стала опять работать, и так как большинство учителей были молоды и неопытны, то Дарье Егоровне приходилось учить не только детей, но и делиться своим многолетним опытом с молодыми коллегами по работе.

Она допоздна засиживалась в школе, но домой приходила как всегда — собранная, строгая, не жалуясь на усталость. И только глубокой ночью Петька слышал, как мать беспокойно ворочалась в своей кровати и во сне болезненно стонала. А наутро опять поднималась чуть свет, бесшумно двигалась по комнате, справляла немудреную работу по хозяйству и уходила в школу ровно к девяти.

Петька подошел к боковому окну, выходящему в переулок. Цветы красной герани на подоконнике опадали, оголенные метелки соцветий пахли терпко, остро. За окном у крыльца в небольшой лужице ветер мелко рябил воду, напоминая о близких холодах.

Петька решил сходить в библиотеку. Быстро оделся, с трудом натянул на ботинки ссохшиеся галоши.

По безлюдной улице гулял сырой ветер. На пологом склоне у околицы омытая дождем трава зеленела ярко, по-весеннему. У плотины Шура Майорова размашисто колотила вальком белье, распугивая горластых ворон в старых ветлах у бань. Лопухий козленок, по-смешному подпрыгивая, крутился возле нее, стараясь ткнуться безрогим лбом в бок женщины. Шура, улыбаясь, отгоняла козленка:

— Вот я тебе задам, глупый...

Козленок отскакивал, внимательно смотрел на Шуру, словно раздумывая, и, сделав смешной скачок, опять переходил в наступление.

— Смотри, свалит он тебя в воду, утонешь!..

— Он ручной у меня, — разогнувшись и откидывая локтем пряди волос со лба, проговорила Шура, — прямо как щенок, не отстает ни на шаг... Выкормыш, без матери рос, сама молоком его отпаивала. Хотела в зиму не оставлять, а резать — руки не поднимаются. Уж больно игрив, как малый ребенок!

Лопухий стоял, выгнув по-смешному ноги, словно понимал, что речь идет о нем.

Поднявшись на пригорок, Петька подошел к клубу. Библиотекарша Тишина Валя, длиннокобая, бледная девушка с большими голубыми глазами, сидя за столом, что-то торопливо писала и так была увлечена своим делом, что не заметила Петьку. Мальчишки, сгрудившись над подшивкой «Крокодила», смеялись и что-то шепотом говорили друг другу, тыча в картинки пальцами.

Петька поздоровался с Валею. Девушка обрадовалась его приходу.

— Здравствуй, Петя, как хорошо, что ты пришел, — бойко заговорила она. — Понимаешь, мне поручили сделать доклад на комсомольском собрании о борьбе с религией, а я не знаю, с чего начинать. Может, что-нибудь подскажешь? Общее положение я взяла из этой брошюры, — Валя показала тоненькую книжицу. — А вот конкретно из сельской жизни ничего не могу придумать. Ходят, например, старушки в церковь слушать проповеди отца Василия, так ведь их ничем от этого не отвadiшь, хотя в церкви даже дьякона нет. Отец Василий один выступает в двух лицах... Старушки и те обижаются. Раньше, говорят, обедня шла пять-шесть часов, аж ноги под конец гудели, а сейчас свернет ее поп за час — и расходись по домам...

Валя умолкла, взглянула на парня вопросительно. Петька только сейчас заметил, какие у нее голубые глаза. Он пожалел про себя, что нет сейчас в селе Петра Ивановича. Уж тот бы знал, что сказать о вреде религии!

— На днях на Артемкинском кордоне я слышал какое-то молебствие, — заговорил Петька. — Монашки приползли откуда-то, черные как жуки, и у лесничихи в доме

молебен устроили. Поют церковные акафисты, а лесничиха в слезах на полу катается. Горе у нее — муж пропал без вести, а в горе, сама знаешь, и к богу и к черту потянешься, лишь бы на душе полегчало... А на днях они уже у Марии Кирейчевой на дому такую же службу устроили. Вот ты и начни с этого...

Валя понимающе кивнула и снова стала что-то быстро писать на тетрадном листе. Петька принялся перелистывать журналы.

...Из библиотеки Петька с Валею вышли поздно. Сырая темнота была настолько плотной, что силуэты домов сливались с небом и ничего не было видно в трех шагах. В притихших домах кое-где золотыми светлячками дрожали огоньки.

Спускаясь к плотине, Петька и Валя слышали, как плещется у старой ракиты вода. У края плотины с трудом различались силуэты двух старых ветел.

Домой шли через огороды. Петька помог Вале перелезть через скользкие жерди прясла.

Пробравшись на ощупь сквозь заросли лопухов и крапивы, с трудом открыл огородную дверцу у Валиной бани. Несмазанные петли ржаво закрипели. Неожиданно от дома завхоза Горина, стоявшего напротив, до них долетели веселое пение и пьяные женские голоса. Несмотря на поздний час, там гуляли. Гулянка была в полном разгаре.

«Кому война, а кому — праздник», — Петька сердито махнул рукой.

19

Наталья проснулась рано. Она беспокойно спала всю ночь. Вспомнила вечер, собрание в клубе. «Ой, батюшки, да что же это такое делается на свете! Выбрали бригадиром. Шутка ли, руководить таким хозяйством! В бригаде двести дворов, считай целый колхоз, одной пахотной земли сколько. А в бригаде бабы да мальчишки, у которых сопли текут. Завалю я все дело, ой завалю...»

С чего начинать трудовой день? Кого куда определять на работу? Звеньевой заботы куда меньше было! Бригадир давал наряд, и ты знала, что делать. А сейчас надо все решать самой, с нынешнего дня ты сама за все в ответе.

Наталья осторожно поднялась, чтобы не разбудить Светланку, надела кофту и юбку, выскочила в коридор, наскоро освежилась холодной водой и стала быстро собираться в правление.

— Наташенька, поела бы чего-нибудь, — слышался голос свекрови из чулана, — ведь на целый день уходишь. . .

— Спасибо, маманя, не хочу. Может, выберу минутку, забегу после. . .

Миновав огороды, женщина спустилась на плотину. Над прудом плавал плотный туман. С обвисших ветвей падали крупные росные капли. Утро начиналось лениво, приглушенно, без бойкого крика петухов, без скрипа телег у конного двора.

По заведенному порядку наряды на работу бригады получали в правлении накануне и уже с вечера планировали, кто чем будет завтра заниматься. Но вчера председатель допоздна задержался в райцентре, и поэтому бригады сошлись в правлении рано утром.

Все видели, что Михаил Кузьмич нервничает. Ходит за длинным столом от стены до стены, курит папиросу за папиросой.

Настроение председателя передалось и бригадирам. Все сидели молча, боясь проронить хоть слово. Видно, не сладко пришлось вчера председателю в районе, если явился в правление затемно таким нахмуренным.

Загасив в пепельнице папиросу, Михаил Кузьмич откашлялся, обвел собравшихся взглядом усталых глаз, со вздохом сказал:

— Вчера опять на райкоме разговор шел серьезный. И все об уборке картофеля. Особенно наседали на нас, что отстаем с планом вывозки. Давайте вместе будем решать, как поправлять дело. . .

— Надо показать класс в работе! — вставил завхоз Матвей Гюрин.

На него оглянулись, кто удивленно, а кто насмешливо.

— Я так думаю, — продолжал председатель. — На картошку надо мобилизовать всех колхозников. Сегодня же всех на картошку! До снега с ней надо разделаться. Рожь пока никуда не денется, в копнах будет стоять. Раньше картошку выкопаем — раньше и рожь молотить закончим.

Первая бригада, которую возглавляла теперь Наталья, объединяла две улицы — Новодеревенскую и Бобылиху. Бригада в колхозе была на хорошем счету.

По установленному порядку, бригадир каждое утро обходил звеньевых, занятых на полевых работах, и раздавал наряды на ту или иную работу. Часть нарядов раздавалась накануне вечером в избушке конюха, на околице у конного двора.

Наталья послала на Новодеревенскую улицу учетчицу Марфушку Майорову, а сама стала обходить Бобылиху.

Начала с крайней избы Грабичевых. Постучала в резной наличник, громко крикнула:

— Тетя Прасковья, на картошку!

— Никак новая бригадирша зовет? — долетел голос из избы. — Хорошо, Наташа, собираюсь. . .

У пятистенного дома Тюриных с пустыми ведрами на коромысле показалась тетка Агафья.

— На картошку своих посылай! — крикнула ей Наталья. — Заспались небось! . .

— Заспишься тут. . . Нина вчера в больницу по грязи топала, а Нюра вечером к матери в Балыково ходила.

День разгуливался. Прилетевший с полей ветер разогнал туман, засвистел в оголенных ветвях ветел. Начала робко проступать синева неба.

Подслеповатый домик Авдотьи Морозовой с облупившимися наличниками по окна врос в завалинку. Наталья постучала в верхний переплет рамы, и тотчас же изнутри отозвался звонкий женский голос:

— Кто там?

— Авдотья, это я — Наталья. Сегодня на картошку пойдем. А Ленька пусть лошадь запряжет, картошку с поля в Кошелиху повезет.

— Слышу, сейчас хлебы из печи выну и выхожу.

Из калиток дворов выходили на улицу укутанные по-осеннему в платки женщины с большими лукошками на спинах.

— Видишь, как новый бригадир старается, — шутили они добродушно, — командует, чисто генерал.

— И не говори, прямо полковник в юбке!

— Наталья, а ты построже кричи, особенно там, где мужики засиделись в избах. Пусть знают нашего брата. . .

Собрались возле колодца у дома Жижинových. Аку-

лина Козлова, несусветная выдумщица, приторным голосом заговорила:

— И сон я, бабоньки, страшный видела. . . Будто занялось полнеба пожаром за Крупновой мельницей, а по длинному яркому пламени черные птицы с железными когтями летают. Да так истошно кричат, что кровь в жилах леденеет! . . .

— Немец вон как на Москву прет, — перебила сказчицу Агафья Тюрина, — как бы не растерзали твои черные вороны нашу столицу. . .

— Не сдадут Москву, — вмешалась Поленька Пухова, — поверьте моему слову.

По широкой, заросшей желтым подорожником тропе, через усадьбу Жижиновых женщины вышли в поле.

На просторе ветер задул сильнее. Небо опять нахмурилось. Серые тучи низко нависли над землей, готовые разразиться дождем. На горизонте мутно проглядывала неровная стена леса.

Перейдя заросшую на склонах частым цепким орешником балку, женщины поднялись на пригорок у картофельного поля. Отсюда наверх к лесу тянулись ровные борозды с почерневшей перепутанной ботвой.

Послышалось тарахтенье телег — из-за кустов показались на повозках Катя Занина и Таня Кирейчева. Они громко причмокивали губами, понукая по-мужски лошадей.

Женщины быстро перепрягли лошадей в плуги, завели в борозды. Острые лезвия лемехов, глубоко войдя в землю, принялись выворачивать на поверхность крупные сахаристые картофелины.

— Позагорать нам здесь придется, Наталья, — сказала Авдотья бригадиру. — Поле — глазом не окинешь. Верь мне, до заморозков здесь не управиться. . .

— Может, осилим. . .

— И думать нечего! Раньше сюда втрое больше народу приходило, и то неделю в земле ковырялись. Делать что-то надо. . .

— Что же?

— Я вот рассуждаю так: пусть придут на уборку картошки ребята из школы, колхозу пособят. . .

Из всех полевых работ уборка картофеля считалась самой трудной. Может быть, потому, что эта работа завершала трудовое лето в поле и проходила зачастую под

дождем, на студеном ветру и по первому снегу, с заморозками.

Осенние дни коротки. Правда, за последние годы при артельном труде с уборкой картофеля управлялись в сухое теплое время, но все равно работали не разгибая спины.

В мирное время в такие дни над полем всюду поднимался густой белый дым, мальчишки жгли ботву, пекли картошку.

А дым костра от картофельной ботвы всегда бывает белым, как весенние облака, вязким, тяжелым, его можно ведром захватить или шапкой-ушанкой и унести от костра в сторону. Кисловатый, дождевой запах напоминает о близкой стуже, об улетевших грачах, о холодных, как луженая медь, закатах...

Наталья пошла к лесу. Надо было прикинуть на глаз, сколько же дней потребуется, чтобы убрать весь картофель. Вплоть до леса от балки поле было пустынным, грустным, осенним. Ленивые сытые галки без крика и карканья, по-монашечьи, в серых шапочках, кружились неподалеку над одоном ржаной соломы.

Она медленно шла по влажной земле, глядя то на пожелтевший березовый перелесок, то на теряющуюся в щедрой зелени озимых извилистую балку, над которой кое-где возвышались темно-зеленые дубы. Шла и думала об этой земле, о хозяйстве бригады, о людях, которые должны верить в нее, а она — не разувериться в них.

«Мужику хорошо бригадирить, он и накричать, где надо, сумеет, а кому под горячую руку и пару крепких словец отпустит. А я — что? Попробуй на Фильку Пухова накричи! Он хоть и отъявленный лодырь и балабон, а призвать его к порядку ох как трудно!.. Надо больше с женщинами советоваться, держаться за них».

На взгорье, почти из-под ног, из густого куста полыни выскочил перепуганный заяц. Сделал три длинных скачка, на мгновение замер, прынул ушами и вприпрыжку помчался к балке.

— Фу ты, косой, как испугал! — рассмеялась Наталья. — Чтоб тебя пчелы укусили...

Обойдя поле кругом, Наталья прикинула, что с картошкой бригада до заморозков не управится. «Хорошо, если погода с недельку постоит, за это время с государством сумеем расчет свести — сейчас это самое главное.

Вон небо как застекленело, да и облака пошли рванье, холодные — со дня на день жди стужи, а там и белых мух».

У леса, на серых потрескавшихся столбах, тянулись из райцентра на Первомайск проржавленные нити телеграфных проводов. Уныло свистел в них ветер, нагоняя осеннюю грусть.

Вечером в правление бригадиры пришли прямо с поля. Получая наряды на работу, докладывали, сколько гектаров убрано, сколько картофеля вывезено с поля.

Вести были неутешительны. Везде требовались рабочие руки, а их не хватало. Из района весь вечер то и дело звонили, спрашивали, сколько тонн картофеля отправлено в Кошелиху, ругались, требовали увеличить количество подвод. Михаил Кузьмич виновато оправдывался, потом вскипал и бросал на рычаг трубку.

Через минуту звонки повторялись и начиналось все сызнова: требования, увещевания, угрозы...

— Я так думаю, товарищи бригадиры, — глуховато заговорил председатель, — в эти дни придется каждому потрудиться за троих. Но, как говорится, погоняй коня кнутом, а мани овсом...

Бригадир пятой бригады Иван Волин сипловатым прокуренным тенорком крикнул от двери:

— Чем кормить будем людей, председатель? На трудодень с гулькин нос получим.

— Подожди, Иван, не сбивай с толку, — оборвал его председатель, — я об этом и хочу сказать... — Он откашлялся и продолжал: — Вот как думаю: а что, если за уборку картофеля, кроме трудодня, мы будем платить натурально картофелем? Скажем, накопала Авдотья Морозова десять лукошков, то девять пусть она отсыпает в общий ворох, а десятый берет себе. Накопала двадцать — два кузова себе оставляет. По-моему, и интерес у людей к работе поднимется...

— А что в районе скажут? — вставил завхоз Матвей Иванович Горин. — За такие дела там по головке не погладят!

— Если мы вовремя уберем весь картофель и рассчитаемся с государством, то нас за это только похвалят.

Если же мы картошку оставим в земле под снегом — судить нас будут по законам военного времени!

— Правильно, Михаил Кузьмич, — поддержала Наталья. — Если наши бабы будут знать, что не зазря спину гнут, то они горы могут своротить.

Домой Наталья вернулась поздно, Светланка еще не спала, лежала на печи рядом с дедом. Свекровь возилась в чулане у печи.

Только теперь Наталья ощутила сосущую пустоту в желудке. Свекровь налила глиняную миску пахучих, с черной капустой щей. Наталья переоделась, помыла руки. Светланка соскочила с печи, уселась рядом с матерью.

— Мама, ты у нас теперь бригадир? Ты, как недавно дядя Федор, всех на работу звать будешь?

— Конечно, моя родненькая. . .

— Ах ты, егоза этакая! — вмешалась в разговор бабушка Степанида. — Помолчи хоть немного, дай матери поесть.

Светланка обняла мать за шею:

— Я тебя очень и очень люблю. . .

Бабушка улыбнулась, вытерла фартуком вспотевшее лицо:

— Ты лучше расскажи матери, где твое повидло.

— Повидло Шарик Морозов съел, — растерянно протянула Светланка, — украл с крыльца и слопал. . .

— Как это так? — удивилась Наталья.

Свекровь и дед рассмеялись. Степанида подошла к столу и, не сдерживая смеха, рассказала:

— Сорвали мы утром со Светланкой листок с настенного календаря, а на нем с обратной стороны написано, как варить повидло из свеклы. Ну, мы и решили с внучкой сделать все по написанному. Достали из погреба свеклу, натерли ее, поставили в маленькой печке варить. Долго она варилась, потом мы ее в коридор вынесли, чтобы остыла. Сами закрутились и совсем забыли про повидло. Дедушка сидел у окна и вдруг кричит: «Где же ваше повидло?» — «Стынет, — отвечаем, — в коридоре, сейчас кушать будем». — «Не торопитесь, — говорит старый, — вон повидло по улице бежит». . .

Кинулись мы к окошку и ахнули. Шарик Авдотьи Морозовой бежит через дорогу к своему двору с горшком на голове и все время пытается его скинуть с себя. Го-

лову Шарик в горшок засунул, а сбросить его не может. Бежит по улице, крутит головой, остановится, лапами по горшку скребет, а у него ничего не выходит...

Наталья тоже рассмеялась. Светланка опустила голову.

— Ничего, доченька, не горюй, мы завтра новое повидло сварим. Или в магазине купим, оно-то будет вкуснее...

20

Михаил Кузьмич неожиданно заболел и свалился. Кашель рвал ему грудь, ночью температура скакнула до сорока. Люба, фельдшерица, выслушав его, сказала: воспаление легких.

Болезнь протекала остро, с высокой температурой, с колючим ознобом. На четвертый день полегчало. Балуев открыл глаза и увидел, что лежит в своей комнате, на высоко взбитых подушках. Подивился худобе и легкости поднятой руки. Он поднял ее не сразу, и показалась она ему неощутимой, чужой.

— Катя, пить, — попросил он тихо.

Жена хлопотала в чулане, готовя обед. Заслышав слабый голос мужа, кинулась к нему:

— Родной мой, очнулся! Вот радость-то...

Она поднесла ко рту ему горячее молоко в голубой чашке, чашка дрожала в ее руке.

Он пил медленно, чувствуя, как каждый глоток придает ему силы. Напившись, откинулся на подушку (на лбу его сразу же выступил пот) и отчетливо услышал тиканье ходиков, висевших на чуланной перегородке.

«Идете? — Он улыбнулся. — Значит, и нам на покой рановато еще!»

Широко открытыми глазами смотрел он на пожелтевший деревянный потолок, на стены, увешанные фотографиями в черных самодельных рамках, на затуманенное окно, в котором было видно осеннее серое небо, как будто видел все это впервые. Все предметы в избе — стол, стулья, тумбочка, герань на подоконнике — казались удивительно чистыми, уменьшенными до неузнаваемости.

Припомнил, как много лет назад вот так же лежал на этой кровати ослабевший, со страшной головной болью, когда его, избитого, подобрали в поле. С такой же яс-

ностью и отчетливостью видел он и тогда фотографии в верхних рамках, ходики с латунными гирями, полатенный брус с темными полосами.

«А как-то там, в правленье, без меня? Чем люди занимаются?»

Трудно, ой трудно в колхозе стало! В каждой бригаде осталось по полторы сотни трудоспособных колхозников — стариков, женщин, подростков. Наступила зима, а сани летом были не отремонтированы, лежали до заморозков в куче под открытым небом у конного двора. С кормами на ферме подступала беда. Сено с лугов осенью не успели подвезти к скотным дворам, теперь по заснеженным дорогам приходится тащиться на лошадях за двенадцать километров в Сатис.

Когда было такое в колхозе, чтобы рожь молотили по снегу, а картошку копали при морозе? Не помнит он, председатель. Даже в первые, самые трудные, тридцатые, годы такого не случалось. А сейчас поди вот, выкручивайся! Ферма не утеплена с осени, опять-таки дело упиралось в рабочие руки. Что могла сделать Лиза с одними женщинами без плотников? А плотницкая бригада давно перестала существовать — ушли ребята на фронт, может, где-то саперами, мосты строят.

Трудная будет зима, ох трудная! Если удастся выкроить кроме аванса, что колхозники получили в жатву, еще по семьсот граммов на трудодень, то для людей праздник будет. Запасы прошлых лет у сельчан на исходе, вся надежда на картошку, что соберут со своих усадеб. Там нехватка, тут недочет — трещит все хозяйство по швам. Но рук опускать не будем, надо выкручиваться...

Резкий порыв ветра хлестнул по окну, точно градом, веткой черемухи, росшей в палисаднике. Осень напомнила о себе.

Что бы ни думал председатель, все упиралось в нехватку рабочих рук. Люди работали изо всех сил, не жалея себя, но ведь не разорвешь одного на троих, не разделишь! А тут еще палки в колеса вставляют, мешают работать, изматывают по пустякам.

Вспомнился случай недавний с парнем, Пантелеевым Гришкой, едва не попавшим в тюрьму. Повез он, Гришка, на грузовой машине, вместе с шофером Машей Кирейчевой зерно в Арзамас на заготпункт, а председатель

сельпо Яков Саушкин попросил заодно подбросить и три ящика яиц, собранных с колхозников по контрактации. День был дождливый, под Ореховцами машина застряла, пришлось попросить у ореховцев трактор, чтоб вытаскать. Трактористы потребовали магарыч. Ну, на виното деньги нашлись, а вот на закуску на свой страх и риск растратил Гришка пару десятков сельповских яиц, думал, приедет домой и вернет те яйца.

Из Арзамаса приехали на второй только день, уставшие и голодные. И вот Матвей Иванович Горин вдруг обвинил Пантелеева в воровстве, в расхищении общественной собственности и решил направлять дело в суд. А у Пантелеева мать тяжело больна, не встает, и на его же шее висит маленькая сестренка. Он — один кормилец в семье. Ну, и пришлось ему, председателю, вмешиваться. Позвонил он Стешову, секретарю райкома. Пообещал тот поговорить с прокурором и все уладить, однако в районной газете «Ударник» на следующий же день появилась критическая статья, в которой парня клеймили позором, выставляли как расхитителя государственного добра.

Вызвал тогда он, Балувев, Горина в правление и поговорил со своим завхозом один на один. Начал спокойно, но не удержался, назвал карьеристом и кляузником. . .

Давненько уж он следит за Матвеем Ивановичем. Чего у него за душой — не поймешь. На людях в одну дудку дует, старается быть активистом, а случай придет — не упустит, нагадит любому. Других на собраниях вон критикует за выпивку, а сам, говорят, втихомолку пьет.

Михаил Кузьмич посмотрел на сидевшую рядом с кроватью жену:

— Катя, как там столица. . . Еще стоит?

— Держится, держится наша Москва! Битва за нее идет страшная.

Екатерина Павловна поправила ему на висках слипшиеся реденькие волосы, погладила лоб.

— Вчера к Тишиным дочка со свекровью приехали из Москвы, сказывали, что все в Москве на своих местах, все правительство.

Узнав, что председателю полегчало, вечером в его доме собрались бригадиры. И сразу в избе запахло овчинными полушубками. Бригадиры были почти сплошь

женщины, и только в четвертой бригаде горбатый старик Забелин Максим.

На народе Михаил Кузьмич почувствовал себя лучше. Полусидя в подушках, он высоко держал голову. Все увидели, как председатель похудел. С небритым лицом, впалыми щеками, заостренным носом он был сейчас похож на глубокого старика.

— Что будем делать дальше? Вот пришли всем миром посоветоваться, — заговорила бригадир шестой бригады Агафья Зотова, веснушчатая, широкая в кости женщина. — Рожь из скирд молотить начнем или за другую какую работу приниматься будем?

— Как это за другую? ..

— Да фашисты больно шибко на Москву прут, — продолжала Агафья, — не ровен час, как бы и нам не пришлось в партизаны податься. Так уж лучше в скирдах оставшуюся рожь сжечь, чем возиться с обмолотом... Не отдавать же гитлеровцам готовое обмолоченное зерно!

— Паникуешь ты зря, Агафья, — оборвал ее председатель. — Вот увидите, скоро наши фашистам такое покажут, что тошно им станет... А рожь из скирд надо молотить. И немедленно.

Михаил Кузьмич закашлялся, жадно вбирая воздух ртом.

— Сколько у нас необмолоченной ржи в скирдах? Ведь не так уж и много. Если приналечь — за неделю можно управиться...

— Старикам спасибо скажите, что надоумили летом рожь заскирдовать, — силным, простуженным голосом заговорил Максим Забелин, — не то пиши пропало. А ведь в старину, когда единоличниками были, только этим урожай и спасали. Рабочих рук в страду не хватало, чтобы рожь сразу обмолотить, а техника — цеп да лопата. Вот и росли у каждой риги одонья из тяжелых снопов. Сноп в одонье — что зерно в закромах. Бывало, после рывья картошки молотья в основном и начиналась. Молотили, почитай, до рождества и все до зернышка убрали...

— У единоличников у каждого рига с овином была для сушки снопов, а как мы теперь будем выходить из положения? — спросил председатель Максима. — Все риги на селе давно на дрова пустили.

— Есть риги, — робко сказала Наталья. — На нашей улице у Жижиновых, Тишинных, Пантелеевых они сохранились. Да и на других улицах есть. Печки в них надо только починить, а там хоть круглые сутки суши снопы. . .

— А что? Дело говорит Наталья, — поддержал председатель. — Другого выхода нет.

Через два дня над уцелевшими в селе ригами поднялись синие дымки. От огромных скирд, стоявших в поле, потянулись высокие, под гнет, возы со спрессованными снопами. Упали на санные дороги золотистые колоски, закружились над ними с криком галки, вороны, засуетились бойкие воробьи. Низкое, сумрачное небо висело над дальним темным лесом, над безлюдным полем.

К обеду молотилка с трактором прибыла на расчищенный ток риги Жижиновых. Наталья сама полезла в ригу и стала оттуда выбрасывать пахнувшие дымом теплые снопы. Подруги ловили их на лету и укладывали возле столика молотилки.

Круглые колосники в риге ходили под ногами, от жаркого воздуха кружилась голова, остья больно царапали руки, лицо, колени. Наталья и ее напарница Дуся Морозова быстро вспотели.

— Девки, на замену! — крикнула Наталья Шуре Майоровой и Тане Кирейчевой, — а то мы вконец упарились. . .

Прохладный воздух на току приятно освежил лицо. Молотилка буйно гудела, выбрасывая из зева теплые зерна ржи.

— Бригадир, поднимайся сюда! — крикнула Наталье с мостков, блестя глазами, Дуся Морозова. — Небось не забыла свою работу? . .

В короткий обеденный перерыв к Наталье подошла Шура Майорова с обеденным узелком в руках. Опустилась на снопы рядом.

— Слыхала новость? К председателю наемни энкеведист из района приезжал, кричал на него, тюрьмой угрожал, и все из-за картошки. Дошло до властей, что Михаил Кузьмич разрешил нам брать десятое лукошко с поля домой, — ну и завертелась карусель. — Шура нагнулась к уху Натальи и таинственно зашептала: — Ни-

кто бы об этом и не знал, если бы завхоз на председателя в район не накапал.

— Неужто Матвей Иванович пошел на такое?! — удивилась Наталья.

— Вот те крест! — Шура размашисто осенила себя трехперстием. — Своими ушами от Поленьки Пуховой слышала, а та от самой Зинаиды все узнала. А виной всему Гришуня Пантелеев был. Он возил кооперативные яйца в Арзамас, да по дороге их растранижил. Яков Саушкин с завхозом под суд хотели парня отдать, а председатель вступился за него.

Когда вечером бригады сходились в избе председателя, он уже мог сидеть, опираясь спиной на гору подушек. Екатерина Павловна ждала гостей с кипящим самоваром на столе, нехитрой домашней закуской, зная, что многие за день крошки во рту не держали.

Михаил Кузьмич шутил:

— Собираемся, как на совет в Филях. Вот только отчество у меня для главнокомандующего не подходит. Кутузов был Илларионович.

Вопросы решались быстро.

— Сегодня утром опять из района звонили, — говорил Михаил Кузьмич, — интересовались, как дела с молотьбой и когда сдачу хлеба закончим. Опять ругались. . .

— Поди третий план сдаем, — со вздохом произнесла Агафья, — и у себя ни крошки не оставляем. . .

— На картошке да на прошлогодних запасах проживем, лишь бы там, на фронте, было хорошо, — сказала Наталья.

Семилинейная лампа, висевшая под потолком, бросала желтый свет на обветренные, заострившиеся лица людей. Темные тени застыли на стене и полу. За окном в оголенных берегах свистел ветер.

— Выпейте горяченького, — гостеприимно предлагала хозяйка, разливая на столе по чашкам чай, — веселее на душе станет.

Все сразу оживились. Женщины брали со стола на блюдцах чашки с чаем, заваренным смородиновыми листьями, садились на свои места и неторопливо, тихо пере-

говариваясь, пили пахнувший летом бодрящий напиток. Вскоре все разругались, повеселели.

Михаил Кузьмич пил из блюдца медленно. Сквозь полуприщуренные ресницы смотрел на радужный ореол вокруг язычка пламени в лампе, и мысли одна за другой пробегали, как в калейдоскопе, в усталом, воспаленном мозгу. «Нелегко нашим под Москвой, ох нелегко! Вон как фрицы разогнались. Что же дальше делать будем? Не остановим его у Москвы — неужто крах всему? Вот, говорят, и правительство почти все переехало в Куйбышев, значит, дело туго. Неужели и до нас докатится немец?..»

Голос Натальи заставил отвлечься.

— Михаил Кузьмич, наши комсомольцы и пионеры уже больше месяца проводят сбор теплых вещей и белья для красноармейцев. Дело у них идет, но не так споро, как надо бы. Мы решили подключиться к комсомольцам и помочь им в этом деле. Пусть воины Красной Армии гостинцы наши получают. Пошлем варежки, теплые носки, кисеты, белье — на фронте все пригодится. Словом, отправим, что у кого есть...

— А я вот еще что думаю, — перебила ее Агафья, поставив чашку с блюдцем на стол. — Давайте, бабоньки, раз уж мы собрались в компанию, напишем письмо защитникам Москвы и всем москвичам. Пусть знают, что не одни остались в беде, а наши сердца и мысли с ними. Вечер долог, чернила и бумага в этом доме, я думаю, найдутся. Чего в письме сами не придумаем, председатель подскажет...

— Верно, бабоньки.

— Здорово Агафья придумала!

— У ней голова что твой Совнарком.

— Садись к столу, Наталья. Почерк у тебя красивый, за писаря будешь...

Хозяйка убрала со стола посуду, сняла бахромчатую желтую скатерть, под которой оказалась блестящая зеленая клеенка. Женщины придвинулись к столу. Наталья устроилась поудобней в центре. Екатерина Павловна положила перед ней чистую ученическую тетрадь, чернильницу-непроливашку, школьную ручку.

В избе стало тихо. Женщины, переглядываясь, не знали, с чего начинать. Когда говорили об этом, казалось,

нужные слова найдутся сразу. А вот дошло до письма — и все притихли. Нужные слова не шли на ум. «Петьку бы сюда, — подумала Наталья, — тот сумел бы написать».

Михаил Кузьмич поспешил на помощь.

— Ну что же вы? — улыбнулся он. — Пишите просто все, о чем думаете.

Наталья торопливо обмакнула перо.

«Дорогие наши бойцы Красной Армии, славные защитники столицы. Это письмо пишут вам женщины-солдатки из колхоза «Заря» Горьковской области. Знайте, что в эти трудные дни мы всегда с вами. Сообщаем, что работаем в колхозе не покладая рук. Только чтобы вы все были хорошо накормлены, обуты, одеты и били проклятых фашистов изо всей мочи.

За нас не волнуйтесь, не беспокойтесь, хлеб до единого зернышка мы с поля убрали, картофель выкопали. Детишки ваши накормлены и напоены, ждут отцов с победой. Бейте проклятых гадов, не допускайте их до родной Москвы, пусть каждый кусочек родной земли обернется для них могилой... Мы верим, что не отдадите вы нашу Москву на поругание гитлеровцам, ни дна им ни покрышки, проклятым ублюдкам».

... Уходили от председателя поздно, разогревшиеся от чая, возбужденные. Ночь казалась тихой и не такой уж холодной, как с вечера.

21

— Мама, есть хочу...

Плаксивый голос шестилетней дочурки Таиски разбудил Авдотью. Она быстро поднялась с постели и в полутьме, боясь наступить на спящих рядом на полу детей, подошла к кровати, где спали младшие — Таиска и Нюрка.

— Молчи, оглашенная, угомона на тебя нету! Всех разбудишь... Сейчас хлебца принесу...

Авдотья прошла в чулан. Нашла на полке горбушку вчерашнего хлеба, отломил кусок. Хлеб снаружи зачерствел, был жестким, а внутри — жижа. Авдотья пекла его вчера. Натерла на железной терке картошку, обваляла ее мукой и положила в тазы. Караван с виду получились поджаренными, ноздреватыми, вкусно пахли.

— На, поешь, — сказала Авдотья Таиске, сунув под одеяло кусок горбушки. — Не хнычь, а то другие проснутся...

На полу спали тринадцатилетний Ленька, десятилетняя Манька и — младше ее на год — Колька. Они сладко посапывали, разметавшись на ветошных тюфяках, досматривали утренние сны.

Авдотья натянула через голову ситцевую залатанную юбку, сунула ноги в опорки старых сапог и, накинув фуфайку на плечи, вышла.

На улице еле брезжил рассвет. Село спало, кругом — ни звука, ни огонька. Женщина взяла у частокола лопату, с поленницы на плечо лукошко и быстро зашагала через огород на усадьбу, решила затемно хоть немного поработать на своем участке. Близятся холода, а картошка некопаная почти вся, в земле лежит. А ведь на нее в зиму вся надежда. Вот только как управиться? Как выкопать до снега? Она со старшим, Ленькой, целый день на колхозной работе, а меньшие — какие работники? Им только есть успевай давать...

За последние годы на усадьбах, приусадебных участках коноплю почти никто не сеял, все засаживалось картошкой, которая родилась сочной, крупной. Ребятишки Авдотьи вчера одну откопали и долго смеялись: «Мам, гляди, картошка — точно как у Таиски голова, круглая, лобастая...»

Авдотья подошла к начатой с вечера борозде. Поставила лукошко, вонзила в мягкую землю лопату. В пояснице кольнуло. Негнущиеся пальцы стали выбирать из влажной от росы земли белые холодные картофелины.

«Накопаю лукошков с пяток, а там и печь затапливать пойду. Вечером покопаю, утречком поработаю, глядишь — дело и подвинется».

С первым лукошком ломота в пояснице прошла, руки заработали проворнее.

Картошку она ссыпала в ворох у низенькой бани, густо заросшей малинником. У бани лежала груда покрытых росой гладко оструганных бревен, заготовленных мужем Герасимом для придела в избе, да вот не успел — ушел на войну.

«Ты воюй, Гера, воюй, только оставайся целым. Дома

вон сколько ждет тебя детей!.. Мы тут уж как-нибудь управимся, — думала она, проходя мимо бревен, — за нас не бойся, мы выдюжим... А придел поставим, когда вернешься».

Неожиданно из огорода долетел до Авдотьи плаксивый голос Маньки:

— Мам, беги домой... Таиска чего-то блюет... Плохо ей.

— Ой, господи!

Авдотья споткнулась о кузов с картошкой и опрометью кинулась прямо по капустным грядкам в избу.

В чулане над лоханью стояла в рубашке голая до пупа Таиска и, упершись руками в лавку, содрогаясь всем телом, исходила рвотой. Ленька по-взрослому стоял рядом с ней и, придерживая сестру за худенькие плечи, ласково говорил:

— Дыши носом, глубже дыши... Это тебя с картофельного хлеба прорвало. Меня тоже, когда я много поем. И пуще всего изжога мучает... Ты холодным его не ешь. Лучше, когда он горячий...

Мать бросилась к ведру с водой, захватила пригоршню, умыла дочку. Таиска выпрямилась, глубоко вздохнула:

— Все, мам, больше не буду...

Авдотья быстро достала из печки горшок с теплым молоком, приготовленным на завтрак с вечера.

— Вот, отхлебни немного, лучше станет.

Она усадила Таиску на печку и дала ей в руки чашку с молоком.

— Ленька, ступай за дровами да растапливай печь поскорее. Я корову подою.

Завтракали дружно. Хлебали все из одной большой деревянной чашки картофельную похлебку, забеленную молоком. Малышня громко смеялась над Таиской, сидящей на печи, стучала ложками и требовала добавки. Ленька, как самый старший, сидел на отцовском месте и изредка давал подзатыльники не в меру расшалившимся малышам.

— Мам, ты налей мне в бутылку молока, возьму с собой. Сегодня опять повезем картошку в Кошелиху. Когда вернемся — сами не знаем. Там очередь на приеме — с версту длиной. Сегодня пораньше выедем...

Ленька степенно вышел из-за стола и стал одеваться у кровати.

На улице разгуливался ясный тихий день. За окном протарахтела телега. Ездовой Сергей Пантелеев отчаянно размахивал кнутом над ленивым Мухтаром, резко дергал вожжами и отчаянно матерился.

Вслед за Ленькой малыши выкатились из-за стола, Манька стала не спеша прибирать посуду и строго покрикивала на Кольку, тормошившего на печке ослабевшую Таиску.

— Ленья, будешь на складе, спроси у завхоза, можно ли муки под аванс выписать. У нас на одну выпечку хлеба осталось, — наказывала Авдотья сыну. — Смотри не забудь.

— Спрошу.

Ленька быстро оделся и вышел из избы. В окошко слышался голос Натальи Бугровой:

— Тетя Авдотья, пошли на картошку! Жива ты аль нет?

— Жива, жива... Сейчас иду. Манька, перед тем как в школу идти, прибери всю посуду и избу подмети, — наказывала дочери Авдотья, быстро завязала в узелок ломоть хлеба, три вареных картошки, два соленых огурца и вышла из дома.

Солнце уже румянило дымящиеся от росы тесовые крыши. У двора, рядом с бревенчатым стулом, валялся колун и разбросанные дрова. Дров-кругляшей в поленице у стенки конюшни было немного.

«Чем зимой топиться будем? Придется на себе дрова из леса возить».

На задах она догнала Наталью и Шуру, идущих с лукошками на спинах.

— Ой, бабоньки, ума не приложу, как жить дальше, — пожаловалась Авдотья, — муки дома — ни фунтика, вся моя кагала на картошке сидит. Сегодня утром Таиску рвало с картофельного хлеба...

— Хорошо, что картошка выручает, — сказала Наталья, — в этом году если грамм по триста на трудодень дадут, то, считай, счастье привалило. Хлеб в Арзамас каждый день тоннами возят, наверно, и на семена не останется...

Проселок уводил женщин далеко к Кучеровой балке, на картофельный загон. Утро выдалось ясное, свежее.

Летнее белесое марево уже отплясало на полях, и даль широко и просторно открывалась взгляду. Озимые глянцевым малахитом лоснились на солнце. Ветер дул в лицо мягкий, не сильный. Он летел со стороны леса и приносил с собой еле ощутимую горечь увядшей листвы, грибной сырости.

Стая сытых грачей, готовясь к отлету, черными булыжниками рассыпалась по озимым, оглашая поле гор-таннным криком.

— На юг собираются, — сказала Наталья, — холода скоро нагрянут...

По проселку и полевым тропам тянулись на картофельное поле женщины и подростки.

— У Нюрки Ботовой мужа Мишку фанило, в госпитале под Москвой лежит, — проговорила Шура, — вчера Нинка в магазине об этом слышала. Говорят, Нюрка к нему ехать собирается...

— Да разве пустят сейчас под Москву-то! — возразила Наталья. — Немец вон как прет, куда ей, Нюрке-то, в самое пекло лезть...

— Ежели тяжело ранен, то, может, хоть взглянет напоследок в глаза мужу, — скорбно проговорила Авдотья.

В стеклянном воздухе опустевшего осеннего поля все звуки были слышны далеко.

У Кучеровой балки, подступавшей к картофельному участку, под старым дубом, женщины оживленно переговаривались, складывали свои кошели, узелки с обедом.

— Сергуня, ты своего Трезора здесь не оставляй, — кричала Шура ездовому-подростку, приехавшему с телегой за картошкой, — а то в прошлый раз у Марфутки Водениной весь обед из кошеля слопал...

Вислоухий Трезор носился с громким лаем по озимым, распугивая медлительных грачей.

— Ладно, заберу, — баском ответил Сергуня. — А вы вешайте кошели повыше на дуб, чтоб собака достать не смогла...

Авдотья стала на бороздке рядом с Натальей и Шурой. Лопата легко и глубоко вонзилась в супесчаную сырую землю. Вытаскивая за пожухлую коричневую ботву клубень, руки привычно и быстро обрывали сахаристую картошку и наугад бросали в лукошко.

Копает Авдотья картошку, а в голове тянутся мысли, одна печальнее другой. Пятеро у нее на руках осталось, сама шестая. Детишек всех надо обути, одеть — зима идет. Ленька, старшой, от школы отказался, в пятый класс в этом году не пошел, матери решил помогать. Плохой еще он помощник, силенки маловато, но в доме уже чувствуется мужская рука. Авдотье становится радостно, когда она видит, как Ленька с азартом берется за самую трудную работу. Пальто бы ему на зиму надо справить, а на какие гроши? Парень растет, тянется вверх, как молодой дубок, вечерами в клубе пропадает до третьих петухов. Повзрослели дети в эту осень, как повзрослели!..

— Авдотья, что ты молчишь, али заснула? — долетел до ее уха голос Шуры. — Словечком хотя бы перекинулась..

— Задумалась я, Шурочка, — виновато улыбнулась Авдотья, разгибая спину и поправляя сбившийся на лоб платок, — мысли одна горше другой в голову лезут..

— О Герасиме, что ли?

— И о нем, и о ребятишках. Ума не приложу, как жить дальше..

— Не горюй, Авдотья, — ввязалась в разговор Наталья, — вместе горе мыкать будем, вместе и радость делить придется. Поверь мне.

22

За неделю до Октябрьских праздников подул северный ветер — первый предвестник наступающей зимы. С вечера пошел холодный морозящий дождь, а наутро все стало белым-бело. Улицы сузились, дома под снеговыми шапками стали как будто ниже, словно осели, бревенчатые стены, заборы, изгороди почернели, резко выделялись на снежной белизне.

К рассвету от легкого морозца снег покрылся ноздреватым гляncем, затвердел.

Картошку убирали с поля еще на телегах, но уже у конного двора старики возились с санями, сколачивая разошедшиеся за лето розвальни.

Зиму все ждали, но она, как всегда, застала людей врасплох, да поначалу так взъярилась, что даже старики

удивлялись и покачивали головами. «Наверно, сам бог Саваоф спятил с ума, — шутили они. — На земле — война, на небе — кутерьма. Что на свете творится?»

На третьи сутки забушевала пурга. Северный ветер вздымал на буграх сухой колкий снег, скручивал его в длинные, дымные жгуты и гнал безостановочно по полю. В сплошной мятущейся пелене нельзя было отличить неба от земли.

Два длинных приземистых здания фермы стояли на пологом склоне неглубокой балки. Словно баррикада, возвышались они на пути снежной лавины, и вскоре с надветренной стороны зданий, там, где раскачивались с жалобным криком старые тополя, выросли сугробы ровень с крышами.

Прошло три дня, как Лиза вернулась с месячных курсов из Дивеева и сразу ушла с головой в работу на ферме. Хозяйство было большое — одних дойных коров насчитывалось свыше двухсот голов, да почитай столько же молодняка. Надо весь скот накормить, напоить, вовремя подоить, а рабочих рук в сбрез. Хорошо, что Авдотья Морозова по просьбе Лизы согласилась пойти на зиму дояркой. Женщина она бывалая, рассудительная, хозяйство вести умеет, с ней и девчонкам-подросткам легче работается, есть от кого совет получить.

Сегодня, несмотря на плохую погоду, Лиза пошла на ферму рано. Борясь с напором разъяренного ветра, с трудом открыла ворота ограды и, проваливаясь по колено в снег, пошла в сторожку, где собирались доярки. Стрянув смерзшимся веником на ступеньках крыльца снег с валенок и на ходу развязывая шаль, вошла в помещение.

Мерно гудела небольшая печка. В сторожке царил полумрак, пахло березовыми дровами, сушеной травой, молоком. Лампа, висевшая на стене, скупо освещала бидоны в углу у соснового коника, черный котел, вмазанный в печь, разошедшийся тесовый столик, скамьи.

— Вот, бабоньки, и дождалась зимы, — сказала она, присаживаясь у печки, снимая пуховую шаль с головы. — В коровниках, наверное, как на юру, ветер гудит во всех пазах, снегу в кормушках намело...

— Сколько раз говорили председателю, что стены с осени надо было проконопатить, а он отнекивался —

«всему свое время», — проговорила Авдотья. — А теперь что делать будем?

— Да ведь рук-то рабочих не хватало осенью! — возразила Марфуша Сидорова, остроносая, с синими веками девушка.

— Я вот что думаю, бабоньки, — сказала после раздумья Лиза, — все мы и плакаться можем и ругать председателя умеем, но этим дело не поправишь. Нам надо, пока суд да дело, самим поработать. И начнем сегодня же... Тесу рядом у склада целый штабель навален. Заколотить гвоздь и сено забить в пазы каждая из нас может. Вот и будем сами утеплять коровник. А с председателем я сегодня договорюсь — и о гвоздях, и о тесе.

— Говорят, хворает он, — протянула Авдотья.

— От таких дел захвораешь. Почитай все хозяйство на его плечах висит, — вставила Лиза, подбрасывая в печурку оттаявшие березовые дрова. — Из района то и дело теребят — хлеб, хлеб, хлеб! А рабочих рук не хватает, хоть на части разорвись. А тут холода раньше времени навернули...

В заснеженное оконце раздался громкий стук, донесся простуженный голос дяди Павла — водовоза:

— Бабы, выходи, нечего у печки подола сушить — вода прибыла.

Поили коров прямо на улице, за ветром, из длинных, уже успевших покрыться наледью тесовых корыт. Две бочки с водой дядя Павел привозил от ближних ключей, не замерзающих даже в рождественскую стужу. Струя, вытекая из бочки, дымилась на морозе, коровы пили медленно, цедя сквозь белесые мохнатые губы студеную воду. Несмотря на холод, молодые бычки и телки, пущенные в зиму на племя, по-смешному вскидывали зады, бегали по заснеженному двору.

— Эх разгулялись, ёшь те корень! — смеялся в усы дядя Павел, громко хлопая затвердевшими рукавицами. — Чисто молодые девки на выданье...

На ферме соблюдался строго заведенный порядок. Раздача кормов, доение и уборка коровника заканчивались к полудню. После этого доярки расходились по домам, чтоб справиться со своими делами. Сегодня домой никто не пошел. Подоир коров и задав им корму, женщины опять собрались в сторожке, ожидая ушедшую в правление Лизу.

На крыльце правленья Лиза встретила с завхозом. Матвей Иванович был в радостном настроении. Он с завучем школы утром в сельповском буфете отпраздновал день рождения председателя сельпо Якова Саушкина.

— Вот хорошо, что с вами встретились, Матвей Иванович, — сказала весело Лиза, смахивая с платка снежную пыль. — Тес и гвозди мне нужны, коровник утеплять будем.

В правленье было тепло. В голландке резво потрескивали дрова. Уборщица тетя Глаша успела прибрать столы, вымыть пол и сейчас, сидя у печки, подтапливала ее березовыми поленьями.

Матвей Иванович не спеша разделся, сверил настенные ходики со своими карманными кировскими часами, прошел к столу.

— Так что там у тебя, Елизавета, выкладывай.

— Матвей Иванович, беда надвигается. С осени ферму не утеплили, а сейчас на коров снег падает. Нам тес и гвозди нужны, сами пазы и дыры заделывать будем.

— Да, непорядок это, Елизавета, промахнулась ты в важном деле... Когда тебя выбирали заведующей, все надеялись, что на ферме будет порядок, а на поверку выходит — развал. Не дай бог, падеж скота начнется — судить нас с вами будут...

— Так разве я виновата?! Приняла ферму такой, как была. В первый же день обращалась к вам и Михаилу Кузьмичу относительно ремонта. А вы помните, что мне сказали: «Не волнуйся, Елизавета, до холодов времени много, успеем утеплить коровник». А что вышло? Я уехала на курсы, тормозить вас было некому, и вот результат. Коровы стынют на холоде, кормов у фермы хватает на ползимы, за сеном в Сатис придется по сугробам тянуться.

Лиза сбросила платок на плечи, стукнула ладонями по столу.

— Положение надо исправлять сегодня же, немедленно... Давайте тес и гвозди! Доски рядом с фермой у склада лежат, своими руками наводить порядок будем.

Получив на складе гвозди, Лиза забежала домой перекусить. В избе никого не было. Нина рано ушла на

работу. Ленивая кошка Мурка, развалившись на кровати, сладко потягивалась.

Лиза достала из печки чугунок с вареной картошкой, присела к столу.

За окном, тяжело урча, резко остановилась трехтонка. Тотчас же раздался из кабины протяжный голос Нины:

— Лиза, принимай гостей! Посмотри, кто приехал...

В полузамерзшее окно Лиза увидела, как Нина выпрыгнула из кабины и вслед за ней выскочил военный. Лиза тотчас же узнала в нем Семена Рыбникова, того самого, который приезжал летом в их дом. В кузове, закутавшись в башлыки, опущенные с ног до головы снегом, стояли еще двое военных. Худощавый пожилой шофер принялся откручивать заглушку радиатора. Белый пар фонтаном вырвался наружу.

— Разгружаемся! — нарочито сердито крикнул Семен. — Привал!

Военные, ударяя друг друга плечами, чтобы согреться, быстро передали ему из кузова продолговатые брезентовые свертки и легко перемахнули через борт. Откинув башлыки, стали смахивать снег с воротников полушубков, с ресниц. Это были молодые белобровые парни, чем-то очень похожие друг на друга. Взяв свертки в руки, они вслед за Ниной, громко стуча каблуками, стали подниматься на крыльцо.

— Здравствуй, Лиза, вот мы и опять к вам в гости, — сказал весело с порога Семен, — не было бы счастья, да несчастье помогло. До Сатиса нам в такую погоду не добраться, у вас решили передохнуть.

— Ой, Семен Петрович, хорошо, что заехали! — Лиза радостно всплеснула руками. — Располагайтесь как дома, раздевайтесь, обогревайтесь... Что-то я Федора среди вас не вижу.

— Эге, ищи ветра в поле. Федор сейчас на Калининском фронте, батальон получил. Вчера письмо мне прислал, кланяется вам.

Гости шумно раздевались у дверей. Один из парней подошел с брезентовым свертком к столу, неторопливо развязал его. На свет появились свиная тушенка, галеты, колбаса, буханка хлеба.

Нина спустилась в погреб, достала соленых огурцов, капусты. Лиза вытащила из печи чугунок с горячей картошкой.

— Угощайтесь чем бог послал.

— Ну уж будто и бог, — отшутился Семен, — Ваня, доставай наше энзэ, — подмигнул он большеглазому шоферу, — согреться с дороги необходимо...

На столе появилась поллитровка. Гости не торопясь помыли в чулане руки, уселись вокруг стола. Нина оказалась рядом с Семеном, Лиза, как была в фуфайке, с платком на плечах, так и присела на краю скамьи, близ шофера.

— Лиза, ты что, спешишь куда-то? — спросил Семен. — Гости разделись, а она словно в гостях в своем доме.

— Семен Петрович, беда у нас на ферме, — взволнованно заговорила Лиза, — назначили меня заведующей и словно в прорубь бросили...

Женщины в сторожке ждали Лизу, прислушиваясь к стонам ветра. Вдруг Марфушка, сидящая у окошка, удивленно вскрикнула:

— Ой, бабоньки, смотрите! Кто к нам идет...

Авдотья припала глазом к оттаявшему очку в стекле.

— Глянь, и правда, какие-то военные вместе с Лизой...

А гости уже поднимались по ступенькам крыльца в сторожку.

Лиза распахнула дверь, и вместе с ней, с холодным воздухом, вошли четверо военных.

— Мир честной компании, — произнес весело Семен, — наверно, не ждали таких гостей, а мы вот сами пришли...

— Милости просим, — сказала нараспев Авдотья, — если с добром, подходите к столу.

— Вверенное мне подразделение в составе трех человек — воинов Красной Армии — пришло оказать вам помощь, — отрапортовал Семен, — по утеплению, так сказать, скотного двора.

...Длинные доски пружинисто прогибались на плечах, остро пахли смолой, мышинным пометом.

Лиза носила доски в паре с Семеном и от души радовалась. «Вот счастье-то привалило! Увидел бы Матвей Иванович, удивился бы, как все получилось».

Работа закипела. Большие пазовые щели, куда задувал ветер, плотно конопатились соломой и сверху заколачивались сосновыми тесинами.

Семен подбадривал своих друзей и повеселевших женщин.

— Давай, бабоньки, давай! — кричал он женщинам, вгоняя в сучковатую тесовину гвоздь. — Теперь вашим круторогим никакой мороз не страшен будет. . .

Марфушка трудилась в паре с глазастым шофером.

— Ой, девка, и горячая ты на работу, — шутил он, сбрасывая доски с плеча. — С такой мужик не уснет.

— Выдумашь тоже! — крикнула смущенно девушка. — Сейчас все мужья на фронте. . .

Лиза, вбивая гвоздь, больно ударила молотком по пальцу, вскрикнула и громко выругалась в сердцах.

— Вот это по-нашему, по-солдатски, — прозвучал рядом с ней басовитый голос.

— Вам бы так, — плаксиво протянула Лиза, — палец отшибла.

— До свадьбы заживет, не горюй. . .

К обеду вся надветренная часть коровника была утеплена. Метель утихла, и сквозь мутные тучи показалось солнце.

Все собрались в сторожке. Парни, разрывая газету, стали свертывать самокрутки.

Напившись молока, красноармейцы вышли вместе с Лизой.

Тихое, солнечное безветрие стояло над селом.

В избе их ожидала Нина. Она успела приготовить обед, накрыть стол. Гости наскоро выпили, закусили.

Нина поехала вместе с гостями, проводить их в дорогу.

Оставшись в доме, Лиза прибрала со стола, подмела пол, оделась потеплее и пошла на ферму.

Вечерняя дойка коров заканчивалась в сумерках.

Лиза вышла на крыльцо сторожки. Синяя темнота надвигалась с востока на село. Избы мутнели, сливались с небом, полем. Мороз крепчал.

Неожиданно за углом сторожки послышался скрип шагов, Лиза обернулась и не поверила своим глазам —

перед ней в длинной солдатской шинели, в обмотках, с забинтованной головой стоял Николай Белов. Тот самый Колька, ее первая любовь, которого в свое время на селе пророчили ей в мужья.

— Коля, это ты?

— Я, а кому же еще быть?..

Холодок радости и испуга защекотал сердце Лизы.

— Да как же ты здесь очутился?

— Из саратовского госпиталя на поправку домой направили.

— Коля, родной, — Лиза бросилась ему на шею, прослезилась, горячо поцеловала прямо в губы. — Жив, здоров...

— Вот задело щеку немного, — сказал он, показывая на перебинтованную челюсть, и виновато улыбнулся одними глазами, с трудом двигая челюстью, добавил: — В основном все в порядке — руки, ноги целы, силенка есть, топором махать могу.

...Слухи о возвращении Николая распространились быстро. После работы Наталья забежала за Лизой, чтобы пойти вместе к Беловым, послушать рассказы фронтовика.

— Может, он наших где видел, — шептала Наталья подруге, — земля большая, а человек с человеком сходятся...

В этот вечер Лиза наряжалась дольше обычного. Сладко щемило сердце. «Точно на свиданье в девическую пору иду, — думала, прихорашиваясь у зеркала, — непонятное что-то со мной творится».

В зеркале увидела свои смеющиеся глаза, передразнила себя по-детски, показав кончик языка, рассмеялась. Неуемная радость предстоящей встречи волновала до ломоты в груди.

Война сблизила людей, заставляла прощать друг другу мелкие обиды, ненужные склоки. Каждый день после ухода Николая на фронт Лизе приходилось встречаться с его матерью: в поле, в лесу, у колодца. Настасья, отходчивая на сердце, заговорила первой. Это случилось в вечернем поле, после жатвы ржи у Сокова болота. Настасья догнала Лизу, отозвала в сторону, виновато проговорила:

— Ты прости меня, старую, глупую бабу, за все, что было. Я ведь сердца на тебя не имею. Все это наши бабы

растрезвонили... слухи дурные пускали, а я сдуру верила им...

— Я не сержусь, тетя Настя, — ответила Лиза, — что было, то бывшем поросло. Забудем обо всем. До этого ли теперь?

Сейчас она шла в дом к Настасье с легким сердцем.

— Смотри не влюбись по старой памяти в солдата! — крикнула ей в шутку из чулана Нина, когда Лиза с Натальей уже выходили в сени. — Греха не оберешься...

— На том свете за все ответ держать будем, — прихлопывая дверь, ответила Лиза, — чему быть, того не миновать...

Поднимаясь на крыльцо Беловых, Лиза неожиданно остановилась, схватив рукой припорошенный снегом резной столбик.

— погоди, Наташа, дай дух перевести. Сердце отчего-то захолонуло...

— Что это с тобой, Лиза? Ты никак и взаправду не в себе?

— Ой, Наташка, не говори! Дрожу вся... С чего бы это, волнение такое? — шепнула доверительно подруге.

В избе у Беловых собралось много сельчан. На столе шумел ведерный тульский самовар с многочисленными медалями на начищенных до блеска боках. Николай в военной гимнастерке с расстегнутым воротником сидел в красном углу, под иконами. Белая марлевая повязка, перехватившая подбородок и голову, удлиняла его обескровленное лицо, делала по-девичьи нежным. Говорил Николай медленно, оглядывая всех собравшихся счастливыми, слегка захмелевшими глазами. Рядом с ним сидели с одной стороны мать, с другой — глуховатый дед Ермолай. Вокруг длинного стола разместились многочисленные родственники, близкие, знакомые, соседи.

Лиза и Наталья, тихо открыв дверь, стали у порога в гурьбе женщин. Николай с белым бинтом на лице, захмелевший, рассказывал, как немцы под Кременчугом превосходящими силами, с танками, окружили их батальон, занимавший оборону на берегу безымянной речушки. Отступать было некуда. Красноармейцы кинулись в прибрежные камыши. Фашисты стали их расстреливать из минометов. Смелчаки почти до единого человека погибли, удалось переплыть речушку и спастись десятку бойцов, в том числе и Николаю.

Рассказчик передохнул, поправил рукой повязку, потянулся за папиросой. В избе было тихо. Лишь изредка слышался скорбный женский вздох.

— Николка, а чего-то это мы все удираем от немца? — спросил Тимофей Жижин, сидящий с краю стола. — Думается, техникой он нас давит, самолетами да танками...

— Да, техники у фашистов много, всю Европу заставили на себя работать. Только одной техникой ничего не сделаешь. Немчура без техники жидкая на расправу, чуть что — и в кусты.

— Коля, ты наших сельских никого не встречал на фронте? — спросила Наталья. — Может, приходилось с кем-либо увидеться?..

— Никак это ты, Наталья? — спросил Николай, повернув голову. — Тебя и не узнать... Проходи ближе к столу. Мы хоть и дальние, но все же родственники. И ты, соседка, подходи, — пригласил он Лизу.

Николай встал из-за стола, помог женщинам раздеться.

— А я тебя давеча у фермы толком и разглядеть не успел, — сказал Николай Лизе, — дай хоть сейчас посмотреть, какая ты стала.

— Будет тебе, Коля... в краску сразу вогнал... — смутившись, ответила Лиза.

— Она у нас как маков цвет, — весело сказала Наталья, — в солдатках ходит краше, чем в девушках.

— Дед Ермолай, наливай гостям! — наклонившись к уху старика, крикнул громко Николай.

Женщины чокнулись с Николаем и родственниками, не спеша выпили по рюмке пшеничной, закусили солеными грибами, посыпанными тертым хреном.

— Отвечаю тебе, Наталья: своих сельчан видеть не пришлось, — глубоко затянувшись папиросой, проговорил Николай, — фронт — вон он какой, от моря и до моря раскинулся, народу там сошлось видимо-невидимо. В такой толчее отца родного не заметишь... А вот был такой случай. Иду раз по коридору в госпитале, в Саратове, смотрю, ковыляет мне навстречу на костылях раненый. Вглядываюсь, лицо как будто знакомое. Думаю, где я его видел? Разговорились. Оказалось, Алексей Модянов из Рузанова, земляк, мы с ним до седьмого класса в одной школе учились. Вот так встреча!.. Ему в ногу оскол-

ком под Лубнами попало. Кость перебило. Хотели до колена ногу отнимать, антоновым огнем врачи пугали, а он не дал резать. «Чего, говорит, я с одной ногой дома буду делать? Как по улице буду ходить?» Спасибо, один ленинградский профессор помог, вылечил. Сейчас у Алексея кости срослись, уже свободно на одном костыле по госпиталю ходит...

Настасья разлила в чашки чай.

— Ты бы бросил курить, сыночек, — ласково сказала она Николаю, — пожалей здоровье, а то все дымишь да дымишь. Закуси получше, не то охмелеешь...

Лиза украдкой рассматривала Николая, дивясь, как он возмужал, раздался в плечах.

Ей припомнилось, как в ранней юности вдвоем с Николаем они ходили в район фотографироваться на комсомольские билеты и впервые поцеловались в орешнике у родников, когда возвращались домой. Помнит ли он об этом?

В избе становилось душно.

По старинному русскому обычаю чай пили молча, из блюдец, придерживая их рукой. Большие куски твердого сахара, сохраненные Настасьей еще с прошлого года, дробили маленькими щипчиками.

Подростки, как воробьи, шумно завозились у двери. Послышались подзатыльники, укоризненные женские голоса.

Вьюга за окном, бушевавшая всю неделю, утихла, тучи рассеялись, и зеленый месяц низко поднялся над заснеженными крышами домов.

— Наливай еще по маленькой себе и гостям, — предложила Настасья, перехватив взгляд сына, брошенный на Лизу, — а то что-то все замолчали. Ведь у меня радость сегодня...

Николай налил. Подал Наталье и Лизе, поставил перед матерью. Поднялся с рюмкой в руке, худой, высокий, поправил повязку.

— За нашу победу. Чтоб не было Гитлеру ни дна ни покрышки!

— Коля, а какие они, немцы-то? Обыкновенные люди или другие, на нас непохожие? — спросила Авдотья Морозова. — Мы тут думаем, что они, наверное, косматые, как черти, и все с рогами...

В избе дружно засмеялись.

— С хвостиком они, тетя Авдотья, с хвостиком, — рассмеялся у окна Тимофей Жижин, — их часто в «Крокодиле» такими рисуют. . .

— Люди они обыкновенные, с руками, ногами. На вид от наших не отличишь. . . Только души у них червивые, или, прямо скажем, нет у них никаких душ, — продолжал Николай. — Захватили мы в том бою двух молодчиков с железными крестами на груди. Такие кресты у них самыми высшими орденами считаются. . . Вначале держали себя высокомерно, спесиво, а когда дело дошло до ответа — расплакались, задрожали. Жидкими на расправу оказались сынки мясников из Гамбурга. . .

— Неужели все гитлеровцы — мясники да лавочники? — спросила тихо Наталья. — Ведь есть же среди них и простые рабочие или, скажем, такие же крестьяне, как и мы. Зачем же они на нас с оружием идут?

Николай затянулся папироской, пуская к лампе седые кольца дыма.

— Забил им Гитлер головы разными посулами, обещал рай на всей земле. Грабь, тащи, обогащайся — все твое, все тебе позволено! Вот они и клюнули на эту удочку.

— Вот оно что! . .

Женщины стали перешептываться. Дед Ермолай вскинул голову:

— Заведи, Настюха, заветную, чегой-то мы заговорились. . .

Настасья, подперев ладонью правую щеку, сильным мягким голосом завела:

По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.

Лиза и Наталья подхватили:

А девица плачет, а девица плачет,
А девица плачет над быстрой рекой.

. . . Многие было переговорено в эту ночь, многое вспомнилось. За песнями засиделись допоздна. Соседи и знакомые стали расходиться по домам только к полуночи. Позже всех уходили Лиза с Натальей. Николай, набросив шинель на плечи, пошел их провожать.

— Чай, недалеко живем — не заблудимся, — сказала Наталья.

Тихая ночь в зелено-дымчатых снегах спала над селом. Мороз был не сильным, слегка пощипывал щеки.

— А помнишь, Коля, — заговорила слегка захмелевшая Лиза, — лунную ночь в лугах под Рузановом в тот год, когда мы шли с тобой из Дивеева с кинофильма «Волга-Волга»?

— Помню, Лизанька, все помню... Там на фронте в минуты затишья всю свою жизнь как на ладошке оглядываешь, вспоминаешь все, что забылось...

Возле дома Бугровых Наталья простилась, поднялась на свое крыльцо.

— Ну и мне пора баньки, — сказала шутливо Лиза, — уже поздно, а завтра дел не переделать...

Николай стиснул ее руки до боли, обнял, поцеловал в упругие холодные губы.

23

В канун Октябрьских праздников в школе было всего три урока. К полудню занятия окончились. Не заходя на квартиру к дяде Ивану, Петька зашагал через луга домой — спешил уйти поскорей от школы, словно боялся, что кто-то его окликнет, заставит остановиться. Настроение у него было скверное.

В мирные дни в это время в школе поднималась такая предпраздничная кутерьма, так она захватывала всех и переполняла радостным чувством, что ученики, казалось, не ходили по коридору, а летали на крыльях.

Обязательно в последние часы шли репетиции художественной самодеятельности, выпускались праздничные стенные газеты; до хрипоты спорили, как лучше оформить школьную колонну на митинге. И он, Петька, как секретарь комсомольской организации был, конечно, в центре всех событий. Его вызывали в учительскую, просили заглянуть в пионерскую комнату, тянули на репетицию драмкружка, где у него была главная роль в спектакле. И на все находилось время, везде он успевал, школьная суতোлка бодрила, окрыляла.

В этом же году подготовка к празднику проходила без обычной шумихи, тихо, почти незаметно. «Скучно будет на празднике, — подумал Петька, шагая лесной тро-

пинкой, — да и веселиться нет причины. Немец вон где, у самой Москвы стоит...»

У родников на Маслихиной горе Петька увидел лесничиху Галину. Склонившись над мшаными бревнами низкого сруба, она пила воду.

Он остановился в трех шагах от сруба. Галина поднялась, повернулась к нему, тихо улыбнулась и стала вытирать концом платка влажные розовые губы.

— Здравствуй, Галина, — заговорил радостно Петька, — домой идешь?

Женщина молча кивнула.

— Вот и хорошо, теперь вдвоем пойдем, веселее будет...

— Ой, Петя, — сказала тихо женщина, — голова что-то закружилась, в глазах темнеет... В лесу целое утро бродила, а сейчас в лесхозе два часа в прокуренной комнате заседали. С утра ни крошки во рту не было...

— Мы тихо пойдем, спешить некуда.

Петька нагнул над срубом, сложил ковшиком ладони и стал пить холодную, до ломоты зубов, воду.

— Хороша водичка, силы удесят�еряет. В прошлом году профессор из Москвы приезжал, анализ брал и сказал, что вода эта обладает большими лечебными свойствами. Оказывается, здесь в монастыре в старое время монахи не дураки были, когда эту воду в стеклянных пузырьках по всей России продавали как чудодейственную.

Галина подняла со сруба кожаную сумку.

— Пойдем, что ли?

В гору по проторенной тропинке поднимались молча. Заснеженный лес под холодным серым небом шумел угрюмо, настороженно. С горы было видно, как река на крутой стремнине дымилась морозным паром. Острый смолистый запах бора охлаждал ноздри. По левую сторону дороги от медно-серой стены бора тянулась молодая посадка. В зеленых сосенках, надув маленькие зобики и выпятив красные грудки, перепрыгивали с ветки на ветку снегири.

— Снег рано выпал в этом году, — заговорил Петька, — прошлой осенью в эту пору еще скот пасли по озимам, а тут такое сразу завернуло! Трудной и долгой будет зима...

— Для кого она еще будет, а для меня уже началась, — тихо проговорила Галина, — в лесу, только снег упал, стало как на кладбище. Хоть волком вой — никто не услышит. Одни снегири да синицы порхают в кустах, да и те радости не приносят. . .

— А ты бы чаще в село приходила, — предложил Петька. — На людях оно всегда веселее.

— А чего в селе-то веселого? Сейчас у каждого свое горе, свои слезы. Посчитать, так ни одного дома не найдешь, в который бы эта проклятая война не заглянула, — всех задела, всех растрожила. . .

— В горе-то и надо всем вместе держаться. На миру и смерть красна, — попробовал пошутить Петька.

Шли молча. Под ногами скрипела пороша. Скучный зимний лес удваивал путь.

— Скажи, Галина, почему ты водишь дружбу с заходящими монашками? Они морочат тебе голову, а ты им веришь. . .

— Какие монашки? О чем ты говоришь?! — с приторным испугом спросила женщина.

— А такие, что у тебя в доме псалмы распевают да евангелие читают. Свой кордон в молитвенный дом превратила?

— Люди наговорят разное, им замками рты не закроешь. . .

— Я своими глазами видел, как у тебя молились две чернорясницы. Голоски у них елейные, а глаза злые, как у голодных мышей. И что только тебя с ними связывает?

— Это ты говоришь про двух божьих сестриц? Они иногда заходят ко мне переночевать, а у меня с ними на душе светлеет. Ведь от одиночества на кордоне с ума сойти можно. Вот они, бездомные, и заходят ко мне добрым словом перекинуться. — Галина помолчала и со вздохом добавила: — Вреда от них никакого нет, тихие они, набожные. Священное писание до букочки знают, все растолкуют, расскажут. . .

— И ты веришь им? Неужто взаправду веришь?!

— Человек должен во что-то верить, без веры как же можно? Я не им, а божьему слову верю. . .

Дорога проходила у стены соснового бора, краем большой вырубки. Низкие пни со снежными шапками отчетливо выделялись на белом фоне и были похожи на маленьких зверьков. Весной на этом месте в бору вспых-

нул пожар. Огонь быстро потушили, но черное пятно сожженного мелкоколосья все лето не зарастало у дороги. Даже сейчас здесь пахло жженой смолой. Петька вдруг вспомнил, как энергично действовал в тот день во время тушения пожара лесник — муж Галины. Он отдавал команды, где рыть канавы, откуда пускать встречный огонь. Рядом с ним, почти в пламени, находилась тогда и Галина, смелая, ловкая, никак не похожая на эту, идущую рядом.

— Женщина ты не глупая, а говоришь такое, что и слушать не хочется, — выпалил в сердцах парень. — Ну, посуди сама: какая тебе польза от этих монашек с их священным писанием? Что они могут дать хорошего? Заморочат тебе голову, да и только. . .

— Если бы не они, я бы, при моем горе, с ума сошла. С ними я словно заново на белый свет народилась. . .

— Схватилась за них, как утопающий за соломинку, так, что ли?

— А что мне делать? Подскажи, если ты такой грамотный! — Галина с трудом сдерживала душившие ее слезы.

— Ну, ладно, ну, успокойся, — заговорил растерянно Петька, не зная, какие слова найти в ответ. — Посоветовал бы я тебе бросить свою лесную сторожку и перебраться или в заводской поселок, или в наш колхоз. Я понимаю, что одиночество порой хуже могилы. . .

Женщина немного успокоилась, вытерла глаза концом платка.

— А что я буду на заводе делать? — вздохнула она. — Ведь у меня нет никакой специальности.

— Сейчас рабочие руки везде нужны. Подучишься малость — к станку встанешь. . .

Вырубка кончалась частой стеной ровного ельника. Из-за острых вершин деревьев, похожих на татарские стрелы, выплывала темная туча. Пошел мелкий, легкий снежок. Он глушил шаги, и в лесу сделалось еще темнее и тише.

Галина шла и молчала, и Петьке было неясно: соглашается она или нет? Ему, по молодости, в жизни все казалось простым и открытым. И сейчас он твердо был уверен, что Галина оставит свою лесную сторожку и перейдет на завод или в колхоз.

А женщина вдруг проговорила:

— Трудно это, Петенька, с насиженного места срываться. Не знаю, право, что и делать...

Вскоре дорога вывела их к кордону. Послышался радостный залиvistый лай Полкана.

— Может, зайдешь, Петя, в хату, передохнешь, чайку смородинового на дорогу выпьешь? — предложила Галина.

— Да нет, пожалуй, я пойду... Дома дел перед праздником много, спасибо за приглашение.

Лесничиха кивнула, подала на прощанье руку и, повернувшись, пошла по узкой тропинке к сторожке, навстречу радостно бегущему псу.

Петька спустился в лощину, заросшую частым липняком, перепрыгнул через ручей, еще не схваченный морозцем, и легко зашагал по тропинке. От кордона до поля шел лиственный лес. Сейчас без листвы он казался поредевшим, низкорослым. То тут, то там ярко кровенели тяжелые кисти рябин, не склеванные прожорливыми глухарями.

Мелькали по бокам дерева, серая полоска неба над головой то расширялась, то суживалась. Вот показался на повороте знакомый толстый дуб. Он еще не сбросил тяжелых потемневших листьев и сейчас на фоне оголенных деревьев выглядел сказочным берендеем, хозяином зимнего леса. Вскоре в просвете деревьев засерело поле. Снег перестал идти, и сизо-белая даль до села открывалась глазу. С омета соломы, стоящего на опушке леса, опустились на дорогу две галки — скучные птицы русских полей. Они запрыгали по пороше шагах в десяти от Петьки.

Петька вложил два пальца в рот, по-разбойничьи свистнул. Птицы взметнулись в небо, зло гаркнули и боком по ветру опять полетели к омету.

Через полчаса парень был уже на околице, у прясла, отгораживающего выгон от поля. До слуха долетел гул молотилки от покосившейся ржи.

Перемахнув через прясло, он свернул к току. Желтая ржаная пыль облаком вилась над молотилкой и оседала на ноздреватый серый снег. В пыли мелькали фигуры женщин с граблями в руках.

Наверху, на столике, стоял запыленный дядя Николай; ловко орудуя руками, бросал в молотилку растрепанные снопы ржи.

Сложив рупором ладони, Петька крикнул:

— Здравствуй, дядя Николай, как дела идут?

— Последнее одонье домолачиваем! — крикнул в ответ машинист. — Сегодня все закончим!

У чистого вороха зерен, рядом с мешками, Петька увидел Наталью. Подошел, поздоровался.

— Помоги, Петя, мешки на телеги погрузить, в долгу не останемся, — сказала она, весело поглядывая на парня сквозь прищуренные, припудренные желтоватой пылью ресницы. — Уж так и быть, поставим чарочку в праздничный день...

Подпрыгивая на смерзшихся комьях земли, громыхая, подъезжали подводы. Сани еще не успели подготовить, и мальчишки — ездовые — обмолоченное зерно возили на склад в телегах.

Петька в паре с Натальей принялся укладывать на телегу тяжелые мешки. Когда была нагружена последняя подвода, он в душе пожалел, что работа так быстро кончилась.

— Спасибо, Петя, — сказала Наталья. — Вечером в клуб приходи, мы всем селом собираемся на торжественное собрание. Из района сообщили — сам Сталин выступать по радио будет...

— Обязательно приду! — пообещал Петька и, взяв с копны соломы свой портфель с учебниками, радостный зашагал через огороды к дому.

24

Лиза три раза громко стукнула в резной наличник окна Бугровых и позвала Наталью:

— Бригадир, в клуб пора!

— Иду! — откликнулась Наталья, выглядывая сквозь полузамерзшее стекло на улицу. — Подожди минутку, я сейчас...

Серый вечер с редкими снежинками, с густой тишиной опускался на село. Даже хруст снега под валенками и тот казался слишком резким, ненужным.

Подруги свернули возле Грибачева сада к сельмагу.

— Закрутилась я совсем, сил больше нету, — заговорила Лиза, — руки утром с трудом поднимаю. Почитай с самого утра до вечера доишь и доишь коров, пальцы

немеют... А району и председателю все мало и мало мо-
лока. Давай и давай...

— А кому сейчас легко! — возразила Наталья. — Мы
вон тоже какую махину одолели. Думали, к Новому году
с молотьюбой не управимся, а разошлись — и к празднику
все сделали... У баб спины не разгибались, а последнюю
неделю почти никто глаз не смыкал, круглые сутки ра-
ботали.

От сельмага за мостом дорога поднималась на изво-
лок к клубу.

— Тишина-то какая в селе, — сокрушенно сказала
Лиза. — Прямо как на кладбище. А помнишь, Наташа,
как мы до войны в этот вечер гуляли? Не верится даже...

Разрумянившиеся от легкого морозца подруги вошли
в клуб. По случаю праздничного вечера помещение было
жарко натоплено. Золотистые сосновые доски потолка
источали смолистый запах. Настенные керосиновые лам-
пы с выпущенными до отказа фитилями светили непри-
вычно ярко. На сцене, как и в былые годы, стоял стол,
накрытый красным полотнищем, в глубине на красной
фанерной тумбе поблескивал бюст Ленина. Наталье бро-
сился в глаза черный диск настенного репродуктора,
установленный на середине красного стола.

В зале уже набралось много народа, но было тихо —
люди разговаривали шепотом.

Неожиданно в раскрытой двери раздался веселый го-
лос дяди Павла. Прямо с порога он притворно-разочаро-
ванно гаркнул:

— А я думал, здесь уже столы накрыты и всем по чар-
ке подносят, бежал изо всех сил, боялся, что опоздаю...

— Держи карман шире, — в тон ему протянула Ага-
фья Воденниа. — Тут дадут, во что кладут...

— А чего все закручинились? — продолжал дядя Па-
вел. — Здесь не дадут, так дома первача хватим. А вот
песни не слышно — это плохо, так никуда не годится.
Какой же это праздник, ёшь те корень, без песни? Ну-ка,
Петруха, разверни малиновы меха, танцевать хочется —
страсть...

Кто-то из парней сбегал в библиотеку за потрепанным
клубным баяном. На середине зала быстро образовался
свободный круг. Молодые девушки, как по команде, вы-
двинулись из толпы вперед, стыдливо потупив глаза.
Петька сел на скамью у стены, не спеша развернул меха.

Дядя Павел вышел в круг и остановился перед Лизой.

Пальцы баяниста быстро забегали по ладам. Дядя Павел плавно закружился вокруг Лизы, а она павой пошла по кругу, легко, самозабвенно. Рассыпая дробь на деревянном полу, закинув руки за поясицу, она не шла, а словно летела по воздуху, лукаво поглядывая из-за плеча на партнера.

Дядя Павел пошел вприсядку, легко выкидывая вперед ноги. Он взмахивал руками, как крыльями, громко хлопал в ладоши. Под конец подмигнул Петьке, тот разом сдвинул мехи. Музыка оборвалась, и плясун легко сел на пол. Все рассмеялись. Зрители долго хлопали и гармонисту и плясунам.

Разрумянившаяся, возбужденная Лиза подняла руку дяди Павла, как победителя.

— А теперь песню, общую, хороводную! — предложил Тимофей Жижин. — Али песенницы у нас перевелись?

Наталья, Шура Майорова, Лиза сгрудились около Петьки.

— Начинай, Петя, нашу любимую, — предложила Наталья. — Помните, как мы ее на районном смотре исполняли? — И первая мягко и плавно запела:

Словно тучи, печально и долго
Над страной проходили века...

Подруги тотчас же подхватили запев.

И катилась красавица Волга,
Полноводная наша река.

За песней почти никто не заметил, как в зал вошел Михаил Кузьмич. Молча стал у двери, поглядывая из-под очков на поющих. Председатель еще не совсем оправился от болезни, стоял высокий, худой, с темными глазами, в глубине которых едва уловимо поблескивали зрачки. К Михаилу Кузьмичу подошла молодой председатель сельсовета Нюра Грабичева.

— Пожалуй, пора начинать, все в сборе.

Михаил Кузьмич и Нюра поднялись на сцену.

— Товарищи колхозники! — глухо проговорил Михаил Кузьмич. — Мы собрались с вами сюда на торже-

ственное собрание, посвященное двадцать четвертой годовщине Великого Октября.

✓ В зале повисла мертвая тишина. Все смотрели на сцену, где на длинном столе, покрытом выцветшим кумачом, стоял черный диск репродуктора.

На скамьи, расставленные по залу в два ряда, никто не садился. Мужчины сняли шапки, женщины, чтобы лучше услышать радио, спустили на плечи платки.

Михаил Кузьмич наклонился над репродуктором, повернул рычажок, и тотчас же в зал ворвался шум аплодисментов, крики «ура», отдельные возгласы.

Наталья стояла всех ближе к сцене, слушала, как в репродукторе медленно стал утихать этот разногласный шум.

Вот донеслось глухое покашливание, и послышался неразборчивый, тихий, с заметным кавказским акцентом голос:

— Товарищи!

Прошло двадцать четыре года с тех пор, как победила у нас Октябрьская социалистическая революция и установился в нашей стране советский строй. Мы стоим теперь на пороге следующего, двадцать пятого года существования советского строя...

✓ Все затаили дыхание.

Что-то он скажет сейчас, этот голос, что принесет им нового? В тишине было слышно, как за стеной, на высокой колокольне, гудел от ветра пожарный колокол. А тихий голос меж тем размеренно продолжал:

✓ — ...Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице — Москве. Немецко-фашистские захватчики грабят нашу страну, разрушают созданные трудом рабочих, крестьян и интеллигенции города и села. Гитлеровские орды убивают и насилуют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков...

Люди боялись пошевелиться, переступить с ноги на ногу. Даже звон колокола от ветра затих за стеной, и только голос докладчика, ровный и глуховатый, властвовал в маленьком темном зале.

Наталье сделалось жарко. Смолистые доски у печки источали удушливый запах. Фитилек настенной лампы

стал помигивать от жары, бросая на потолок дрожащие тени. Лица людей потемнели, сделались как на иконах. . .

«Неужели же нет у нас сил, чтобы остановить их?!»

Наталья ждала, когда наконец-то докладчик скажет о том, какие на фронте в ближайшие дни произойдут перемены, когда перейдет в наступление Красная Армия. Мельком взглянув на стоявших рядом Лизу, Авдотью Морозову, она заметила, что и они, да и все собрание, ждали таких же слов от докладчика, но он продолжал говорить о причинах временных неудач Красной Армии, о провале «молниеносной» войны, об отсутствии второго фронта в Европе. И снова, опять об опасности, нависшей над нашей страной! . . .

Запали в душу слова, в которых докладчик призвал, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях не покладая рук и давали бы фронту, стране все больше хлеба, мяса, сырья для промышленности. . .

Люди очнулись, пришли в себя, лишь услышав, как в репродукторе вновь забушевала буря аплодисментов. Мальчишки, сидевшие на полу возле сцены, тоже захлопали в ладоши.

Наталья почувствовала, как от огромного напряжения на лбу у нее выступили капельки пота. Сердце билось часто и гулко. Она положила свою руку на плечо Лизы и крепко сжала его.

Авдотья Морозова, накидывая платок на голову, тихо, скорбно сказала:

— Страшная буря идет! Все метет на своем пути. . . Тяжело нашим на фронте, ой тяжело. . .

— Тяжелее и не придумаешь, — сокрушенно вздохнула Наталья.

Петька, Наталья, Лиза и Шура Майоровы шли домой вместе. Морозный ветер слегка пощипывал щеки, заставлял ускорять шаги.

Неожиданно из-за колодца навстречу им вышел человек. Женщины испуганно застыли на месте, но тотчас же обрадованно вздохнули, узнав Николая Белова. Он был изрядно навеселе.

— Лиза, можно тебя на минутку, — проговорил он заплетающимся языком, — только на два слова. . .

Петька освободил ее руку. Лиза подошла к Николаю:

— Что тебе?

— Задержись на минутку, — прошептал он так, что все услышали, — сказать кое-что надо. . .

— Что-то ты весел сегодня!

— Праздник ведь. . . тяпнул самую малость. . .

— От малости так не закачает, — укорила Лиза и, взяв его под руку, отстала от подруг. — Спокойной ночи! — крикнула она на ходу и, рассмеявшись, добавила: — Кавалер в плен взял, сопротивление бесполезно. . .

Шура Майорова, поравнявшись со своей избой, сказала:

— Ну, я пошла. Дома, чай, заждались. . .

Петька и Наталья остались одни. Спешить было некуда.

— Спать сегодня не хочется, — заговорила доверчиво Наталья, — голова кругом от мыслей идет. . .

— Что же за мысли, если не секрет?

— Вам, молодым, не понять нашу бабью долю. — Наталья помедлила и продолжала: — Мысли наши известные, грустные, порой зареветь на весь свет хочется. . .

— Я понимаю, — тихо заговорил Петька. — Куда ни глянь — горе да слезы. . . Скорей бы со школой рассчитаться да на фронт.

— Успеешь еще, навоюешься, — ласково проговорила Наталья. — Этой мясорубки и на твою долю достанется. — Она глубоко вздохнула. — Я только сейчас стала понимать, как было хорошо в мирное время. Закрою глаза — и вся жизнь в солнечном свете встает.

Возле крыльца Натальино дома остановились. Петька не знал, что делать: уходить сразу домой или еще немного побыть?

Наталья поняла, что ему не хочется уходить, улыбнулась про себя, сказала:

— Эх, Петя, жаль, гармошки с тобой нет. И запела бы я сейчас на все Кременки! — сказала она с каким-то надрывом в голосе. — Услышали бы люди песню — легче было бы. . .

— Я могу сбежать. . . Здесь же рядом, — проговорил, срываясь с места, Петька.

— Постой, чудака ты! — Наталья взяла его за руки. — Не время сейчас людей припевками тревожить, уже поздно.

Ей неудержимо захотелось, как в детстве, расшалиться, закружиться, разметать эту мертвящую, холодную тишину ночи. На нее иногда находили такие минуты. Девочкой, в состоянии безудержного веселья, она убежала сломя голову за околицу, перепрыгивая через высокие усадебные прясла. «Чистый бесенок, — говорили старухи, качая головами, — и как только ноги не поломают».

Позднее, в годы девичества, всю свою неумную радость она вылиwała в хороводных танцах.

А танцевать в Кременках умели.

Собиралась молодежь в летние вечерние часы на Цигорином мосту — исконном месте сельских гульбищ. Бог весть когда и кем было выбрано это место на скрипучих половицах, перекинутых через пересохшую речушку Вечкинзу. Сюда-то, на этот мост, приходили в пору своей молодости и отцы и деды. Их сменяли дети, внуки. Иная мать вечером, не найдя возле дома свое подрастающее чадо, шла к Цигорину мосту и там, в шумной толпе, безошибочно его отыскивала.

С грустным лицом уводила она свое дитя домой, сознавая, что отрочество сына или дочери кончилось, что теперь для них тропинки к мосту с каждым днем будут торней и шире.

...Усаживался гармонист на перила моста, рядом с ним — друзья-кореша. Цветным полукругом выстраивались перед гармонистом девушки, оставляя свободное место для танцев. Шмыгали по мосту неумные горластые подростки.

Гармонист — первый парень на селе — для куража немного ломался, шумно продувая мехи хромки, оглядывая девушек.

Вот он наконец улыбался, бросая сверху вниз по перламутровым пуговицам пальцы, и, словно на разминке, наигрывал какие-то замысловатые вариации. Потом лицо его приобретало мечтательное выражение.

Начиналась томительно-плавная «Подгорная». Именно в ней, царице сельских гульбищ, проявлялось подлинное мастерство гармонистов. Играть нужно было так, чтобы плавные переходы не захлестывали друг друга, а рассыпались хрустальными горошинами.

В круг входили самые голосистые плясуньи. Становились друг перед другом, медленно перебирая ногами в такт музыке. Одна рука подпирает бок, другая — опущена. Головы в цветных платках вскинуты, точно оттягивали их за спиной тяжелые, в ярких лентах косы.

Вот одна из плясунь останавливается и звонко и плавно выводит:

Ты, сыграй-ка, милый Витя,
Что-нибудь повеселей,
Чтобы сердце не болело
У подруженьки моей.

Исполнительница умолкает и начинает медленно кружиться. А запевка все еще летит над притихшими конопляниками, путаясь в косматых ветлах, отзываясь эхом у деревенских дворов.

Не успевают стихнуть ее отголоски, как в соревнование вступает другая исполнительница. Она берет тот же тон, только голос звучит пронзительнее и резче:

Ты, подруга моя Ната,
Выходи со мной плясать.
А мы Вите заказали
Полтора часа играть.

Одна частушка сменяет другую. И хотя они всем слушателям давно знакомы, но каждая плясунья ведет голосом в припевке свое наболевшее на сердце, и это заставляет слушать их со вниманием. Парни и девушки знают, в чей адрес частушка, но делают вид, что это никого не касается.

А гармонист, выводя «Подгорную», находит для каждой плясуньи свои переборы, то задумчиво грустные, то раздольно веселые, от которых бьется сердце и голова идет кругом.

Для Натальи Виктор всегда находил свои переливы, особенные.

И до сердечной боли захотелось ей в эту ноябрьскую ночь очутиться вновь в той недавней юности, пройтись со звонкой припевкой по селу. Но она сказала тихо:

— Петя, дорогой, пора по домам.

И медленно пошла к крыльцу, скрипя валенками.

В праздничное утро Николай Белов без стука ввалился к Никольским. Лиза еще лежала в постели, а Нина, полуодетая, хлопотала возле печки.

Николай был навеселе. Шапка-кубанка чудом держалась на макушке.

— Мир дому сему! — дьяконовским басом пропел Николай. — С праздником, дорогие соседюшки.

— Ой, Коля, как ты напугал! — вскрикнула Нина и тотчас скрылась за занавеской. — Мы только проснулись, в доме ничего не успели прибрать...

— А я мимоходом, на минутку, — пьяно сказал Николай, заглядывая в развод занавески.

— Куда же ты, бесстыжий, глаза пялишь?! — крикнула с кровати Лиза.

— Извини, Лизок, не туда поглядел...

— А чего извиняться? — отозвалась из чулана Нина. — Хорошо, что пришел. Сегодня праздник, нечего по углам прятаться да бока отлеживать. Сымай пальто, проходи к столу, вместе и позавтракаем.

Николай сбросил шапку, повесил на гвоздь пальто, подошел к висевшему в простенке зеркалу.

Вскоре все сели за стол. Нина завела патефон — зашипела пластинка, послышалась знакомая с детства песня:

Ой, полным-полна коробушка,
Есть и ситец и парча...

В чулане на печке шипела яичница, пузырясь глянцевыми желтками, в миске соблазнительно навалены огурцы, рядом на тарелке — капуста.

— Не рано ли беремся? — спросила Лиза, щурясь на Николая.

— Очень вовремя! — ответил Николай, гусаком вытягивая шею.

Женщины прыснули.

— Все грехи беру на себя! — задиристо крикнул он и с неожиданной бодростью вскочил.

— Что ты! наших грехов тебе не поднять и не перерошить.

— А я могу! — выпалил Николай, вновь тяжело опускаясь на лавку.

— Ох, раскисает наш кавалер!

— Ничего, держится пока. Может, еще по одной? — предложила Нина.

— Коля спьянеет, что делать будем?

— Спать уложим.

Николай, пьяно опустив голову, пытался вслушаться в их разговор.

— Коля, может, ты приляжешь? — предложила Лиза. — Пойдем на кровать...

Он прилег на мягкую перину, не раздеваясь, свесив ноги до пола, заснул.

В полдень пришла в гости Наталья. Николай, проспавшись, сидел за столом угрюмый.

Нина разлила в граненые рюмки рябиновку. Чокнулись. Упругие грузди в постном масле вкусно захрустели на зубах.

Неожиданно раздался стук в окно, послышался голос дяди Павла:

— Наталья, ты здесь, что ли?

— Здесь, дядя Павел, здесь! Заходи — гостем будешь! — крикнула Лиза. — А то вот сидим мы тут три бабы, а мужик на всех один, да и тот вконец захмелел...

Дядя Павел вошел, снял у порога овчинный малахай, разгладил чапаевские усы:

— Здравствуйте, дорогие, с праздником вас!

— Здравствуйте, — буркнул Николай.

— Раздевайтесь, дядя Павел, и мигом к столу, — пригласила Лиза. — Крутимся мы с вами на ферме сутками, за десятерых лямку тянем, а выпить некогда. Давайте за нашу несчастную долю солдаток хоть сегодня выпьем. Ох, и горькая она, наша доля! Горькая!.. Ты, дядя Павел, извини.

— Чего там! Известны ваши тяжести...

— И не суди судом строгим — сами себя осудим.

— Перестань, Лиза! — крикнула Наталья.

Дядя Павел, хмыкнув, отступил в сторону. В темной ситцевой рубаше, низко подпоясанной ремешком, он казался худее и ниже ростом. Не спеша подошел к столу, хотел было по привычке перекреститься на икону в углу, но, вспомнив, что сегодня совсем другой праздник, раздумал. Разгладив пальцами кончики пепельно-желтых усов, сел на скамейку рядом с Натальей.

— А ведь я к тебе по делу, сношенька, — обратился он к ней. — Лошадь хочу попросить на завтра, дровишки из березника привезти...

— Ты сначала выпей за праздник, — потребовала Лиза, подавая ему полную рюмку.

— Выпить — это можно...

— Давай, дядя Павел! — пьяно закричал Николай. — Только по единой... А потом — песню... Песню надо!.. Ты, дядя Павел, не суди меня строго. Хочешь, я тебе признаюсь, как на духу? Люблю я Лизу и без нее жить не могу. Давно люблю.. Отбил у меня ее Мишка, хотел я в тот год на ножи с ним пойти, да все как-то случилось подурному, смалодушничал. Потерял Лизу я тогда, а теперь нашел...

— Коля, что ты говоришь?! — лукаво сказала Лиза, захмелевшая и немножко гордая собой. — Ведь у меня муж законный есть, что скажут люди?!

— Пусть судачат, это их дело, а я люблю тебя... Вот сейчас выйду на крыльцо и крикну всем...

Николай, шатаясь, пошел к двери.

— Сядь, Коленька, родной, сядь, не надо, — Лиза взяла его за плечи, повернула к дивану.

Дядя Павел выпил, закусил огурцом. Нина сразу же поднесла ему вторую. Он перекрестился и выпил еще.

— А теперь, Миколай, начнем песню.

Он, подперев кулаком щеку, тревожно и тихо вывел:

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной...

Это была его любимая.

Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой, —

подхватили женщины.

Николай молчал, уронив голову на стол, и плакал.

...Вечером, когда гости разошлись, а Николай громко посапывал на Лизиной кровати, меж сестрами произошел разговор.

— Напрасно ты в открытую милуешься с ним, — сказала Нина, кивнув на спящего Николая. — Пойми, что люди скажут?

— Ну и пусть говорят, они привыкли языки часать. А здесь мое дело, и ты, Нинка, не лезь!

— А когда Мишка вернется, что ему скажешь?

— А то и скажу, что люблю Колю. Чему быть, тому не миновать. Все равно наша бабья жизнь колесом пошла.

— Выпила ты лишнее, вот и городишь невесть что.

Лиза, покачиваясь, подошла к кровати, обняла спящего Николая, притянула к себе, задыхаясь, проговорила:

— Никому, ни за что на свете я его не отдам! Он мой теперь. На всю жизнь!..

26

В стеклянные, заиндедевские рассветы гулко и резко трещали стены домов, утрамбованная земля на выгоне.

Дед Дмитрий, выходя к молодым озябшим яблонькам, поправлял на стволах соломенную одежду, опасливо поглядывал на небо:

— Держится мороз, а снегу мало. Беда будет, если еще с неделю такая погода протянется, вымерзнут деревья, как в двадцать первом году, не хватит у них силенки, — разговаривал он сам с собой, плотнее кутаясь в потертый полушубок.

Особенно трудно стало с наступлением холодов на ферме. Позатыканые соломой щели, забитые досками, все равно не хранили тепла. Людей не хватало. Женщины проводили дни и ночи на скотном дворе, не жалея сил, ухаживали за коровами. Стоило появиться Лизе или Авдотье в коровнике, как все Пеструшки, Маньки, Буренки оборачивались на их шаги и печальными глазами вопросительно смотрели в лицо. Одной доярки дадут клочок сена, другой — подсунут пригоршню картошки, третьей сунут во влажный рот соленую корочку хлеба.

С холодами затруднялась подвозка воды. Подростки-ездовые, которыми командовал дядя Павел, коченели на морозе, наполняя из ключей ведрами бочки, работали до темна, а наутро, обессиленные, простуженные, не выходили по наряду. Дояркам нередко самим приходилось бегать под откос к ручью, помогать быстрее наполнять бочки.

В один из погожих дней Лиза и дядя Павел на двух санях выехали за сеном в Сатис, к дальним стогам. В санях с Лизой сидел Колька Воденин — двенадцатилетний подросток, в бараньем малахае, всю дорогу шмыгавший носом. С дядей Павлом в санях уместилась Марфушка Воденина, подручная Авдотьи Морозовой.

Сама Авдотья в этот день отпросилась у Лизы в лес за дровами. Нагрянули холода, а в доме ни полена, печь топить нечем, а лошади в эти дни все были заняты на вывозке зерна в Арзамас. Авдотья решила со старшим сыном Ленькой съездить раза три с салазками в ближайший подлесок Мешиху и хоть на неделю запастись дровами.

За Марфушкой увязался с обрубленным хвостом, куцый Шарик. Подводы догнали Авдотью с Ленькой у Мешихи. Ленька волочил за собой салазки, Авдотья палкой толкала их сзади.

Уступая дорогу лошадям, Авдотья крикнула вдогонку:

— Счастливой дороги! Возы не опрокиньте. . .

— Будет все в аккурате, — откликнулся дядя Павел, подстегивая пегаша. — Смотри, как бы твой коренник нос не отморозил. . .

Поравнявшись с Авдотьей, Лиза посоветовала:

— Тетя Авдотья, в Мешихе у болота сухого осинника страсть как много. Поезжайте туда, в одночасье воз нарубите. . .

Лошади трусили мелкой рысцой, в лесу сбавили шаг, прислушиваясь к зимней тишине; полозья мягко шипели, и было слышно, как тенькают синицы по сторонам.

Стога стояли недалеко от дороги. Дядя Павел сошел с розвальней.

— Первым делом — перекур, — распорядился он, доставая из передка саней торбу с овсом для лошади. — Что носы повесили?! — крикнул он подросткам. — А ну, марш бегом вокруг стога, согреетесь, на стог полезете!

Отбросив в сторону дымящийся окурок, он ловко перебросил вожжи через верхушку стога.

— Николка! Полезай наверх! Шапку снимать со стога будешь.

Цепляясь за вожжи, Николка ловко стал взбираться на стог.

— Я здесь, дядя Павел, давайте топор и вилы. . .

Он быстро разрубил узел тонких березовых жердей, предохраняющих стог от ветров, сбросил их на землю. Острыми вилами поддел смерзшуюся шапку стога. В лицо ударил терпкий, острый запах июньского сена.

Сначала работали споро, весело. Николка сбрасывал сено на землю, а Лиза с Марфушкой подавали его дяде Павлу, навивающему воз. Но вскоре ребята устали. «Да и что с них взять, — подумал дядя Павел, — им бы в это время кататься, а они вишь что делают! Жаль, силенок не хватает, а злости на работу хоть отбавляй».

— Миколка, Марфуша, отдохните, идите посмотрите — река замерзла или нет? У нее на дне теплые родники есть.

К полудню оба воза были навиты. Едва успели затянуть гнетом второй воз и закрепить жерди на остатке стога, как небо неожиданно потемнело и с Крутой горы с ураганным ветром угрожающе надвигалась низкая туча.

— Бураном пахнет, — проворчал дядя Павел. — Пора, Елизавета, в путь, пока метель не разгулялась.

Поднявшись на гору к бору, Лиза оглянулась. Весь луг задымился снежной пылью. Лошади убыстрили шаг. Вершины сосен над головой раскачивались с хрустальным шумом, ударяясь друг о друга. Бор гудел тяжело.

— Буран начался! — крикнул Лизе дядя Павел. — В лесу не страшно, а вот когда в поле выберемся...

В поле свирепствовала настоящая буря. Лошади, опустив головы, ступали сторожко, угадывая дорогу. Марфушка с Николкой сидели на первом возу, упрятав головы от колючего снега в воротники. Дядя Павел с Лизой шли за вторым возом, хоронясь от встречного ветра.

До подъезда к оврагу Лиза вдруг вспомнила, что здесь утром они встретились с Авдотьей, ехавшей за дровами.

Ее охватил испуг.

— Дядя Павел! — сквозь свист ветра крикнула она. — Неужто Авдотья сейчас салазки с дровами на себе тянет? Пропадет с мальчонкой!..

— Бог поможет, — ответил дядя Павел, — дорогу Авдотья знает, не заблудится...

Авдотью с Ленькой вьюга застала в поле. Она налетела неожиданно — все скрылось, потонуло в белесой мгле. Ветер бросал в лицо колючий снег, слепил глаза.

Салазки с дровами потяжелели, стали застревать в колеях.

— Беда, Ленька, — испуганно проговорила Авдотья, — собьемся с дороги, пропадем. . .

— Ничего, — басовито успокаивал мать Ленька, — по вешкам будем идти, дотянемся до дому.

Трудно было тянуть салазки в снежной кутерьме. Хотелось спрятаться от вьюги за салазками, отдохнуть, но они шли и шли в крутящемся снежном мареве.

Впереди смутно зачернели кусты мешихинского оврага. Едва спустились в низину, Ленька запросился у матери:

— Мам, отдохнем немного! Невмоготу идти. . .

— Нельзя, Леня, останавливаться. Идти надо, не то пропадем. Недалеко уже осталось, от оврага до села рукой подать.

— Мам, не могу я больше, силы нету, — сказал Ленька, повернув заснеженное лицо к матери. — Давай посидим.

— Дурачок! Если остановимся, то замерзнем. Мы тихо с тобой пойдем. Хочешь, я буду песню петь?

И она грустно, протяжно затянула какую-то песню.

Они шли, спотыкаясь и падая, но салазки с дровами не бросали, веря, что дотянут их до дому, где ребятня, один одного меньше, ждала их.

Не доведись никому очутиться в предвечерних метельных сумерках в открытом поле. Стоголосым хором ревет, плачет, хохочет ледяная вьюга, окутывая все седой мглой. Вскоре Авдотья поняла, что они сбились с дороги. Ноги по колени тонули в снежных наметах, салазки заметно потяжелели. Ей стало казаться, что они топчутся на одном месте, затрачивая понапрасну силы.

— Леня, ты отдохни чуток, а я дорогу поищу, — дохнула теплым воздухом в лицо парню мать. — Только не садись, не то ледышкой станешь. Смотри, от салазок — ни шагу. . .

По расчетам Авдотьи дорога должна быть где-то слева, откуда дует ветер. Она шагнула от салазок навстречу вьюге и сразу утонула в снежном месиве. Женщина пыталась разглядеть темные вешки на дороге, но острый снег слепил глаза, заставляя поворачиваться назад, кружиться на месте.

«Ой, батюшки, я и салазки теперь не найду, — мелькнула в голове мысль, — что делать? Пропадет без меня парень, замерзнет, как пить дать».

Она рванулась наугад по ходу метели, где по догадке должны быть салазки.

— Ленька, Ленюш-ка!..

Авдотья бежала, падала, подымалась и снова бежала. Дыханья не хватало, сердце сильно билось в груди. С каждым шагом ей казалось, что она уже больше не поднимется из сугроба, силы оставят ее и она навсегда останется лежать на холодной снежной постели.

— Ленька-а-а! — тонул ее голос в гуле метели.

Обессиленная, она упала в снег и горько, надсадно завывала.

Через минуту какая-то странная теплая полудрема сковала все ее тело. Она почувствовала, как сделалась легкой, невесомой, и ей стало казаться, что это не вьюга оголтело ревет в поле, а плывет тихий колокольный звон, убаюкивающий, сладкий...

Полуокоченевших их нашли ездовые с сеном. Лошадь дяди Павла наткнулась на возок с дровами, резко остановилась.

— Авдотья, никак ты?! — крикнул дядя Павел.

От салазок никто не отозвался. Подойдя ближе, он увидел у салазок с заветренной стороны присевшего на корточки закочневшего Леньку. Через минуту Шарик отыскал в полусотне шагов от дороги Авдотью.

Дядя Павел растормошил их. Привязал салазки с дровами сзади саней, помог закочневшим Леньке и Авдотье взгромоздиться на воз, укрыл тулупом.

В село добрались к вечеру. Отогревались на ферме в сторожке.

С наступлением темноты вьюга неожиданно стихла. На небе появились звезды. Когда женщины закончили вечернюю дойку, в сторожку к Лизе пришел Николай Белов.

Тянуло от него самогонным перегаром. Тетка Агафья, столкнувшись с ним в дверях, не выдержала:

— Николай, ты никак барду сегодня пил, уж больно приятно от тебя пахнет.

— Первач. Как зеркальное стеклышко! — ответил Николай, не поняв насмешки. — Племянш из Стукалова утром приехал, самогону собственного изготовления привез, мы с ним при встрече и пропустили по половиночке...

— Сегодня — радость, завтра — торжество, не пора ли бы и поуняться, — заметила Лиза, прихорашиваясь перед маленьким зеркальцем.

В сторожке в двух больших чанах парила вода. Доярки доставали ее черпаком и сливали друг другу на руки над лоханью в углу. Николай в расстегнутом пиджаке стоял посреди комнаты. Лихо сбитая на затылок новая кубанка, придерживающая бинт на лице, придавала ему ухарский вид.

— Ты, Николай, словно в поход собрался, — не отставала от него Агафья, вытирая полотенцем огрубевшие, в коричневых трещинах руки. — Тебе бы коня да саблю в руки — и впрямь из села долой.

— А что, разве плох? — подбоченясь, Николай выставил грудь. — В такого парня любая баба влюбиться может!

— На безрыбье и рак рыба, — проговорила Марфушка Сидорова. — Хвалиться каждый мастак, а вот на деле как?

— Ну ты, курносая! — зыкнул на нее Николай. — Придержи язык до другого раза. — И, повернувшись к Лизе, сказал: — Пойдем, до дома провожу, вижу, что с делами управились.

Мороз под вечер усилился. В застывшем воздухе плавали легкие иголки инея, покалывая лицо. В избах уже зажглись огни. Вокруг каждого желтого пятна в окне стоял радужный круг.

Лиза шла рядом с Николаем, думая, как странно и быстро вошел он в ее жизнь. Сблизилась ли она с ним из жалости или послушалась давней любви, а может, в эти горькие дни ее бабье сердце соскучилось по мужской ласке, вот и потянулась к нему. Уже больше месяца, как Николай вернулся в село, но пока нигде не работал, гулял, пил, вечера проводил у Лизы. Иногда ей думалось, что Николай возьмет себя в руки и примется за дело. Не раз пыталась она серьезно поговорить с ним о будущем, о том, как он дальше думает жить. Но Николай уходил от этого разговора, переводил все на шутку

и если видел, что Лиза начинала сердиться, принимался целовать ее, душить в объятиях.

«Что-то непонятное со мной творится, хожу как заколдованная, шагу ступить не могу, чтобы не подумать о Николае. Законного мужа совсем забыла, как будто его и не было. . . Знать, первая любовь сильнее». Почему-то на память пришла давняя частушка:

Серый камень, серый камень,
Серый камень — пять пудов.
Серый камень так не тянет,
Как проклятая любовь.

— Коля, почему ты такой угрюмый? — попыталась заговорить она. — Что-то случилось?

— Вы, бабы, умеете даже святому испортить настроение! Шел к тебе, как на крыльях летел, а тут эти твои языкастые. . .

— А ты трезвым почаще будь, вот бабы-то и перестанут языки чесать.

Николай ничего не сказал. Остановился у крайней избы Белухиных, закурил. Спичка высветила его недобвольное лицо.

— Коля, — сказала Лиза, просовывая ему в рукава свои озябшие руки, — ты на наших баб не обращай внимания, пусть что хотят, то и мелют языками. Тебе хорошо со мной?

— Плохо было бы, не тянулся бы к тебе, как ребенок к материнскому подолу.

Лиза прижалась к нему.

— Дурачок мой хорошенький, люб ты мне, ой как люб! Света божьего без тебя не вижу, совсем с тобой закружилась. . .

Она вздохнула, уткнулась лицом в грудь Николая.

— Коля, тебе бы на работу определиться надо, — сказала Лиза, заглядывая парню в лицо. — Меня подружки уже начинают корить. Говорят, во всем виновата, что парень чудит, ходит по селу, нигде не работает. А в чем моя вина? Разве я не хочу, чтобы все было хорошо у нас? Я и так стыд потеряла — на глазах у людей вожусь с тобой. . . — Лиза перевела дух. — В колхозе рабочие руки вот как нужны! Ведь ты плотничать умеешь. Возьмись на ферме помогать — где стойло починишь, где сушила перестелешь. Сначала полегоньку будешь, а потом пообвыкнешь, втянешься. . . Мы все тебе там помогать будем.

— А у меня вот она, как с ней быть? — Николай показал на раненую щеку. — Может, по щучьему веленью, сама заживет? ..

— По-моему, пить каждый день да отплясывать трепака на посиделках куда труднее, чем гвоздь в стену вбить.

Николай молчал, громко посапывая носом.

— В колхозе задаром вкалывать не буду, — он крепко затыкнулся окурком самосада и далеко отбросил его в сторону. — Трудодень сейчас ничего не стоит, в магазин его не понесешь и на базаре, как облигацию, за полцены не продашь. Пойми, что мне и лечиться надо, и прибарахлиться немного. В лесхоз, наверно, определюсь, там хоть мало платят, зато чистую копейку получишь.

— Да ведь время-то какое! Тут не до жиру, быть бы живу. . .

— На войну нечего все списывать, людям тоже жить чем-то надо! — Николай опустил кубанку на лоб, опять потянулся за кisetом. — Посмотрел я вчера на Витьку Занина. Парню шестнадцать лет, жениться пора, а он вечером сидит дома, ему выйти на улицу не в чем, весь обносился за лето. У парня сотня трудодней, а куда он с ними кинется, в какой магазин отнесет? Вот то-то и оно!

— Ну в лесхоз иди, если так тебе хочется, устраивайся там. Сам на ноги встанешь, матери легче будет, она ни свет ни заря в поле колотится, тяжело старой. . .

Вскоре после этого разговора, как-то под вечер, в дом к Беловым зашла председатель сельсовета Нюра Грабичева.

Не раздеваясь, прошла к столу, за которым сидел Николай, читая газету.

Настасья испугалась, увидев входившую председательшу. «Уж не налог ли какой принесла! Но ведь все за этот год уплачено, даже страховка. . .» — и скрылась в чулане, прислушиваясь, о чем разговор.

— Здравствуй, солдат, — Нюра улыбнулась, сбрасывая на плечи пуховый заиндевевший платок, подавая руку Николаю. — Сводку читаем?

— Перечитываем. . . Да, туговаты у нас дела, — протянул простуженно Николай, гадая, чем вызван поздний приход председателя.

Нюра пододвинула табуретку, села рядом и, положив ему руку на плечо, сказала:

— Еще хуже будет, если вот такие, как ты, будут дома отсиживаться. Сейчас стоять в стороне нельзя, работать надо!

— Вы меня, Анна Леонтьевна, не корите, — буркнул Николай. — Я кровь за Родину пролил, вон какую отметку получил! — Николай показал на перевязанную щеку. — А вы корите меня, попрекаете...

— То, что ты кровь за Родину пролил, за это тебе честь и почет, — проговорила Нюра. — А вот то, что ты сейчас бездельничаешь, — это никуда не годится.

— Отдохнуть ему малость надо, здоровье поправить, — затынула Настасья, выходя из чулана, — у него из щеки каждый день слюна бежит, рана не заживает...

— Рану надо в медпункте лечить, а не в буфете.

Нюра встала, подошла к семейным фотографиям на чуланной перегородке, стала внимательно рассматривать.

— Анна Леонтьевна, вы, может, молочка горяченького попьете? — предложила Настасья. — Согреетесь малость, а то ведь на холод идти.

— Спасибо, тетя Настя, я сейчас домой побегу. Сегодня целый день на ногах и не обедала даже. — Нюра пошла к Николаю, тихо спросила: — Болит рана-то?

— Сейчас уже не так... привык, должно быть, — ответил он. — Человек ко всему привыкает...

— А ты знаешь, зачем я к тебе зашла? — спросила Нюра. — Работу я тебе хочу предложить. Не пыльную и не тяжелую. И дело будешь делать, и одновременно лечиться. Согласен быть заведующим почтовым отделением? Оно до сих пор у меня на плечах висит — я и председатель, я и главный почтовик. А до всего руки не доходят, работы в сельсовете столько, что почту разбирать не успеваю, а всю канцелярию в отделении ведет у меня полуграмотная девчонка-почтальонша Ксенка Пухова... По рукам, что ли? Живая копейка в доме всегда пригодится. Подумай и завтра заходи на почту. А вы, тетя Настя, подтолкните его, — улыбнулась Нюра матери, — нечего ему бирюком в доме сидеть. А то слышала я, будто он в лесхоз собирается уходить, а нам самим на селе мужчины во как нужны...

На следующее утро Николай, рано проснувшись, освежился студеной водой и, надев праздничное полупальто, направился в почтовое отделение, находившееся возле церкви, в бывшем поповском доме. Там его уже ждала председательша.

Нюра выложила перед ним на стол три папки, раскрыла прошнурованную, с сургучной печатью, книгу.

— Вот, принимай дела... Денег в кассе — ни рубля. Вся бухгалтерия в этих папках и книге учета. Ты тут во всем сам разберешься, что к чему, а вечером зайдешь в сельсовет, актом все оформим. С районным начальством связи я уже переговорила по телефону, они согласны и просили, чтобы ты как-нибудь подскочил к ним на инструкторах. Ну, а пока вникай, разбирайся, — Нюра пожала ему руку. — У меня дел по горло, сейчас нас опять с предколхозом к телефону район на переключку вызывает. — У порога она остановилась: — Ни пуха ни пера, товарищ заведующий! Трудитесь!

Так неожиданно-негаданно, к радости Лизы, Николай стал заведовать почтовым отделением. В первые дни заживался в отделении допоздна. Приходила из района почта — разбирал неторопливо газеты, письма, отдавал их почтальону для разноски, и на этом первая половина работы кончалась. Вечером доставал из висевшего у входа в отделение почтового ящика письма, складывал их в брезентовый мешок, опечатывал сургучом и утром отправлял в район.

Изредка, один или два раза в день, сельчане приносили посылки. Называя его по имени-отчеству, они долго расспрашивали, не затеряются ли посылки в дороге. Посылки чаще всего отправлялись раненым бойцам, находящимся на излечении в тыловых госпиталях.

— Дойдет, тетя Агафья, в одночасье дойдет! Получит твой Петруха домашний подарок, не волнуйся!.. Как он там? Идет дело на поправку?

— Пишет, что все хорошо, чтобы мы не волновались. Руки, ноги целы и глаза тоже. Бедро ему осколком малость задело, но пишет, что уже без костылей ходит. В Свердловске он, на Урале...

— К масленице домой ждите, — успокаивал Николай, — ему по пути заглянуть можно, думаю, что с недельку дадут погостить. Поллитровочку первача не за-

была положить в посылочку? — осведомился он. — В госпитале нашему брату это лучший подарок.

— Где уж нам теперь до самогона, — женщина смущенно опустила глаза. — Свинины положила кусочка два, топленого маслица баночку. Да еще больно просил он грибков солененьких. Наложили мы ему маленьких волнушечек в бутылочку с широким горлышком, деревянной пробкой накрепко заткнули, сургучом залили. Может, не разольется... — Агафья по-детски шмыгала носом, отворачивалась, утирая фартуком слезы.

— Все в аккурате дойдет!..

Утром, отправив в район почтовую экспедицию, Николай запирал свою контору и уходил или в сельский медпункт на перевязку, или в душный, пропитанный чесночным запахом буфет, к кривому Митрофану Елисееву, опрокинуть стакан рябиновки. Но чаще всего он наведывался в подслеповатую сельповскую сторожку к конюху Арсентию, где всегда былолюдно. В магазин приезжали и приходили мужики и бабы из ближних поселков и деревень, забегали в сторожку погреться, подымить самосадам, поделиться новостями.

Писем Лизе от мужа не было давно. За все время работы Николая на почте прибыл один треугольник, да и тот не от Михаила, а от его фронтового друга. Незнакомый красноармеец, уроженец Днепропетровска, с бойкой фамилией Гроза, сообщал, как они ходили с Михаилом в разведку под Харьковом, как военная судьбина разбросала их в разные стороны.

Гроза спрашивал у Лизы адрес полевой почты Михаила. А она и сама не знала адреса.

Когда Николай вручил ей треугольничек, Лиза прочитала и расплакалась.

— Вот другие пишут, — всхлипывала она, — а от него и весточки нет!

— Напишет, не горюй. Война ведь... Может, уже несколько раз писал, а почту полевую бомбили. Оттуда, знаешь, не легкая дорога и письмам...

Они стояли вдвоем на заснеженном откосе у школы. Внизу отливала белизной ровная гладь замерзшего пруда под только что поднявшимся над притихшими избами полным месяцем. На противоположной стороне пруда четко чернело здание маслобойки, было видно, как над ним

из трубы локомотива огненным хвостом рвутся вверх искры.

— Коля, ты можешь меня выслушать и понять? — спросила Лиза дрогнувшим голосом.

— Отчего же! Еще как и смогу... Я же не пьяный...

— Ты не обидишься на то, что услышишь?.. Дай слово, что не обидишься за все, что я тебе скажу... Это очень серьезное, и об этом до поры до времени будем знать только мы с тобой...

— Да говори же толком, не тяни за душу!

— Скажи, что ты любишь меня... Крепко-крепко любишь!

— Разве ты не чувствуешь этого?

— Поцелуй меня...

Николай привлек Лизу к себе, поцеловал.

— Коленка, милый, боюсь тебе признаться... Затяжелела я, — проговорила, всхлипывая, Лиза.

— Что... что такое?! — не поняв, переспросил Николай.

— Беременная я, Коля, ребенок у нас будет... Что делать теперь?

Николай опешил. «У меня будет ребенок. У нас с Лизой будет ребенок... Что с ним делать? Как сейчас поступить?»

— Почему ты молчишь, Коля? Делать что-то надо...

— Что делать? Что делать? Растить и воспитывать будем, — буркнул он, не вдумываясь в смысл сказанного.

— А что Михаил скажет? Ведь он мой законный муж! Убьет он меня, когда домой вернется... Господи, что я натворила! — запричитала Лиза, теребя концы шали. — В селе об этом узнают — со стыда умрешь. При живом-то муже такое учудить! Бедная моя головушка... Мамочки нет в живых, и пожаловаться некому...

— Ну чего разревелась! — успокаивал Николай. — Не хочешь иметь ребенка, так это же просто делается. В город махнем, там врачи умные, в одночасье все сделают...

— Ты этого хочешь? — спросила она сердито, резко отстраняясь от Николая. — Скажи, ты всерьез этого хочешь?

— Да нет же, — проямлил Николай, — это я так, к слову пришлось. А ты поступай, как сердце тебе велит. Я детей люблю, хочу, чтобы у нас был ребенок... мой и твой ребенок...

— А Михаил? Ты забыл о нем?

— Что Михаил? Бросим мы с тобой эти Кременки и махнем куда-нибудь в Сибирь! Тогда ищи ветра в поле...

— Тяжело мне будет от людей хорониться.. Ведь об этом еще никто не знает, даже Нине я не признавалась. А ведь сколько ни хоронись — все равно люди догадаются!..

— Не бойся, Лизок, все будет хорошо, вот увидишь! — Он снова обнял ее и поцеловал.

Они не спеша спустились с бугра по заснеженной тропинке и, держась усадебного плетня, чтобы не сбиться с дороги, увязая по колено в снегу, подошли к дому Лизы.

В окне мельтешил желтоватый огонек прикрученной лампы.

На крыльце, словно железное, билось развешанное на веревке белье. Лиза удивилась, почему сестра не догадалась его снять. Уж не случилось ли что с Ниной?

— Ты не заходи к нам сегодня, — попросила она Николая. — Уже поздно, Нина, наверное, спит...

Подойдя к боковому окну, Лиза заглянула в избу и не поверила своим глазам. В желтоватом дрожащем полумраке на коленях стояли три незнакомых женщины со свечами в руках. Поодаль у чулана в такой же позе Лиза увидела сестру. Заунывными голосами они тянули молитву.

«Монашки с кордона, — догадалась Лиза. — Они каждую ночь ходят по домам и служат панихиду по убиенным солдатам».

Она испуганно отскочила от окна.

— Что это у вас, патефон, что ли, завели? Или песни кто поет? — спросил Николай, вслушиваясь.

— Монашки панихиду служат...

— Гони ты ко всем чертям это воронье! Налетели, дармоеды...

— Коля, пойдём к нам, — попросила его Лиза. — Я не знаю, что делать.

Они поднялись по промерзшим скрипучим ступенькам крыльца. Дверь оказалась запертой. Удивленная Лиза сбежала по ступенькам и постучала в окно. Пенье сразу же оборвалось. Глухо хлопнула дверь. Послышался голос Нины:

— Это ты, Лиза?

— Открывай скорее, замерзла я!..

Дверь в ту же минуту раскрылась.

— Ты не пугайся, у нас гости сейчас, — быстро заговорила Нина, не видя стоящего у стены Николая. — Схимницы с кордона пришли, молебен служат. Сегодня у моего Вадима день рождения. Ровно двадцать пять годочков исполнилось. Где-то он сейчас, жив ли? Считаю, третий месяц писем от него нет. Тетка Авдотья заходила сегодня в магазин, поделилась я с ней своим горем, она и посоветовала мне пригласить схимниц в дом, чтоб молебен о здравии Вадима отслужили.

— Вот и мы заодно помолимся... Верно, Лиза? — пробасил Николай, отделяясь от стены. — Давненько я божьих молитв не слыхивал.

— Ой, и ты здесь?! — вскрикнула Нина испуганно.

— Не бойтесь, Нина Васильевна, я не кусачий.

— Ну тебя, Николай! Как ты меня напугал, дрожу вся... Заходите скорей!

В теплой избе удушливо пахло ладаном, топленным воском свечей. Монашки успели погасить свечи и сидели у окна на лавке, прижавшись друг к другу. Лиза прибавила огонь в лампе, тени по углам отступили. Поблекло пламя горячей под иконой лампадки.

— Здравствуйте, святые гости, — громко сказала Лиза, сбрасывая с головы платок на кровать. — Ну и начали вы тут, задохнуться можно!..

— Негоже говорить так о фимиаме господнем. Это дьявол в ваши души неверие в господа бога заносит, — проговорила укоризненно одна из монашек, торжественно подняв к небу сморщенное лицо. — Не забывайте, что сказано в священном писании: «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя. Лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную».

Маленькая, сухонькая, она зло поблескивала острыми глазками.

— Кто это там говорит о глазах? — спросил Николай, снимая у двери пиджак. — Вы, божьи коровки, видели хоть раз, как на фронте снарядные осколки выбивают глаза солдатам? И не только глаза, но и головы с плеч носят.

— Так иносказательно в Христовом евангелии о чистоте души людской говорится, — тихо сказала другая монашка.

— Душа людская сейчас на фронте проверяется, — Николай прошел к столу, стал скручивать козью ножку, — там вся чистота наружу выходит.

— Мы это понимаем, — монашка поднялась с лавки, — поэтому в своих молитвах и желаем победы русскому воинству. Да сгинет Гитлер — исчадие ада, гореть ему в геенне огненной! Марфуша, пойдем, — обратилась она к подруге, — хозяевам отдохнуть надо.

Молча одевшись, они бесшумно юркнули в дверь и растаяли.

— Что они тебе нажужжали? — спросила Лиза у сестры.

— Говорят, что большое зло на земле поселилось. Люди прогневили бога, напасть пришла. Скоро всемирный мор начнется, народу ни дна ни покрывки не будет...

— А почему же они говорят, что бог все милостив? Как же это понимать? Какой же он правдолюбец, если такое зло на земле творится, а он спокойно взирает на все? — спросила Лиза, присаживаясь к столу. — И ты бы бросил курить, — обратилась она к сидевшему с козьею ножкой в зубах Николаю, — надымили тут табаком и свечами — не продохнешь!

— Молчок, я больше не буду...

27

Михаил Кузьмич все еще хворал. В его отсутствие Матвей Иванович допоздна засиживался в правление. Прикручивая в лампе фитиль и прислушиваясь к шуму ветра в трубе, давал волю своему воображению.

Припомнил он смерть ссыльного отца в Уржуме, свои бессонные ночи, когда дрожал от каждого стука и шороха на глухом лесном кордоне, присвоив чужое имя.

Его цепкая жадная память высвечивала в возбужденном алкоголем мозгу все новые и новые картины его нескладной скитальческой жизни. И злоба, страшная злоба душила его.

Как он ненавидел этот мир, не любил людей, окружающих его, с которыми он вольно или невольно сталкивался каждый день! Сводки Совинформбюро о поражении Красной Армии, название захваченных немцами со-

ветских городов наполняли его душу несказанной радостью. Скоро, скоро придет конец большевикам, и тогда-то он развернется всю, покажет, на что способен он, Сергей Горянский.

Чтобы скрасить свою нескладную, двуличную жизнь, он с каждым днем все больше и больше приобщался к русской горькой. Пил за успехи гитлеровского воинства и просто оттого, что его организм уже не мог обходиться без алкоголя.

Сегодня Матвей Иванович, как всегда, задержался на работе дольше обычного. За окном начинала разгуливаться поземка. Стены домов потемнели, а заснеженные крыши слились с низким небом.

Старую голландку у двери протопили еще с утра, тепло давно выветрилось. Матвей Иванович в полушубке, в валенках, не снимая шапки, сидел за столом и зябко ежился. Пламя семилинейной лампы чуть вздрагивало, оконные стекла дребезжали от ветра.

Отложив в сторону газету, Матвей Иванович прошелся по шатким половицам в дальний угол, к своему шкафу. Не торопясь, снял с двери замок, нащупал внутри за стопкой журналов бутылку с бумажной пробкой. Не спеша достал бутылку, пронес, покачиваясь, до двери, где на фанерной крышке ведра стояла большая алюминиевая кружка. Раскрутив бутылку, налил полную кружку остро отдающей сивушным запахом самогонки, жадно, большими глотками выпил.

Закусывать было нечем. Запил самогонку холодной водой из ведра, громко крякнул, утирая рукавом полушубка губы.

А вьюга на дворе завывала все сильнее, надрывнее. Беспрестанно дребезжали стекла окон, гулко гремела кровельная жесть, по стенам металась от лампы серые тени.

После выпитой самогонки в теле появились привычная легкость и теплота. Он поставил бутылку в шкаф, старательно прикрыл газетой, закурил, стоя у печки. Глубоко затянувшись, по-хозяйски погасил лампу и вышел в студеную, пахнущую сухим снегом ночь. Повернувшись к ветру спиной, долго цеплял дужку замка в холодный, обжигающий руки пробой.

На середине улицы ветер и снег остервенело набросились, пытаясь свалить его с ног. Он шагал твердо, наклон-

нив низко голову, как бык перед схваткой, широко расставляя ноги. Ветер с тяжелым стоном метался в ветвях берез, гудел медным набатом в пожарном колоколе. Этот басовитый гул заносил в душу жгучую смертельную тоску. Матвей Иванович чувствовал, как начинает ныть под ложечкой, сохнет в горле. Домой бы сейчас, скорей в теплую избу, к Зине, прижаться плечом к плечу и так сидеть, не думая ни о чем. Но, поравнявшись с пожарным сараем, он на мгновение остановился, защищенный стеной от порывов ветра, и, не раздумывая, свернул в сельповскую сторожку, к Арсентию.

В сторожке, пропахшей хомутным дегтем и конским потом, при слабом свете коптилки, подвешенной под потолком, сошлось много людей. Здесь ночевали дальние родственники Арсентия из Рузанова. Они были изрядно под хмельком, горланили похабные частушки под расстроенную двухрядку. Налили алюминиевую кружку Матвею Ивановичу. От жары и самогона у него нестерпимо разболелась голова. Цепляясь за прокопченные косяки двери, сгибаясь в три погибели, чтобы не стукнуться лбом о притолоку, он вышел во двор.

..Сегодняшний день для Матвея Ивановича выдался беспокойным. С утра на складе он краем уха услышал от ездового Федюньки Проничева, что будто бы Авдотья Морозова на рассвете унесла с тока полмешка обмолоченной ржи. Когда Матвей Иванович начал расспрашивать подростка, тот стал отнекиваться: ничего не говорил, ничего не видел. Под конец расплакался, бросил запряженную лошадь и убежал от склада в овраг около кузницы.

Его окликали, искали, но мальчишка словно сквозь землю провалился.

Матвей Иванович знал, что молотба идет сегодня только на току Жижиновой риги, что на всех токах обмолот ржи закончился, он и решил нагрянуть туда лично, чтобы удостовериться у сторожа, так ли все было, как говорил Федюнька.

Добрался до тока пешком с мыслью застать сторожа Тимошку Балуюева спящим у печки в риге. А после этого приняться за Авдотью.

Утро выдалось серое, ненастное. На поветях дворов и карнизах курилась седая поземка.

Дед Тимофей в белесом полушубке, туго подпоясан-

ном конопляной веревкой, в овчинном треухе, стоял у ворот тока, опершись на берданку.

На черном фоне риги Тимофей казался маленьким, сказочным человечком.

Матвей Иванович подошел почти неслышно с надветренной стороны. Отвернув воротник, огляделся и, видя, что на току никого нет, подошел к сторожу.

— Здорово, дед Тимофей, как служба?

— Идешь, ёшь те корень, — залепетал дед, — солдат стоит, а служба идет, Матвей Иванович.

Завхоз напустил на себя нарочитую серьезность и медленно, железным голосом проговорил:

— Ты что же это, старый хрен, позволяешь воровать колхозное зерно?

— Это как понимать?

— Сегодня у тебя из-под носа Авдотья Морозова мешок ржи утащила, а ты ушами хлопал.

— Такого не было... Не было, вот те бог! — Тимофей закрестился от испуга левой рукой, держа берданку в правой. — Вон вороха с зерном брезентом с вечера накрыты. Даже снежок ночной на них виден.

Со стороны усадьбы слышались женские голоса. Из проулков показались женские фигуры с лукошками за плечами. Колхозницы шли к току домолачивать последние снопы, подсушенные за ночь в риге.

— Ну ладно, ладно, — улыбнулся Матвей Иванович, — не было так не было... Вот что, ты помалкивай о нашем разговоре, а Авдотью, когда придет, пришли ко мне в правление.

— Будет в аккурате.

Едва Матвей Иванович зашел в правление, как следом за ним на пороге показалась Авдотья Морозова в серой фуфайке, укутанная в теплый клетчатый платок.

Не поворачивая головы от окна, он бросил через плечо:

— Мне донесли, что сегодня вас утром видели, как вы несли к дому мешок с рожью с колхозного тока.

— Ну, знаете что, дорогой товарищ завхоз, — Авдотья подошла к столу, за которым устроился Матвей Иванович, вздернула рукав фуфайки и поднесла к носу Матвея Ивановича большую дулю. — Вот вам! — зло крикнула она. — Никогда, ни в какие века Морозовы ворами не бы-

ли! Несла я утром через огород мешок в дом, только не с зерном, а с картошкой из своей бани.

Женщина резко повернулась и, хлопнув изо всех сил дверью, выбежала из правленья.

День для Матвея Ивановича был испорчен. Он подошел к окну, посмотрел сквозь полузамерзшее стекло на улицу. Седое, пасмурное небо низко висело над избами. Робкий утренний ветер лохматил сугробы в проулках, не успевшие затвердеть после вчерашней метели, раскачивал ветви старых лип у клуба, завывал в церковных колоколах.

Домой он добрался поздно. Заспанный пес кинулся к нему из калитки навстречу. Хозяин на него раздраженно крикнул, оттолкнул валенком и поднялся на крыльцо.

В доме горел огонь. Зина, слышав шаги хозяина, бросилась открывать дверь.

Простоволосая, в короткой ночной рубашке, она прильнула всем телом к Матвею Ивановичу, простуженным голосом зашептала:

— Пришел, мой родненький. Я все жданки переждала, все гляделки переглядела... Раздевайся, Мотенька, к столу садись, устал небось за день.

Увидев в простеночном зеркале ее полные оголенные бедра, Матвей Иванович вскипел:

— Ты бы окна занавесила, а то голяшом по горнице разгуливаешь, а с улицы, как в кино, — все видно...

— Что ты, Мотенька, придумал? И кому это взбредет в голову в чужие окошки глядеть? А если кто и заглянет, чай, мы не уроды какие, стыдиться нечего...

«Корова, разжирела от безделья. На колхозный ток бы тебя с граблями в руках, посмотрел бы, какую песню запела».

Сбросив полушубок на руки оторопевшей Зины, он шагнул в чулан к полке и дрожащими руками налил из бутылки полный граненый стакан самогону.

В декабрьский морозный вечер Наталья с поправившимся от болезни Михаилом Кузьмичом возвращались с районного совещания передовиков сельского хозяйства. Ехали наезженным трактом, через Осиновку. Лошадь тру-

сила мелкой рысцей, крутила головой, громко отфыркивалась. Снег резко скрипел под полозьями. Дорога шла под уклон, санки легко скользили по накатанному большаку, иногда хомут захлестывал шею лошади, она становилась на дыбы, ударяясь задними ногами о передок санок.

Михаил Кузьмич и Наталья сидели, прижавшись друг к другу в тесных козырьках. На облучке торжественно, с видом заправского кучера, восседал дядя Павел. Он изредка покрикивал на лошадь, громко причмокивал сухими от мороза губами и для вящей остротки хлопал смерзшимися рукавицами.

На совещание, проходившее в районном Доме культуры, были приглашены председатели сельсоветов и колхозов, секретари первичных партийных организаций и передовики сельского хозяйства. От кременковцев присутствовали Михаил Кузьмич и Наталья. Председатель сельсовета Нюра Грабичева простудилась и лежала дома.

Обсуждался план сельскохозяйственных работ на 1942 год и намечалось расширение посевных площадей в колхозах района. Здесь же были подведены итоги сельскохозяйственного года. Кременковцев критиковали на этот раз мало. Секретарь райкома Стешов даже похвалил за уборку хлеба, за увеличение поголовья скота. Дважды упоминалось имя Натальи как молодого, способного бригадира.

Всех обрадовало сообщение о том, что обстановка на фронте и особенно под Москвой складывалась благоприятно для наших войск. Секретарь райкома доложил совещанию, что контрнаступление Красной Армии на Западном направлении проходит успешно. Войска Калининского и Западного фронтов прорвали оборону противника южнее Калинина и северо-западнее Москвы и освободили ряд больших населенных пунктов, в том числе Яхрому и Крюково. Захвачены большие трофеи, взято в плен много гитлеровцев.

Вечерняя дорога была безлюдной. Ехали рысцей. Дядя Павел, любящий обычно порассуждать, ввернуть крепкое словцо, думал о чем-то своем, притих. Всех очень обрадовала, окрылила новость о том, что Красная Армия под Москвой перешла в наступление. Как давно ожидали

этого дня! Шутка ли сказать — шесть месяцев отходили наши войска, с боями оставляя город за городом. И вдруг словно луч сверкнул в мутном декабрьском небе — началось наступление, Красная Армия гонит фашистов на запад от краснозвездной столицы.

«Вот оно, началось! — радостно размышлял Михаил Кузьмич. — Наконец-то дождалось светлых вестей, правое дело восторжествовало... Теперь и колхозники воспрянут духом. От хорошей вести — крылья растут».

Наталья молчала, прислонившись к теплому плечу председателя, укутанная в добротный овчинный тулуп. Заснеженные придорожные березы убегали то вперед, то назад, то кружились на месте. Временами Наталье казалось, что она не едет, а плывет в воздухе, не ощущая своего веса. И мысли в голове крутились по-дорожному сонно, беспорядочно набегали одна на другую. Почему-то вспомнилась золовка Верунька, от которой уже давно не было писем, затем промелькнуло лицо Светланки, а в скрипе полозьев на мгновение послышался родной и теплый голос Виктора...

Михаилу Кузьмичу почему-то вспомнилась вчерашняя сцена в правленье, когда к нему пришла вся в слезах доярка Агафья Веденина.

— Что делать, председатель? Ребятишки третью неделю на одной картошке сидят, тошнотой и рвотами измучились, — сказала она, сморкаясь в полу полушубка. — Все прошлогодние запасы съели, в амбаре не осталось ни зернышка. Изведутся они, хилые, а их трое у меня, один одного меньше... Полинка, старшая, еле сегодня из школы пришла, легла на печке и молчит, а в глазах слезы, как градины. Не говорит, а я вижу — есть она просит...

— Агафья разрыдалась, облокотившись на деревянную перегородку, отделяющую председательский стол от двери.

Он помог ей развязать шаль, усадил на стул у голландки. Выписал муки со склада. Дрожащими руками она взяла квитанцию на муку, выбежала из правленья, забыв впопыхах прикрыть дверь.

Понимает председатель, что вместе с холодами сильнее стала заползать нужда в каждый дом. Это она заставила Авдотью Морозову тянуться с салазками в лес за дровами. Женщина обморозила руки и ноги, парнишку

чуть не угробила. Хорошо, что ездовые подоспели вовремя, не то — считай — крышка. А без Авдотьи как без рук на ферме.

Вчера зашел он с председателем сельпо Саушкиным в магазин, а там ни керосина, ни спичек, ни мыла нет. Спросил он у Якова, что тот думает дальше делать с товаром. Предсельпо развел руками и ничего не ответил.

Правда, некоторые ловкачи ухитряются доставать правдами и неправдами керосин в МТС, но таких мало. Люди теперь все чаще встают и ложатся, как встарь, с лучиной, а на шестке для разжига печи угли с утра до вечера в горке тлеют. Курильщики и те на огниво перешли, в печурке в каждой избе гриб-трутник сушится.

— Жива иль нет? — окликнул Михаил Кузьмич Наталью. — Что-то голоса твоего не слышно. . .

— Жива, живая я, Михаил Кузьмич, вот только ноги занемели от холода.

— Посоветоваться с тобой хочу об одном деле, — сказал он, поворачиваясь и откидывая стоячий воротник тупа. — Задумка у меня одна есть, чтобы людям легче перезимовать было. Не сделать ли нам, как это в тридцатых годах было? Тогда в каждой школе готовились горячие завтраки. Бывало, малыши в школе досыта нахлебаются горячих щей, поедят отварной картошки и сыты целый день.

— Дело не плохое, — согласилась Наталья. — Главное, дети были бы накормлены, а мы уж как-нибудь перебежмся.

— Дела, дела, — в раздумье проговорил председатель. — Завтра с утра надо заняться этим. Котлы для варки пищи в старой сукновальне возьмем, все равно они ржавеют без толку. А поваром Фимку Луковкину поставим, она готовить умеет, детей любит. . .

При въезде в Осиновку, на спуске к районной больнице, их обогнал на резвом рысаке балыковский председатель.

— Эй, кременковцы, держись! — крикнул он на ходу, сдерживая разгоряченную лошадь. — Негоже плестись в хвосте! . .

— Тише едешь — дальше будешь, — крикнул вслед ему дядя Павел.

В трехэтажном корпусе больницы и в домах колхозников уже зажигались огни. В конце улицы за санями

с громким лаем увязалась собака. Дядя Павел громко стукнул рукавицами, словно выстрелил из ружья, лошадь вздрогнула, прибавила рыси, собака, испугавшись, убежала в темноту.

За селом начинался лес и тянулся до самого Осинового моста, перекинутого через Вечкизну. В зимнем ночном лесу мертвящая тишина всегда сковывала холодным страхом сердце Натальи. Деревья в глубоком снегу то вплотную подступали к дороге, то убегали, и тогда маленькие, темные в снеговом покрове елочки казались застывшими человеческими фигурами в уснувшем редком молодом осиннике. Наталье припомнился случай, когда ей пришлось ночевать на отдаленном лесном кордоне у родственника-лесника. Она до сих пор помнит тот непонятный страх, который охватил ее в ту ночь.

За стеной грустно, монотонно шумел зимний лес. В маленькой печке дотлевали угли, и их слабый розовый свет длинным пятном растекался по полу. Наталья пристально смотрела на розоватый немигающий отсвет углей на полу. Она даже стала считать про себя, загадав, что на сотой цифре пятно на полу совсем потухнет. Но оно вдруг стало вытягиваться, светлеть, заполнило всю избу лесника. До ее слуха долетел незнакомый голос:

— Обогреться можно, хозяин?

Она вздрогнула, очнулась и увидела, как хозяин в белом исподнем белье зажигает лампу, а у двери, весь в снегу, стоит, переминаясь с ноги на ногу, в сбитых ботинках, продрогший мужик и дует на обмороженные руки. Шея повязана клетчатым платком, короткие ватные брюки еле опускались до щиколоток. Серая фуфайка тоже была не по росту.

— Проходи, отогревайся, места в доме не занимать, — проговорил приветливо хозяин. — Отдыхай до утра, чего в такую ночь снег месить по лесному бездорожью!

— Оно и взаправду так... Понимаешь, с лесозавода шел, да вот сбился с пути, чуть не замерз, — заговорил торопливо мужик, словно боясь, что ему не поверят, и стал дрожащими руками развязывать платок на шее. — В такую-то ночь погибнуть — раз плюнуть. Может, на печке отлежусь, продрог я малость...

— Сделай милость, ложись, место свободное, — указал лесник на лежанку.

Мужик быстро разделся и, кряхтя, взобрался на печку, подостлал под голову свою фуфайку.

Наталья не смыкала глаз всю ночь и только под утро задремала, не слышала, как мужик ушел. За завтраком спросила у дяди, уже вернувшегося из леса, что это был за ночной гость?

— Человек был. Переночевал и ушел.

— А вдруг это грабитель?

— Ну так что же? Что он может у меня взять?

— Такой может все забрать, — возразила Наталья, — любую вещь. . .

— Если ему что-либо из наших вещей нужно было, так я бы сам отдал. Раз нужно — значит нужно.

— Вот он всегда такой бессребреник! — вмешалась жена лесника. — Каким непутевым был, таким и умрет. . .

— А что, по-твоему, скопидомом лучше быть? Сидеть, как собака на сене? Нет, милая. . . Людям доверять надо, верить в них.

Эти слова Наталья запомнила на всю жизнь.

Вот ей, простой деревенской женщине, свои оказали доверие — избрали бригадиром. Она тоже глубоко верит в них и старается всеми силами оправдать их доверие.

Михаил Кузьмич заворочался, повернулся к ней и, откашлявшись, спросил:

— О чем задумалась, бригадир? Поведай свои мысли, глядишь, и на душе легче станет.

— Угадали, Михаил Кузьмич, — улыбнулась Наталья, — мысли невеселые лезут в голову. Сегодня на совещании хвалили меня, называли в числе лучших, а ведь никто не знает, как трудно нам, женщинам, руководить хозяйством!

— Что ж поделаешь, сейчас и время такое, — откинув воротник тулупа, сказал Михаил Кузьмич, — сейчас надо не жалеть себя, а всю душу отдавать людям. Люди сейчас особенными стали, все понимают. . . В эти дни людям хороший советчик нужен, а не погоняльщик с кнутом.

Лошадь мелкой рысцей побежала под уклон. Козырьки, раскачиваясь, ударялись полозьями в обрывистую песчаную межу дороги, дядя Павел сдерживал не в меру разошедшегося Буяна.

Вскоре спустились в низину. Лошадь замедлила бег. Дяде Павлу надоело молчать. Он повернулся, сипло проговорил:

— Вот, Кузьмич, видел, как нас балыковцы на коне обогнали? У них не кони, а орлы. Хорошая порода, чистокровная, орловская. Жалко, что теперь лошадей забывать люди стали, переводятся настоящие кони. . . — Павел хмыкнул в усы, повертелся на месте и, тихо причмокнув, закачал головой. — Переводятся лошади на земле, это уж как пить дать. Машины их всюду вытесняют. Раньше, в старое время, конь — это все. Хозяйство без коня что человек без рук. А сейчас и трактор, и автомобиль, и велосипед. . . Люди быстрее стали передвигаться с места на место, а оттого и к концу своему быстрее идут. Вот оно как в жизни происходит. Люди раньше медленнее ехали, больше видели, не спешили на тот свет. Потому и нервы у них крепкие были. Взять хотя бы нашего земляка Илью Муромца. Это же силища была! . . А сейчас такие люди перевелись, нет таких людей. . . Людей, как и лошадей, техника губит.

— Ну, это ты уже, дядя Павел, загнул, — возразил Михаил Кузьмич. — Техника, она, брат, руки людям развязала, а ты против нее хочешь итти. Чем больше техники, тем людям легче, понял?

— Так-то оно так, — согласился дядя Павел, — только лошадь не следует забывать. Она и людей испокон веку возила, кормилицей их была и навозец для земли давала. А что будет, если она переведется на всем свете? Ежели этой самой сивки-бурки, вещи каурки не станет на земле? Что тогда? Все-таки, что ни говори, а лошадка в сельском хозяйстве вот как нужна! А что получается на самом деле? Скоро лошадь будут в музеях показывать. Было, мол, такое чудище, кормившее и поившее людей на земле, а теперь нет ее в живых, любуйтесь в музее. . . — Он громко хмыкнул в усы, оглянулся по сторонам и бойко крикнул: — Но, родимый!

Буян резко рванулся вперед, сани на ухабине подпрыгнули.

Дорога пошла в гору. Вскоре за Осиновым мостом зачернели на околице ометы соломы, в крайних избах села показались слабые огоньки. Буян, шумно отфыркиваясь, прибавил рыси.

Возле Грабичева сада, на повороте к правлению, дядя Павел осадил лошадь. Наталья не спеша вышла из санок, разминая застывшие ноги. Откинув воротник тулупа, простилась с попутчиками, заспешила домой.

— Наталья, подожди малость, — остановил ее Михаил Кузьмич. — Ты сегодня вечером обмозгуй, как выступать будешь завтра на собрании. Помнишь, что секретарь райкома сказал: «Кременковцы могут сдать дополнительно в фонд обороны тонн тридцать — сорок хлеба». Ты выступи и предложи собранию эту цифру. Колхозники поймут, как нужен хлеб фронту... Люди обрадовались, что наше наступление началось.

— А может, мне не надо выступать? — взмолилась Наталья. — Не умею я складно на людях говорить.

— А ты учишь, — поддакнул в тон председателю дядя Павел, — расскажи обо всем, что на душе наболело, люди и поймут тебя.

— Правильно, дядя Павел, — одобрительно проговорил председатель, — стесняться нечего, не боги горшки обжигают, свои же люди тебя слушать будут. Перед началом собрания забеги ко мне, посоветуемся, что нужно сказать. Ну, а теперь до свидания, время позднее. Трогай, Степаныч, к дому...

29

В субботние седые сумерки со всех концов села потянулись в клуб колхозники. Шли группами и в одиночку. В морозной тишине снег резко скрипел под ногами.

Наталья и Лиза, минуя амбары и бани, пошли в клуб через плотину, чтобы сократить расстояние. Узкая стежка петляла меж высоких твердых сугробов. У порожка Сидоровой бани выкинутая зола смерзлась, покрылась ледяной коркой. Лиза чуть было не упала. Наталья поддержала ее, рассмеялась и успела тихо спросить:

— Писем давно от своего не получала?

— Вот уже который месяц нет ничегошеньки. Чует мое сердце — не к добру это...

— Печалиться раньше времени нечего, — успокаивала Наталья. — Почта не справляется. Ведь такую грудку писем переверотить надо! Да и писать на фронте некогда, с места на место они там мыкаются.

— Уж не знаю, что и подумать

Сегодня Наталья долго провозилась на складе, где провеивали зерно. Никак не ладилось с веялками, все они были старыми, с изрядно потрепанными ситами. Рамы то

и дело разваливались, их наскоро скручивали проволокой и сколачивали гвоздями. Не успела прийти домой, поужинать, переодеться, как в окошко постучала Лиза, зазывая в клуб. За целый день к Кузьмичу не успела забежать, посоветоваться, теперь ломай голову — о чем в клубе речь говорить?

В слабо натопленном зале было многолюдно. Мужики тесно садились возле двери у стены и сразу начинали сворачивать самокрутки. Женщины зашумели:

— Задымили, трубокуры!..

— Диво бы мужики настоящие были, куда бы ни шло, а то...

— Оторвать бы папироски-то вместе с носами!..

— А вы, бабоньки, не ругайтесь, — перебивая женщин, заговорил Пронька Козлов, тщедушный, с редкой бородкой мужичок. — При сегодняшнем положении вам бы нас надо на руках носить, а вы слова такие говорите. В это время любой мужик на вес золота.

— Ишь чего захотел, — зашумели женщины. — Тоже кавалер нашелся! На руках его носи!..

— Понесли бы, да боимся, ветер из рук вырвет.

— Не велик пан, пойдет и сам...

Наталья и Лиза заняли места у печки-голландки. От черных листов обшивки шло тепло, подруги сбросили на плечи платки, расстегнули пальто.

В проходе между скамьями мальчишки затеяли драку. Кто-то из женщин сердито прикрикнул на них, и тотчас же драчунов выпроводили из зала.

Занавес был раздвинут. На длинном столе президиума горели две семилинейные лампы. Но собрание не начиналось. По залу прошел слух, что из района приехал сам председатель райисполкома Зимин. Все почему-то решили, что собрание затянется, и покорно терпели задержку, устраиваясь поудобней.

Раскрылась входная дверь, и на пороге показался Михаил Кузьмич с Зиминим, высоким сутулым мужчиной с бледным болезненным лицом. В недавнем прошлом Зимин был директором средней школы в районном центре, и многие из присутствующих в зале учились у него, поэтому сразу его узнали. За Михаилом Кузьмичом и Зиминим в клуб вошли председатель сельсовета Нюра Грабичева, председатель сельпо Яков Саушкин и Матвей Иванович, завхоз.

Женщины зашептались!

— У районного председателя пальтецо-то на рыбьем меху.

— Да, в таком на поле не выедешь...

Все четверо прошли на сцену. Собрание открыл Михаил Кузьмич.

Наталья сидела, затаившись. Ей все время казалось, что Михаил Кузьмич посматривает в ее сторону и взглядом спрашивает, готова ли она к выступлению. Первое слово — о текущем моменте — было предоставлено председателю райисполкома.

В зале установилась гробовая тишина. Было слышно, как потрескивают фитили ламп да воеет за окошком заунывно ветер.

Не подходя к фанерной трибуне, прямо из-за стола Зимин начал свою речь. Его высокий, стеклянного тембра голос долетал до задних рядов. Говорил он неторопливо, выделяя каждое слово, точно на уроке в школе. А когда начал объяснять обстановку на фронтах и подошел с указкой к большой школьной карте, висевшей на заднике сцены, многим в зале вспомнились уроки географии в школе.

Он говорил, что Красная Армия в ходе контрнаступления под Москвой освободила от захватчиков около одиннадцати тысяч населенных пунктов, в том числе такой крупный промышленный центр, как Калинин. На полях Подмосковья разбиты тридцать восемь немецких дивизий.

Все следили за маленькой указкой, скользившей по большой зелено-желтой школьной карте Европы.

— В этой победе есть доля и вашего труда, тружеников нашего глубинного района. То, что вы в неимоверно тяжелых условиях сумели до зернышка собрать урожай, это помогало нашим воинам с удесятеренной силой бить врага...

Зимин подошел к столу, напился воды и продолжал:

— Но чтобы скорее приблизить победу, мы должны оказать помощь фронту. Решайте всем обществом, сколько сможете дать еще зерна государству в фонд обороны...

Зал тотчас загудел. Послышались возгласы:

— Что было, все отдали, самим есть нечего!

— Доработались, что хоть зубы на полку клади!

Маленькая, визгливая Парунька Долина, ходившая невесть который год в девках-перестарках, плаксиво тянула:

— Обносились все, скоро нагишом будем ходить, а тут на тебе, новый налог!

— Чегой-то, Парунька, ты нищую из себя корчишь? Видать, последний кусок доедаешь? — с ехидцей спросила ее Авдотья Морозова. — Смотрю я на тебя и диву даюсь, баба ты как баба, а вот зависти в тебе и злости к людям на целый полк хватит.

— Ты чего раскричалась, Авдотья? — Парунька зло блестела глазами, облизывала сухие губы. — У меня есть на чем полежать, есть и что поесть. Смотри, как бы твои голодранцы с сумой не пошли!

— Цыц вы, звери-курицы! — осадил расшумевшихся женщин дядя Павел. — Заныли, как на похоронах. У тебя, Парунька, в сусеках третьегодничная мука преет, а ты орешь больше всех.

— Смотри в свои сусеки, а на чужие не зарься...

— Что запричитали, бабы? — громко крикнула от двери Агафья Воденина. — С кем куском хлеба делимся? Со своими родными мужьями, братьями, сыновьями в окопах. У кого повернется совесть, чтобы не помочь фронту, пусть выйдет вперед и всему обществу скажет в открытую. Да такого человека, как паршивую овцу, — из стада вон!

Шум в помещении постепенно стихал.

Наталья за голосами не слыхала, как Михаил Кузьмич предоставил ей слово. Лиза толкнула ее в бок:

— Ты что, оглохла? Тебя вызывают, а ты молчишь! Уснула, что ли?

— Неужто вызывали? — спросила она сдавленным голосом. — Ой, господи, что говорить, и сама не знаю!..

Не чужая под собой ног, она прошла на сцену.

— Не робей, Наталья, — шепнул Михаил Кузьмич, — свой кругом. Говори, что думаешь, — люди поймут...

Зардевшаяся от смущения, со спущенным на плечи платком, Наталья походила сейчас на девочку-школьницу, готовящуюся отвечать урок. Она боялась взглянуть в зал, не знала, куда девать руки, то опускала их на трибуну, то прятала за спину. В горле пересохло. Хотелось

откашляться, но почему-то боялась, думала, в зале будут смеяться.

Шум постепенно утихал. Михаил Кузьмич опять постучал карандашом по графину.

— Подруги, бабоньки! — проговорила Наталья дрогнувшим голосом. — Вы уж извините, что я складно говорить не умею. Но все же, что на душе лежит, выскажу... Вы только не перебивайте, а то спутаться могу. — Наталья виновато улыбнулась, глубоко вздохнула. — Здесь вот Иван Григорьевич рассказал нам о том, что происходит на фронтах. Из его слов мы видим, что дела пошли не плохо. Начали наши мужья и братья бить проклятых фашистов. Пусть знают, кровопийцы проклятые, как на русскую землю войной идти...

Наталья передохнула, на мгновение оглянулась на Михаила Кузьмича и, увидев его одобрительную улыбку, осмелела.

— Но правильно сказал Иван Григорьевич, что наши воины станут еще сильнее, если мы будем помогать фронту. А в чем наша помощь должна быть? Да в том, чтобы наши солдаты на фронте были обуты, одеты, хорошо питались. И все это должны сделать мы с вами вот этими руками... Не раз в прежние времена бабам-солдаткам приходилось работать за пятерых. И бабушки и прабабушки наши в трудный час для родины работали, не жалея живота своего, будем и мы так...

Наталья умолкла. Зал минуту молчал, а потом загудел:

— Смотри куда хватила!

— На речи вострая! А мы и не знали.

— Говорит — как лен стелет...

— Тихо, товарищи, тихо! — Михаил Кузьмич пытался уговорить расходившихся сельчан. — Дайте до конца высказаться бригадиру.

Наталья оглядела притихший зал и твердо сказала:

— Я предлагаю сдать дополнительно государству в фонд обороны еще тридцать тонн зерна.

Зал гулко зашумел, как бор в непогоду, и нельзя было понять, осуждается предложение Натальи или одобряется.

Не успела она сесть на место, как до слуха стали долетать голоса:

— Эка куда хватила — тридцать тонн! Мы так весь фураж с семенами вывезем, а сами как жить будем?

— Значит, впустую год проработали?..

— Детей чем кормить будем? — запричитала у голландки Федосья Сидорова. — У кого прошлогодний запас есть, тем легче, а у кого нет, как быть? Зубы на полку класть?..

— Хватит плакаться! — донесся от двери мужской голос. — Заголосили, как над покойником. Не умрем с голода, все сообща будем делать... На картошку нажмем. На драченах продержимся, не впервой... .

Михаил Кузьмич поднял руку.

— Тут вот Федосья расплакалась, чем кормить детей, — сказал он простуженным голосом. — Мы учли это и сегодня на правлении решили организовать в школе для детей горячие завтраки. С понедельника дети будут получать еду из двух горячих блюд. Ребята заработали такой гостинец. Они осенью здорово помогли на уборке картофеля.

— Верное решение!

— Давно бы так!

Слово попросила Евдокия Титова, овощевод из второй бригады. За ней на селе издавна утвердилась кличка «Просвирня». Когда-то давно, в дни своей молодости, она пекла для церкви просвирки. С той поры и прицепилось к ней это прозвище.

— Просвирня что-то сказать хочет... .

— Послушаем, может, дельное молвит... .

Евдокия, женщина рослая, с громким голосом, слыла рассудительной, была докой во всех делах. Она знала в местных лесах лекарственные травы, могла лечить болячки, лучше ее никто не умел готовить на зиму соленья, выхаживать больной скот.

Не торопясь, она поднялась на сцену, окинула взглядом зал и твердым, сильным грудным голосом сказала:

— Правду, бабоньки, говорила здесь наша бригадирша. Ничего не пожалеем для нашей победы, от себя кусок хлеба оторвем, а фронт накормим! — Евдокия перевела дух, сдвинула брови и строго сказала: — Здесь некоторые плакались, что, мол, как это можно сдать весь хлеб государству, а самим зубы на полку положить?.. И у кого только язык повернулся такие слова сказать!

Выходит — государство — это одно, а мы, кременковские бабы, — другое? Государство пусть себе воюет, кровью истекает, а мы будем стоять в стороне? .. Нет, так не будет! — Евдокия ударила кулаком по трибуне. — Не будет так! .. На картошке продержимся, а фронту, мужикам, братьям нашим, последний кусок отдадим. .. Пиши, председатель, в свой протокол, что мы, кременковские женщины, готовы помочь фронту и сдать государству столько хлеба сверх плана, как этого требует дело. .. Так я говорю, бабоньки?

— Правильно, Евдокия!

— Чего жалеть, не чужим отдаем, своим!

— Кто жалеет, пусть прилюдно выскажется, что он думает! А тень на плетень нечего наводить.

.. Люди расходились из клуба неохотно, громко разговаривая друг с другом. Наталья с Лизой замешкались при выходе из двери. К ним подошли Михаил Кузьмич и Зимин.

Михаил Кузьмич, похвалив Наталью за выступление, сказал Зимину:

— Наши передовики, золотые руки.

Иван Григорьевич отступил, пропуская Наталью к выходу. После светлого зала безлунная ночь показалась особенно темной. До пожарного сарая шли почти ощупью. Иван Григорьевич вел под руку Наталью. ..

— Михаил Кузьмич, — обратился он к председателю, — а ты не задумывался, как коммунист, над таким вопросом: почему у вас, в таком большом селе, количество членов партии не растет? Сколько у вас сейчас на учете?

— Налицо четверо.

— А было до ухода на фронт?

— Двадцать семь. ..

Иван Григорьевич помнил всех сельских коммунистов, кто ушел на фронт.

— Надо нам подумать о росте партийной организации. Такое положение создалось не только у вас, оно во всех колхозах. Надо растить коммунистов, для этого резервы у вас есть хорошие. .. Вот хотя бы взять, к примеру, наших спутниц, ну чем они негожи?

— Ой, что вы! — вскрикнула Наталья испуганно. — Разве мы годимся для партии? Там нужны сознатель-

ные, образованные, а мы что? Мы только работать и умеем...

— Это вы хорошо сказали — «умеем работать»... Это и есть самое главное. Пустозвоны партии не нужны.

У пятистенного Дома приезжих остановились. На прощанье Иван Григорьевич сказал:

— А о партии подумайте. Посоветуйтесь с Михаилом Кузьмичом.

Лиза обняла Наталью за плечи:

— Наташа, неужто это он всерьез о партии говорил?

— А ты думала — шутки шутит...

— У меня голова кругом пошла, не знаю, что и ответить, — прошептала Лиза. — Ты что, у тебя другая статья! Ты чистая, светлая. А я при живом муже с Николаем хожу. И отогнать его от себя хочу, а силы нету, не могу. Ну куда мне в партию такой!.. — Голос ее осекся.

— Будет, успокойся. Отшей Кольку!.. Уж лучше с липовым пнем обниматься, чем с таким гулякой. Ремня на тебя нет, вот что я скажу! — Наталья обняла Лизу за плечи. — Успокойся, слышишь? Стоит ли слезы лить из-за такого добра! Кольку отшей, говорю тебе, пусть дорогу к твоему дому забудет!..

— Люблю ведь я его, — разревелась Лиза, — как ребенка малого люблю. Увижу пьяного — гнать от себя хочется, а не встречусь сутки — сердце болит. Как заколдованная хожу.

— Никакой любви я не вижу. Просто от скуки потянулась к нему, а он приласкал. Наше бабье сердце, известно, падко на ласку... Он поваландается здесь с тобой, поиграет да и махнет куда-нибудь на Выксу. А ты, чего доброго, еще с брюхом останешься. Вот тогда по-иному взвоешь...

Наталья довела плачущую Лизу до дома: «Не реви, дурочка, слезами горю не поможешь. Иди спать, утро вечера мудренее» — и пошла к своей избе.

На лежанке сладко похрапывал дед Дмитрий. Наталья бесшумно разулась у двери и, мягко ступая в чулках, направилась в свою комнату.

— Это ты, Наталья? — спросила ее шепотом с кровати свекровь. — Попей молочка, на окне в чулане стоит...

— Спи, мама, есть я не хочу, за вечер не проголодалась.

Не зажигая огня, она быстро разделась, бросив одежду на спинку кровати. С подушки доносилось ровное посапывание Светланки. Девочка любила засыпать на материнной кровати, и Наталья каждую ночь переносила ее в свою кроватку. Наутро Светлана обязательно спрашивала мать:

— Это меня папа перенес к себе, да?

— Да, доченька, — утешала ее Наталья, — он ночью приходил к тебе, спрашивал, слушаешься ли ты бабушку с дедушкой, а потом перенес тебя на кроватку.

— Почему он не разбудил меня? — плаксиво спрашивала Светлана.

— Времени у него мало было, опять он воевать пошел. На прощанье наказал, чтобы ты вела себя хорошо...

Светланка на глазах взрослела. Прибавляла в росте, набиралась сил. Переноса ее в кроватку, Наталья поцеловала взлохмаченную головку дочери, ощутила родной запах.

— Ласточка моя легкокрылая, радость весенняя!..

30

В тихую морозную полночь из рамени на опушку черного ельника короткими скачками выбежал одинокий волк, замер у склона оврага и стал жадно втягивать в себя запахи далекого человеческого жилья, часто раздувая отощавшие бока. Зверь настороженно вслушивался в тишину безветренной ночи, еле заметно водя ушами. В его глазах горели огоньки. Зверь почти три дня ничего не ел, если не считать маленького мышонка, случайно подвернувшегося в колодах заброшенной пасеки в старом липняке.

Оглядевшись зорко по сторонам, волк неуклюже присел на задние лапы и, то ли от голодного одиночества, то ли от непонятной слабости и дрожи во всем теле, дико, надсадно завыл.

Это был старый матерый зверь, в прошлом вожак большой стаи. Пришел он со своей волчицей давно в эти края из муромских заповедных лесов и был грозой окрестных стад. Тогда он был молод, силен, коварен, неуловим. Но годы сделали свое дело. Стая его распалась — одни были убиты охотниками, другие — отпочковались, ушли на сторону. Волчицу в прошлом году поймали кап-

каном лесники. И вот он остался совсем один, старый, но еще сильный зверь.

Выл он долго, утробно. И тот, кто слышал его в эту ночь, беспокойно ворочался в постели, чувствуя леденящий холодок озноба на спине.

Никто не откликнулся в студеном безмолвном мраке на волчий вой. Зверь в несколько прыжков пересек овраг и выскочил на накатанную дорогу, пахнущую конским навозом и рассыпанным по обочинам прелым сеном. Воровато оглянувшись по сторонам, мелкой рысцой затрусил к селу. На околице, у скособоченного амбара, сторожку поводя ушами, застыл и долго не решался приблизиться к жилью.

Где-то на дальнем конце села испуганно тявкнула собака. Волк, тронувшись с места, тотчас застыл как вкопанный, с приподнятой передней лапой. Но собака, видимо, тявкнула спросонок, ее не поддержали забившиеся в конуры соседи.

Неслышно ступая, зверь подошел к темной конюшне крайнего двора, вскинул передние лапы на бревенчатую, пахнущую гнилым мхом и мышами стену, вожделенно вдохнул шедший из маленького оконца пьянящий овечий запах. Овцы, почуя непрошеного гостя, испуганно заметались, застучали копытцами по деревянному настилу. Волк с опаской отскочил от конюшни. По опыту многих лет он знал, что сейчас залает собака и из-за угла хлестнет горячая дробь хозяйского ружья.

Уж он-то знал вкус дробы, испытывал ее не раз на своей шкуре!

Вдруг его внимание привлек черный зверек, перебежавший по гребню сугроба на середине улицы. Добыча была рядом, времени на раздумье не оставалось — пустой желудок давал себя знать.

Гигантским прыжком зверь кинулся на свою жертву, едва успев различить в ней кошку.

Почувя неожиданную опасность, кошка с шипением и визгом бросилась к чернеющему рядом колодцу, вскочила по срубам на деревянный с железной цепью вал. Волк кинулся за ней. Его передние лапы скользнули по обледеневшим кольцам цепи, ворот резко повернулся, и зверь рухнул в колодец.

В раннее морозное утро таталь...
е долгих пасмурных дней разведрилось. На затвердев-
м рябоватом снегу рдела розоватая дымка восхода. На
лице еще было безлюдно, и лишь напротив колодца,
дома Морозовых, тетка Авдотья высыпала золу из вед-
ра. В лучах восходящего солнца розоватая пыль долго
ржалась, не садилась на снег.

Наталья, сняв варежки, прицепила ведро. Ворот бы-
стро раскручивался. Вскоре ведро стукнулось о воду.
Явись за отполированный крюк ворота, Наталья ста-
ла его вытаскивать. Никогда еще ведро не было таким
желым. Наталья отпустила крюк и наклонилась над ко-
лодцем, но то, что увидела внизу, заставило ее отпрянуть
сруба. Что-то живое, тяжелое ворочалось на дне ко-
лодца и не пускало от себя ведро.

— Ой, батюшки, беда-то какая! Никак человек в ко-
лодце...

Наталья кинулась к дому Луковкиных, застучала в
дверь:

— Тетка Марина, дедушка Федор, скорей выходите!

Авдотья Морозова, высыпав золу, услышала крик На-
тальи, остановилась:

— Ай что случилось, Наталья?

— Кто-то в нашем колодце на дне сидит. Визжит, ца-
паается...

— Батюшки-светы! — Авдотья поставила ведро на
рыльцо, засеменила к колодцу. — Надо кликнуть Петьку
угрова, — сказала она Наталье. — Мы тут, бабы, ни-
его не сможем сделать...

На крик и шум к колодцу собирались люди. Вскоре
одбежал и полураздетый Петька.

— Я тащу ведро, а оно тяжелое, — рассказывала ис-
пуганно Наталья. — Нагнулась вниз, смотрю — на дне
кто-то ворочается и визжит по-человечьи.

— Сейчас узнаем, что за зверяка там сидит.

Петька наклонился над срубом и громко крикнул:

— Эй, кто там — человек или зверь, — отзовись!

Внизу кто-то испуганно завизжал и шумно забился
в воде.

— Надо сперва ведро вытянуть, — предложил Петь-
ка, — а потом будем спускаться вниз. Кто бы там ни был,
выуживать его со дна все равно надо.

— Чай, не заваливать колодец-то...

— Выудим — откачаем воду. . .

Вскоре ведро с трудом удалось поднять наверх. На оцинкованном железе видны были непонятные царапины.

— Дедушка Федор, неси клепень, — сказал Петька, затягиваясь потуже поясом поверх фуфайки, — вниз по-лзу. Отсюда, сверху, мы ничего не сделаем. . .

— А вдруг там черт какой! — воскликнул кто-то из женщин. — Ты, Петь, хоть перекрестись перед тем, как спускаться будешь.

— И черту рога обломаем. . . Мне сдается, не собака ли приبلудная туда влетела. . .

Дедушка Федор спешно скрылся в калитке двора и через минуту показался с запыленным клепнем от бо-роны.

— Вот и веревочку с собой прихватил, чтобы непро-шеного гостя со дна вытянуть, — дед улыбнулся, обна-жая не по-старчески белые, острые зубы. — Ты, Петя, с собой кочережку какую-нибудь захвати, не ровен час — атаки отбивать придется. . .

— Может, там сам Гитлер сидит.

— Вот задали бы ему перцу!

— У нас вилы-двойчатки есть, словно рогатина, — предложила белесая, курносая девочка — Дашутка Мо-розова, — может, принести?

— Давай скорее!

И вот все снаряжение было готово. Петька сделал из веревки петлю, повесил ее на плечо, вилы взял в руки. Не спеша перекинул ноги через сруб, придерживаемый женщинами, уселся на клепень.

— Поехали! . .

Женщины стали медленно раскручивать ворот. В ко-лодце было теплее, чем наверху. Старый осиновый сруб покрылся инеем, пах сыростью и гнилым деревом.

Петька не то чтобы боялся встречи с незнакомым зве-рем, а просто его волновала неизвестность. Чем ниже он спускался, тем больше чувствовал, как бьется сердце и в руках появляется дрожь.

— Эй, кто там, отзовись! — крикнул он для храбро-сти. — Не то сейчас пришибу!

Шум со дна колодца доносился все сильнее и отчет-ливее. Вскоре, метрах в трех под собой, в квадрате отра-

женного неба он увидел высунувшуюся из воды оскаленную волчью пасть и передние когтистые лапы зверя, царапающие рундук. Вода доходила зверю почти до ушей. Он подпрыгивал и тотчас же плюхался в воду.

— Стоп! — крикнул Петька наверх. — Вот, оказывается, кто попался. Волк здесь купается! . .

Спуск прекратился.

Тяжко дыша, с раскрытой пастью, отфыркиваясь, зверь устался на человека. Раскачиваясь на цепи, Петька отчетливо видел, какой острой ненавистью блещат волчьи глаза. Тело закололи мурашки. Парень никогда так близко не сходилась один на один со зверем, никогда не смотрел в горящие злобой волчьи глаза. . .

И хоть волк был почти беспомощным, схватка с ним не сулила ничего хорошего.

— Что он там делает? — долетел до Петьки сверху женский голос. — Кусается или неживой уже?

— Целуется со мной, — отшутился Петька. — Здравоемся в обнимку. . .

Парень привязал себя к цепи ремнем, чтобы можно было действовать руками. Перекинув через шею петлю, он дотянулся вилами до звериной пасти. Волк набросился на железо, но, наколовшись на острие, отпрянул и сорвался лапами с рундука в воду. Через мгновение он вынырнул и стал опять карабкаться на толстую доску.

Сверху с напряжением следили за поединком на десятисаженной глубине.

— Отпустите немного ниже! — скомандовал Петька.

В его голове уже созрел план, как лучше атаковать зверя. Один конец веревки он прикрепил к цепи над головой, а широко раздвинутую петлю взял в правую руку. Просунув вилы в петлю, он начал ими травить зверя. Когда голова волка показалась высоко над водой, Петька ловко набросил на шею зверя петлю и стал ее быстро затягивать. Волк неистово заметался, обдавая парня фонтаном брызг, стараясь лапами стянуть веревку с шеи. Петька закружился на своем сиденье, не выпуская из рук веревки.

— Подъем! — закричал он радостно. — Да поживее! . . Теперь серый от нас не уйдет.

Заскрипел ворот. Натянулась железная цепь, поднимая двойную ношу наверх. Петля все туже и туже затягивала горло зверя.

Вскоре Петьку и волка вытянули из колодца. Матерого зверя женщинам еле-еле удалось перевалить через сруб. Вездесущие ребятишки оттянули волка к дороге, натравливая на него испуганно отступающих собак. Даже мертвый, зверь заставлял отскакивать в сторону трусливых дворняжек.

Петька, изрядно вымокший, побежал домой переодеться.

— Посиди на печи, согрейся, — сказала ему ласково мать, — простудишься, неугомонный. . .

— Некогда, мама! — крикнул он на ходу, запахиваясь пальто. — Я скоро вернусь, надо быстрее дело довести.

— Позавтракал бы. . .

Женщины, собравшиеся у колодца, радостно встретили подбежавшего парня. Они не знали, что делать с волком. Вот если бы Михаил Ботов, известный на всю округу охотник, был дома, он сейчас бы разделал зверя, шкуру сдал в ларек Заготсырья, получил денежки и устроил веселье. Но нет Михаила Ботова — на фронте. Кто же будет возиться с такой махиной? Женщины даже глядеть боялись на растянувшегося на снегу волка. Мокрая шерсть зверя, тронутая морозом, свалаялась в клочья, сквозь кожу выпирали худые ребра, впалый живот совсем слипся.

— Петя, что же нам теперь делать с этим антихристом? — спросила Наталья. — Неужто так его и оставим здесь?

Шумно заговорили женщины:

— Нужно нам здесь это пугало!

— И так из-за него, проклятого, всю воду из колодца выкачивать придется. . .

— Нашел, куда сигать.

— Исккупаться в Иордане захотел. . .

Петька мигом принял решение:

— Надо отвезти волка в Самчихин овраг, пусть там до полых вод померзнет.

— Правильно, — загудели женщины, — туда ему и дорога.

— А ну, ребята, — Петька крикнул мальчишкам, уже учинявшим расправу над мертвым зверем, — мигом бегите на конный двор, спросите подсанки у дяди Павла и отвезите зверя в овраг.

К полудню, когда женщины откачали из колодца воду, испоганенную волком, Наталья увидела Петьку с лыжами у крыльца.

— Петя, зайди, Верунька письмо прислала.

Парень, приставив лыжи с палками к стене у крыльца, пошел в избу к Бугровым. На пороге его встретила Светланка и сразу потащила к столу.

— Расскажи, расскажи про волка! — затараторила она. — Правда, что он бежал от бабы-яги и в колодец нечаянно упал? Расскажи, пожалуйста. . .

— Егоза ты такая, дай хоть парню передохнуть, — проговорила с улыбкой Наталья, раздеваясь у дверей. — Пристала, как репей до подола.

— А вот и не репей, не репей, — запрыгала она на одной ноге, — я просто девочка. . .

— Наш пострел и тут поспел, — отозвалась из чулана бабушка Степанида. — Угомонись, внученька. Сегодня ты с самого утра как заведенная, все скачешь и скачешь. . .

— Светланка, доченька, подождем малость, — сказала нарочито серьезным тоном Наталья, — пусть Петя сначала письмо от тети Веры прочтет, а потом и сказку тебе расскажет.

— Хорошо, я подожду, — девочка лукаво глянула на парня, села за стол, положив голову на скрещенные руки. — Я умная, мама, правда?

— Конечно, умная. . . Вот только не знаю, в кого ты такая непоседа уродилась.

— В папу, маму, в папу, маму, — проговорила быстро Светланка и сжала крепко губы, чтобы не проронить больше ни слова.

Бабушка Степанида достала из-за зеркала на простенке аккуратно свернутый треугольничек письма, почему-то посмотрела на него сквозь свет.

— Вот наконец-то и мы дождались от нашей доченьки весточки, — сказала дрогнувшим голосом Степанида. — Далеко она залетела, ой далеко! . .

Петька посмотрел на бабушку и впервые увидел, как постарела она в последнее время. Лицо, изрезанное морщинами, заметно сузилось, вытянулось, глаза с красноватыми веками помутнели, да и походка у нее стала старческой, шаркающей.

Он торопливо развернул треугольник, сложенный из двух тетрадных листочков, и, не садясь на диван, стал

про себя читать торопливо набросанные карандашом строки.

«Мои родные! Долго вам не писала потому, что боялась — браниться станете. Сообщаю вам, что в моей жизни произошли большие перемены. Я теперь уже не «трудовой фронт», а боец доблестной Красной Армии. Нахожусь на фронте.

Наташа, ты помнишь ту ночь, когда я проплакала до рассвета, получив похоронку о Саше? Тогда я дала себе слово, что заменю его на фронте. С этой мыслью я и отправилась на рытье окопов. Вскоре мне повезло. Как-то вечером в наш барак пришли военные из санитарного эшелона, загнанного рядом с нами в тупик. Поезд здорово разбомбили под Москвой. Главный врач спросил: есть ли среди вас люди, знакомые с медициной? Я сразу вышла вперед и сказала, что в школе сдала норму на значок ГСО и первую помощь оказать сумею. Таких, как я, оказалось много. Но так как я вызвалась первой, то меня и еще шестерых девушек взяли в тот эшелон санитарями. Теперь нам все время приходится быть в пути, как вблизи фронта, так же и в тылу.

Мои родные! Скучаю я очень по вас, особенно по любимой Светланке. Она, наверное, уже большая стала, как бы я сейчас расцеловала ее. Может, Петя ее снимет и вы пришлете мне ее карточку?

Тете Шуре Панковой, Сашиной матери, передайте горячий привет.

С братом Виктором мы списались, но я получила от него только одно письмо. Он где-то на юге, пишет, что жив, здоров. Сегодня ему тоже написала письмо. Подруги у меня все из нашей области, только из других районов. Живем дружно, хорошо, делим радости и горе по солдатски. Пете передайте, что здесь ни капельки не страшно, живут — все за одного, один за всех. Пусть он напишет мне о молодежных новостях и пришлет свои новые стихи.

Горячий привет всем родным и знакомым. Целую вашу дочь и сестра Вера».

Прочитав письмо, Петька задумался. Вот ведь девушка добилась своего, воюет. А он здесь штаны трет о скамью да бешеных волков вытаскивает из колодца.

— Чего ты? — спросила Наталья. — Небось Верунка завидуешь? Ничего, успеешь еще и ты горячего лих

отведать, хватит и на твою долю. Война, видимо, завязалась надолго, конца не видно.

Светланка уже тянула Петьку за рукав:

— Садись, садись, расскажи про волка...

Домой Петька пришел только вечером.

31

Посиделки, эти излюбленные сельские сборища, где пестовали свою молодость и деды и отцы, опять возникли в селе еще с осени. Года за три до войны сельские комсомольцы объявили бойкот посиделкам, стали вечерами собираться в клубе, наладили работу хорового и драматического кружков, организовали вечера танцев, и «кельи» как-то сами собой замерли, потеряли свою притягательную силу.

А бывало, ранней осенью девушки на выданье, живущие на одной улице, откупали у вдовы-бобылки избу на всю зиму, до великого поста. Платили за временный постой зерном, маслом, картофелем, дровами.

Не отставали от невест и девушки помоложе. Они сбивались в свою артель и тоже снимали избу. Сколько слез было пролито, если мать запрещала посещать посиделки! «Успеешь нагуляться, дома хоть годочек отоспись под отцовской крышей. На посиделки пошла — считай, улетела из родного гнезда».

В третью артель собирались девушки-перестарки, те, которым не удалось выйти замуж в положенный срок. По большей части это были некрасивые или слишком разбитные, про которых ходила дурная молва; в старое время к ним подсосеживались и бобылки из бедных семей. Это была самая малая по числу артель, но самая веселая и дружная.

Вот так на каждой улице светились в осенние и зимние длинные ночи огнями, оглашаясь до полуночи песнями, соревнуясь и соперничая меж собой, две-три избы, или, по-местному, «кельи». Появились «кельи» в давние времена, когда девушки собирались в избу одной из подруг на вечер прядь кудель. Под мерное жужжание веретен заводилась длинная проголосная песня. С ней короче становился вечер, тоньше и крепче конопляная или шерстяная нитка. На огонек и песню заходили парни

с балалайками, гармошками, заводились хороводные песни, справлялись пляски.

С годами посиделки вошли в обычай, сохранялись из поколения в поколение. И не у одной женщины, вспоминая пору своей молодости, сияла солнечным пятнышком в памяти эта залитая светом «келья», начинало сильнее биться сердце, захватывало дух. Эх, молодость! Хрустальные балалаечные переборы, топот легких каблучков по смолистым половицам, задорная припевка про залеточку. Где ты? Отзовись. . .

Короткий зимний день. В вечерней чуткой тишине раздавался резкий скрип калиток. Мягко ступая валенками по узким тропинкам у домов, сходились девушки в «келью».

Первой, по заведенному порядку, приходила дежурная. Ее обязанность — заправить лампу керосином, вымыть полы. Вскоре собирались и остальные восемь — десять подруг. Зажигалась на полный фитиль семилинейная лампа. Девушки в нарядных кофточках и юбках, цветных полушалках рассеивались на лавках вдоль стен, раскручивая прялки, обменивались новостями.

За окном уныло, чуть слышно, завывал ветер, гудело пламя в печурке. В тоскливом вое ветра за стеной неожиданно прослушивался далекий звон гармоники. «Парни идут!» Подруги старались угадать, кто играет «Страдание», куда направляются парни. Самая бойкая выбегала на крыльцо, на мороз, чтобы точно определить их путь. Вскоре, вздрагивая от стужи плечами, вместе с клубами пара врывалась в «келью» и сообщала:

— Ермак Сенягин играет. Наверное, к перестаркам пошел. . .

При имени гармониста кто-то из девушек опускал глаза, еле заметно краснел, но подруги, будто не замечая этого, переводили разговор на другое:

— Говорят, Васек Тимохин вернулся из города, новую гармонь купил.

— Теперь зазнаваться будет и не заглянет к нам.

— Ну, не такой уж он гордый.

— Тебе лучше знать, какой он.

Неожиданно лихие переливы гармоники раздавались совсем рядом, и сильный ребячий голос заводил «Сормовскую». словно ветром сдувало девушек с лавок! Прялки,

донца, гребни прятались в чулан и под кровать, начиналось прихорашивание перед зеркалом.

Первыми в «келью» врывались шустрые, разгоряченные возней мальчишки. Хозяйка дома старалась их удержать у двери, но сзади с шумом и смехом уже напирали взрослые. Степка Калин с гармошкой под мышкой шел впереди ватаги. Парни не спеша, с достоинством рассаживались на лавках, доставали из карманов цветные кисеты, крутили сигарки. Девушки, сгрудившись у проема чуланной двери, замечали свои дареные кисеты, краснея, шептались меж собой.

В красном углу гармонист продувал мехи двухрядки, чтобы высохли запотевшие стальные голоса. Парни закуривали, а в дверь уже входили соседские молодые женщины, посмотреть гулянье. Сбросив шали на плечи, они выстраивались у порога, тихо переговаривались. Мужья их рассаживались рядом с парнями.

Их не отличишь от холостяков, разве только угадываешь по небритым бородам. Уж так было заведено испокон веку на селе: женился парень — бриться переставал; говорили, усы и борода солидность придают, да залеточка какая-нибудь на бородатого не польстится.

Но вот гармонист делал две затяжки взятой у соседа самокруткой, поправлял ремень гармоники на плече и для разминки пробегал пальцами по клавишам. По тому, как он быстро и ловко сыпал переборы, и определялось его мастерство.

Два-три громких аккорда, и уже вспыхивал краковяк. Первыми в круг выходили две самые голосистые и красивые плясуньи и становились вдруг перед другом, начинали медленно кружиться. Раздавалась весенняя припевка. Краковяк сменялся «Сербияночкой», невесть кем занесенной в это лесное село. Затем начиналась «Семеновна».

Иногда в круг выходили и замужние женщины. В своих частушках они вспоминали недавнюю девичью жизнь, жаловались на скупую свекровь и привередливых золовок.

Мужья от таких припевок хмурились и, чтобы прогнать смущение, подбрасывали в адрес танцующих колкие словечки. А частушки сыпались все острее и острее. Каждый понимал, в чей огород метят.

Приходит время идти в другую «келью». Если гармонист был со своей улицы, то девчата собирались вместе с ним идти в соседние посиделки. Одевались быстро, шумно, завязывая на ходу платки.

И вот уже бурлил по селу веселый поток, летела в тишину морозной ночи звонкая девичья песня.

...В этом году посиделки занимали избу Арины Тишиной, стоящую напротив Бугровых. Изба у Арины — большая, светлая, построенная из толстых смолистых бревен. Не успел только муж Арины, Алексей, поставить придел, ушел на войну. Бревна лежат в переулке, в груды сложены, — не женское это дело возиться с ними. Можно пока и без придела обойтись.

Сегодня, в воскресный вечер, девушки пришли в «келью» рано. Впервые в эту зиму они не стали делиться на три артели — незачем это, все равно женихов нет, все на фронте, а коротать время без парней даже удобнее, веселее. Да и девушек стало мало: многих на рытье окопов под Муром взяли, да так и оставили на стройке завода, некоторые в лесхоз на всю зиму подались. Хотя с керосином и туго было, лампа-молния горела ярко, на полный фитиль, освещая золотистые сосновые стены.

Бойкая черноглазая Дуняшка Тюрина, работающая делопроизводителем в сельсовете и первой узнающая все сельские новости, сообщила с грустью подругам:

— Опять три похоронки пришло. Семена Тишина и Ваську Белова убили, а Егор Козлов без вести пропал. . .

— Дня не бывает без похоронок. . .

— Сколько их уж было! . .

— А войне и конца не видно.

— Говорят, лесничиха Галина, как Игнат без вести пропал, совсем разума лишилась, заговариваться стала, набожной сделалась.

— Бросить бы ей кордон да на люди в село явиться. С людьми-то горе легче мыкать.

— Волки и те в колодец стали сигать, — попыталась было пошутить Нюра Калина.

— Нелегко отгонять от души тоску, но и с ней зачахнешь или ума лишишься.

Словно боясь увидеть себя блаженненькой, Катя Занина суетливо забежала по избе.

— Хватит, девки, о похоронках да мертвецах говорить! И так на душе муторно. Давайте о чем-нибудь другом потолкуем. Или песню заведем.

— За Петькой бы сходить, — предложила ясноглазая, круглая и пухленькая, как одуванчик, Зиночка Дудорова, — может, с гармошкой придет. . .

— Верно, девчата, только кто его уговорит?

— А знаете, что я придумала, — зашептала Зиночка. — Давайте попросим Наталью-бригадиршу, уж ей-то он не откажет. . .

Катя Занина и Дуняшка Тюрина, полуодетые, выбежали на улицу и принялись стучать в окно Натальиной избы.

На замороженном стекле окна задвигались тени. На крыльцо в накинутом на голову пуховом платке вышла Наталья. Выслушав просьбу, сказала:

— Ладно, идите скорей, а то простудитесь. Уговорю его, так и быть.

Наталья подошла к зеркалу, висевшему в простенке в голубой деревянной оправе. Похудевшее, с большими глазами лицо было и своим и чужим. Улыбнулась затаенно, едва заметно, и эта девичья несмелая улыбка, чуть тронувшая губы, подтвердила, что это было ее, Натальино, лицо. Прищурила ресницы, испытующе посмотрела на себя, знала — такой взгляд любил Виктор.

В платяном шкафу нашла белую шифонную блузку с взбитыми над манжетами рукавами и легким кружевным воротником, темную узкую юбку.

Одевшись, еще раз оглядела себя в зеркало — ни материнство, ни годы замужества, ни трудные дни войны не тронули ее девичьей стати, не загасили огонек в глазах.

Повязавшись ярко-красной шалью, вошедшей в приволжских селах в моду перед войной, Наталья вышла на улицу. Хрустко скрипел снег под чесанками. Ленивый Музгар побежал было за Натальей, но на полпути раздумал, радостно твякнул и опять скрылся под крыльцом.

. . . Когда Наталья и Петька пришли на посиделки, здесь уже было полно народа. Подростки в отцовских пиджаках выглядели взрослыми, по праву старших

занимали все лучшие места на передних лавках. Как всегда, у двери толпились малыши и замужние женщины.

Девушки окружили Наталью и Петьку, помогли раздеться, усадили в переднем углу.

Петька не спеша развел малиновые мехи гармошки. Зиночка Дудорова высоким голосом повела припевку так, что у слушателей зазвенело в ушах.

Светит тихая луна —
Половиночка одна...

Дуняшка Тюрина пригласила в круг Наталью. «Не сумею, испорчу пляску, — шепнула она Дуняшке, — заводи первая».

И Дуняшка несильным, мягким голосом вывела озорную прибаутку:

Я «Цыганочку» плясала,
Увидала меня мать...

На огонек и гармонику в избу все больше заходил солдаток. Пришли Лиза с Валею Сенягиной, Шура Майорова. Становилось тесно и душно.

...До глубокой полуночи длились посиделки, словно вернулось прежнее счастливое время. Песня сменяла танцем, танец — новой песней. Петька, не уставая, играл и играл, страшно было остановить мехи гармоники, слышно боялся, что после этого воцарится жуткая тишина.

Перед тем как расходиться по домам, Зиночка Дудорова призналась Наталье:

— Я сегодня письмо с фронта получила. Совсем-совсем от незнакомого человека! А пишет он, будто знакомство наше — давнее.

— Как это случилось? — спросила Наталья.

— Посылки на фронт к Октябрьским праздникам сылали, — зашептала Зиночка, — я взяла да и написала небольшое письмецо и вложила в кисет. Кому, мол, падет подарок — пусть откликнется. Ну, конечно, и адрес свой написала. Я уже и забыла про это, а сегодня вот такое... Не знаю, что и делать.

— А он хоть сообщает о себе что-нибудь? Наших ли ев парень или дальний?

— Шахтер, из Донбасса. Пишет, что это про него песня поется: «Вышел в степь донецкую парень молодой».

— С тобой письмо-то.

Зиночка прошла в чулан и через минуту вынесла небольшой треугольник. Все в «келье» притихли. Многие подружки знали, что Зиночка получила письмо с фронта, и теперь ждали, что скажет бригадир.

— Не будешь возражать, если мы его все прочитаем? — спросила Наталья.

— Читайте, — смутилась девушка, опустив голову.

— «Дорогая Зиночка! — прочла вслух Наталья. — Пишет вам это коротенькое письмо донбассовец — сержант Виктор Яковенко. Я — тот самый, про которого в известной песне поется: «Вышел в степь донецкую парень молодой». Конечно, я шучу. Большое вам спасибо от меня и моих боевых друзей за письмо и подарки. Всякий раз, когда я закуриваю, вспоминаю вас, такую близкую и такую далекую незнакомую мне девушку. Тогда и табак кажется крепче и вкуснее.

Жаль, что не вложили вы в посылку свою фотографию, но я почему-то представляю вас высокой голубоглазой блондинкой. Если я ошибся, то извините.

Я предлагаю вам свою дружбу. Давайте будем с вами переписываться. Вы даже не представляете, как бывает солдату тепло от писем. Что касается нас, то мы бьем фашистскую нечисть и будем бить — в этом будьте уверены. Жду с нетерпением ответа. С горячим красноармейским приветом Виктор Яковенко».

Наталья свернула аккуратно письмо, посмотрела еще раз на адрес и передала письмо Зиночке.

— Душевное, — сказала она, — видно, сердцем парень писал. Тоскливо им там без теплого девичьего слова, по каждому слову видно, как тоскливо. . .

— Девчата, давайте ему все вместе напишем ответ? — предложила Дуняшка Тюрина.

— А может, он хочет только от Зиночки ответ получить? Больно ему мы все нужны! . .

— Я так предлагаю, — посоветовала Наталья, — пусть Зиночка сама ответ даст и спросит в письме у Виктора про друзей. Он обязательно ответит. Вот тогда и завяжется у каждой из вас переписка. . .

Дверь с шумом отворилась, и в «келью» ввалился Николай Белов. Марлевая повязка со щеки у него сползла и каким-то чудом еще держалась на лице.

— Мир честной компании, — сказал он хмельным голосом, сразу направляясь к чулану, где стояли девушки.

— Батюшки, почтарь-то наш, смотрите, на ногах не стоит! — сказала Шура Майорова, бойкая на язык солдатка.

Парни-подростки теснее сдвинулись на лавке, уступая Николаю место рядом с Петькой. Распахнув полы серого полупальто, Николай высоко закинул ногу на ногу, закурил. Затуманившимися глазами посмотрел на стоящих у порога женщин.

— Вы меня, дорогие женщины, не корите, что я малость выпил. День у меня сегодня тяжелый, горький, можно сказать, день. Письмо я от фронтовых друзей получил. Сообщили, что фашисты убили моего отделенного командира. Погиб первый друг, Дмитрий Фоменко. Если бы вы знали, какой это был человек! . . . — Николай скрипнул зубами, покачал головой. — С самого первого дня мы с ним сдружились на фронте. Сколько раз вместе ходили в атаку, в разведку, выручали друг друга. Не одну фляжку воды по глотку выпили, последним сухарем делились. С Украины он был родом, из-под Нежина, из таких же крестьянских краев, как мы с вами. И вот нет больше товарища, нет Димы! Пишут боевые друзья, что похоронили они его в братской могиле и дали клятву отомстить. . .

Николай обнял Петьку, со вздохом произнес:

— Эх, Петро, а как он играл на трехрядке! Вот бы тебе послушать. Бывало, на привале возьмет ее в руки, пригорюнится да как запоеет свою украинскую песню, — сердце сжимает от радости и боли. У них на Украине песни напевные, душевные. А особенно Дмитро любил нашу довоенную о трех танкистах. . . Петя, сыграй ее — в память о погибшем друге Дмитрие!

Петька растянул мехи гармони. Николай тихо запел. Голос у него был мягкий, приятного тембра. Все молча смотрели на него, а он пел и плакал.

Зимой дел в колхозе поубавилось. Женщины-солдатки и молодые девушки, чтобы не сидеть дома сложа руки, подались за копейкой в леспромхоз на заготовку древесины.

В колхозе на хозяйстве остались одни подростки да старики. Они-то и возили в город сверхплановые тонны хлеба в фонд обороны.

Путь до города был длинный, пятидесятикилометровый. Из дому выезжали рано утром, затемно, на полпути в Ореховцах ночевали и к середине следующего дня добирались к элеваторам.

Все зимние каникулы Петька провел с обозом. От морозного ветра лицо его засмунилось, вытянулось, густые черные брови почти сошлись на переносице, придавая всему облику диковатый вид. Последний обоз с хлебом они повезли с Натальей и ребяташками-семиклассниками.

Стояло холодное безветрие. По краям большака далеко в одну линию убегали опушенные инеем березы. Синий лес на горизонте робко проступал на фоне седого неба, уходя за далекие холмы. Лошади шли неторопко, пружиня шаг и громко выпуская пар из ноздрей. . .

Заночевав в Ореховцах, обозные добрались благополучно на другой день к заготпункту. Не успели сложить на весы последние мешки ржи, как их тут же нашел председатель сельпо, шустрый и говорливый Яков Саушкин.

— Выручай, Наталья Николаевна, — взмолился он, вытирая рукавицей вспотевший под мохнатой кроличьей шапкой лоб. — Завтра товар для нас приходит, главным образом мануфактура, а мне утром позарез в районе быть надо. Слезно молю — останьтесь с Петькой, на двое саней вы все сумеете погрузить. А с остальными ребятами я до дома к вечеру доберусь. Порожняком мы быстро доедем. Выручайте, уж так и быть, а магарыч за мной не пропадет. Наряды вот на руках.

Чтобы не гонять лошадей зря да и не упустить занаряженный товар, Наталья и Петька согласились остаться в городе до завтра.

Ночевали у старой знакомой, тети Ули, полной Богомольной женщины, комната которой, как церковный иконостас, была сплошь увешена иконами в тяжелых золоченых рамках. Когда-то тетя Уля, рослая, дородная красавица, содержала заезжий двор, и к ней в базарные дни собиралось подвод до двадцати со всего района. Сейчас двор, окруженный складами, был тесно завален пустой тарой — бочками, ящиками, занесенными снегом, но для двух подвод место нашлось.

Жила тетя Уля в одной из нижних комнат когда-то ей принадлежавшего двухэтажного кирпичного дома, и была у нее маленькая комнатная собачка Тубик.

В дневное время это беловолосое, с глупыми красными глазами существо мирно дремало на маленькой дөржке в сенях. С наступлением темноты Тубик оживал и на весь двор то и дело заливался пронзительным лаем.

И вот вечером, когда Наталья выходила во двор, Тубик с визгом бросился на нее. От неожиданности она отпрянула в сторону, оступилась на ступеньках и подвернула ногу.

— Вот и инвалидом стала, — заговорила она сквозь слезы тете Уле, растиравшей ей лодыжку едким муравьиным спиртом, — и на фронте не была, а на костылях придется ходить.

Наталья сидела на кровати, положив ногу на колени хозяйки, присевшей на маленьком стульчике.

— Вывиха нет, а вот растяжение налицо, — авторитетно заявила тетя Уля. — Надо сейчас же компресс из тертой картошки положить да забинтовать потуже. . .

— Придется тебе, Петя, на руках до саней меня нести, — улыбнулась Наталья, — теперь мне с места не двинуться.

К утру боль в ноге не прошла, хотя опухоль спала. Опираясь на плечо Петьки, прихрамывая, Наталья добралась до саней. Запряженные лошади зябко вздрагивали, переминаясь с ноги на ногу. Маленькая дворняжка как ни в чем не бывало крутилась около розвальней, скуля и помахивая хвостиком.

— Счастливой дороги, с богом! — по-старушечьи перекрестила их тетя Уля. — Наведывайтесь, не забывайте знакомую. . .

Резко скрипя полозьями, в раскрытые настежь ворота порожние сани легко выкатились со двора.

Занаряженные товары — два тюка ситца, мешки с солью, ящики рябиновой настойки — были скоро на складе получены. Грузчики-женщины, обмениваясь шутками, быстро нагрузили подводы. Пока Петька оформлял документы, Наталья обогревалась в сторожке, сидя у горячей печурки.

— Никак муж твой, — тихо сказала полуслепая сторожиха, закрывая плотнее за ушедшим Петькой дверь, — расторопный, деловой. . . По брони, что ли, остался?

— По брони, по брони, бабушка, — улыбнулась Наталья, — броневой он у меня.

— Счастливая. . .

Вскоре все было уложено и укрыто брезентом. Петька помог Наталье выйти к саням. Медленно тронулись.

На передних розвальнях сидела Наталья, понукая медлительного, но сильного Ветерана; сзади, сдерживая норовистого Буланого, на ящиках с рябиновой высоко восседал Петька.

Дорога шла под изволок к старому собору. За кирпичной крестовой оградой собора начиналось серое зимнее поле, кладбищенский пустырь с покосившимися черными крестами.

В поле было холоднее, ветренее. Снежные ручейки набегали друг на друга на отшлифованной до блеска дороге и, не задерживаясь, скатывались в стороны. Вскоре облачное небо стало проясняться, и сквозь дымку туч проглянул розовый круг солнца.

Петя соскочил с саней и, разминая затекшие ноги, пошел сзади. Идти было легко — ветер дул в спину.

— Петя, иди сюда, — крикнула ему Наталья, отвернув воротник тулупа, — со скуки я одна вконец замерзла.

Увязая в снегу, придерживаясь за оглобли, Петька обошел Буланого и с ходу кинулся в передние розвальни. Наталья подвинулась, уступая ему место рядом с собой в передке на соломе. Из воротника тулупа виднелся только ее коричневый шерстяной платок, повязанный до бровей, да серые, с чуть заиндевевшими ресницами, по-мальчишечьи лукавые глаза.

— Болит? — спросил Петька, указывая на ногу.

— Не очень, — дыша ему в лицо паром, ответила Наталья, — застыла вот только вся. Холод сегодня до костей проникает.

— К рождеству дело идет, вот мороз и ярится.

— Пока до села доберемся, сосульками станем, — улыбнулась Наталья.

Дорога шла под гору. Сани сами погнали лошадь, и она засемила мелкой рысцей, громко екая селезенкой. Сзади, не отставая ни на шаг, трусил Буланый.

— Садись ближе, теплее будет, — шептала Наталья, запахивая полы тулупа и приподнимая воротник. — Ветер разгуливается, как бы метель к вечеру не сошралась. . .

Петька, неуклюже подгибая колени, придвинулся ближе к Наталье, боясь задеть ее больную ногу.

Бежали, крутились по сторонам дороги заснеженные поля, темные узловатые кусты на пригорках. Наталье казалось, никого, кроме них двоих, не было в этой снежной пустыне. Какая-то неосознанная грусть закрадывалась в сердце от этого снежного однообразия.

Полозья саней тянули свою мерную бессловесную песню, и если долго вслушиваться в нее, то кажется, различаешь какие-то слова. . . Вспомнился Виктор.

Наталья прижалась теснее к плечу Петьки, от этого стало теплее. Она чуть откинула воротник тулупа и ласково зашептала:

— Хочешь, я тебе расскажу, как мы с мужем, Виктором, полюбились? На сенокосе это было, в Сатисе на лугах. Мы с ним копны вместе к стогу свозили. После обеда пригласил он меня берегом реки пройтись. Я кивнула ему тайком от подружек: согласна, мол. Как сейчас помню: была на нем белая рубашка, фуражка с двумя белыми пуговицами над козырьком. . . У реки возле черемухи он остановился и прямо говорит мне: «Наташа, давайте с вами дружить крепко, без обмана». А у меня сердце забилося, глаза затуманились — слов не нахожу в ответ. Люб он мне давно был. Что ему сказать — и сама не знаю. . . Там он меня первый раз и поцеловал.

Наталья глубоко вздохнула. Дорогие воспоминания разбередили душу, на глазах показались слезы. Петька спросил:

— Письма давно были от него?

— Редко пишет. . . Последнее письмо неделю тому назад получила.

— На каком фронте воюет?

— Кто его знает? Полевая почта указана. . . Догадываюсь я, что где-то на Украине, а где — точно не известно.

На повороте показались жерди прясла и низкие избы, укутанные по застрехи в снеговые шали. Лошади свернули к заезжему дому портного дяди Ивана, у которого кременковцы всегда останавливались передохнуть на полпути. Петька помог Наталье войти в избу.

Портной, сидя у окна, плел лапти. В избе плавал кисловатый запах моченых лык и едкого самосада. Маленькая рыжая девочка лет семи со смешными конопатина-

ми на вздернутом носике очистила от одежды лавку у стола.

Дядя Иван медленно поднял голову и посмотрел на прихрамывающую Наталью. В ответ на ее приветствие тихо спросил:

— Ай подвернула ногу-то?

— Случилась беда. . . У тети Ули на ступеньках вчера оступилась. . . Ломит всю ногу.

Петька, сбросив с плеч тулуп, вышел дать лошадям сена. Портной, отложив недоплетенный лапоть в сторону, снял с шеи фартук, потянулся к кисету, лежавшему на окошке.

— Перед войной мы и забыли, что есть лапти на свете, — сказал он, сворачивая из газетной бумаги козью ножку, — ходили все по-городскому, в туфлях да щиблетах. А теперь вот опять к старинке возвращаемся. . . Одно слово — война. — Он глубоко затаился самосадам и спросил Наталью: — Заночуете, что ли? — Посмотрел в полузамерзшее окно на клубящиеся на сугробах снежные бурунчики и добавил: — Метель к вечеру соберется. . . Как бы не заплутать вам.

— Груз невелик, лошади торопко идут, — ответила Наталья, — может, засветло доберемся к дому.

Портной глубоко затаился самосадам, закашлялся.

— Перекусили бы чего-нибудь, — предложил он. — Мои все разошлись куда-то, мы вот с Полей на все хозяйство остались. . . Доченька, а ну-ка на стол мечи, что есть в печи. Мы мигом все устроим.

— Есть что-то не хочется, а вот чайку бы горяченького неплохо попить, — сказала Наталья, сбрасывая на плечи платок.

Вскоре на столе шумел самовар. Поля принесла из чулана голубые чашки и стала молча у маленькой печки, любуясь раздумяившейся, похорошевшей Натальей.

Со двора пришел Петька и тоже выпил чашку горячего чая.

— Спасибо за угощение, дядя Иван, — сказала, приподнимаясь и припадая на больную ногу, Наталья. — Здоровья вам, а нам в путь пора. Засиживаться долго нельзя. . . Помоги-ка, Петя.

— Счастливого пути.

Лошади с места взяли рысью. Розвальни заметались из стороны в сторону по разбитой дороге села. При вы-

езде из Ореховцев встретился глуховский обоз с хлебом. Мальчишки-подростки, укутанные с головой в отцовские тулупы, сидели неподвижно, как куклы, на мешках с зерном.

— Эй, мужики, вы живы или вконец застыли? — крикнула весело Наталья. — Сдается, позамерзали вы все. . .

— Живы, живы, — ответил из тулупа приглушенный девичий голосок. — Это Ореховцы, что ли?

— Да, да, Ореховцы! — крикнул в ответ Петька. — Погоняйте, скоро в тепле будете. . .

В поле металась поземка. Сейчас ветер дул сбоку, норovia согнать лошадей с накатанной дороги.

Петька опять перебежал в передние сани к Наталье.

— Напророчил дядя Иван! — крикнул он. — Метель к вечеру собирается!

Лошади, чувствуя приближение метели, все убыстряли бег.

Буран налетел внезапно. Небо сразу опустилось, даль закрылась серовато-свинцовой мглой, с сухим шорохом посыпался колючий снег.

Острее и надсаднее зазвенели телеграфные струны на придорожных столбах. Вскоре все забурило, как в котле.

Лошади сбавили шаг. Чувствуя на ощупь твердую дорогу, они неторопко шли, низко опустив головы, отворачиваясь от резких ударов ветра.

Петька привязал повод Буланого к передним розвальням и, подняв воротник тулупа, стал на колени перед Натальей, защищая ее сбоку от ветра. «Да, попали в завируху, — подумал парень, — теперь вся надежда на лошадей: не собьются с дороги — вывезут».

— Держись, Петя! — крикнула Наталья из воротника тулупа. — Беда нагрянула. Собьются кони — заметет нас к утру. . .

Сразу стало темно. Лошади, переминаясь с ноги на ногу, почти не двигались вперед. Петька не понукал их. Он знал, что в таких случаях лучше всего положиться на коней. Они сами найдут дорогу.

«А вдруг с пути собьемся? — остро замелькала мысль. — Несдобровать тогда! Если бы один был, то не так страшно, можно побегать, разогреться, а как быть с Натальей, с ее больной ногой?»

Словно читая его мысли, она крикнула:

— Петя, родной, гляди, чтобы лошади по ветру на чужой проселок не свернули. . . Свернут — какюк нам будет. . . Смотри, ночь только начинается, до рассвета в сосульки превратиться можно. . .

Петька старался определить направление ветра и напряженно, слезящимися глазами, всматривался в черные силуэты телеграфных столбов. Но что можно было в этой крошечной тьме увидеть, когда колючий снег слепит до боли глаза?

Ветер метался из стороны в сторону, потерялись и земля и небо. Вокруг что-то гремело, рвалось, плакало, хохотало. Казалось, сани плывут не по снежной дорожке, а кружатся в бурлящем океане. Петьке стало казаться, что они бесконечно долго едут в ночном буране, а дороги нет конца и края. Уже должны были показаться Выселки — деревушка из десяти домов, но она куда-то пропала в пурге.

— Выселки скоро ли? Ноги коченеют! — кричала Наталья сквозь ветер. — Не сбились ли?

Петька ничего не ответил. Он почувствовал, как сани катятся куда-то под уклон, подгоняя усталых лошадей. Буланый бился передними ногами о задок саней, испуганно храпел, обдавал Петьку холодными волнами пара.

Впереди что-то зачернело. «Избы, — обрадовался Петька, — наверное, Выселки, скоро в тепле будем».

Но черные силуэты домов почему-то не светились приветными огоньками. Лошади вплотную приблизились к чернеющей громаде и сразу же остановились как вкопанные. Петька выскочил из саней и, путаясь в полах тулупа, увязая по пояс в снегу, приблизился к темной громадине. Ею оказался огромный омет соломы, сложенной возле крытого колхозного тока.

Наталья еще не успела разобраться, в чем дело, а Петька уже обходил омет кругом.

Вскоре парень убедился, что ближняя к току сторона омета, откуда была выбрана солома, немного ниже середины и на нее можно легко взобраться. Впервые в жизни он пожалел, что некурящий. «Были бы спички в кармане, костер из соломы зажечь можно. А с костром никакой морозище не страшен».

План созрел мигом: а что, если заночевать в омете? Ведь пургу можно переждать в соломе. Так нередко де-

дали сельчане, попадая в такую же беду, и всегда живы оставались.

Запахавшийся, разгоряченный, он подбежал к розвальням.

— Наталья, слышишь, Наташа, — затормошил он продрогшую женщину. — Омет тут... думаю, пересидим в нем до рассвета, согреемся... Видно, с дороги мы сбились.

— Ой, Петенька, я вконец иззябла, — ответила полусонным голосом женщина, — ноги деревенеют от холода... Делай что хочешь, лишь бы спастись нам...

Петька подогнал лошадей ближе к соломенной гряде, сбросил тулуп на колени Наталье, взобрался в омет. Негнущимися пальцами разбросав в стороны снег, он начал сдирать верхний смерзшийся слой соломы. Плотно слежавшаяся, она с трудом поддавалась, но внутри отдавала теплом, и Петька, сбросив рукавицы, заработал еще быстрее, не замечая ни ветра, ни снега. Кислый запах прели и мышей остро ударил в нос, Петька задыхался, чихал и работал, работал...

— Живы будем — не пропадем, — бубнил он себе под нос, — нас голыми руками не возьмешь, мы кременковские...

Волна самозабвенной радости охватила парня. Он теперь твердо знал, что они спасутся от стужи, что никакая метель в омете им не страшна.

Петька трудился без передышки, разогрелся и через полчаса, а может через час, широкий соломенный колодец был вырыт в рост человека.

Теперь предстояло самое трудное — перенести в эту соломенную берлогу закочевевшую, с больной ногой женщину.

Сняв с плеч тулуп, Наталья с трудом поднялась с саней, опираясь на Петьку. Одеревеневшие ноги почти не сгибались. Вся она дрожала, сделалась тяжелой, вялой.

Петька закинул ее левую руку себе на шею, охватил крепко за талию и понес к омету.

— Ничего, сейчас согреемся, — подбадривал он Наталью, — вот так... еще немного.

Превозмогая боль, женщина неловко вскарабкалась наверх и сразу же утонула в теплой соломе. Петька достал из саней тулуп, прикрыл им с головой Наталью и

принялся распрягать лошадей. А вьюга ярилась все пуще. Ветер гудел колокольным звоном, остервенело бросался колючим снегом. Распряженных лошадей Петька поставил вплотную друг к другу у омета. Они пугливо прыдали ушами, вздрагивали всем телом. Петька, словно попоной, накрыл их своим тулупом и, не мешкая ни минуты, побежал к саням. Отстегнув у задка брезент, он достал из ящика бутылку сельмаговской рябиновки и полез на омет, в соломенный колодец к Наталье.

Она уже немного отогрелась, стала приходить в себя. Петька опустился рядом и, задыхаясь, шепотом сказал:

— Вот принес рябиновку, сейчас согреемся. . .

Острой шпилькой поясного ремня он на ощупь с трудом открыл бутылку. Усаживаясь поудобнее и боясь стеснить Наталью, почувствовал, как круглое плечо Натальи мягко уперлось в его грудь, а полусогнутое колено здоровой ноги оказалось на его коленях.

— Ноги с пару зашлись, — проговорила она глухо, — ломит все косточки. . .

— На, выпей прямо из горлышка, — сказал Петька, отыскивая на ощупь ее руки, — согреешься. . .

Холодная терпкая жидкость обожгла горло. Наталья пила маленькими глотками, чтобы не поперхнуться. Вдруг женщина закашлялась и, переводя дыхание, передала бутылку Петьке:

— Допивай сам, у меня уже голова закружилась. . .

Петька выпил больше половины бутылки и выбросил пустую посуду через голову в снежную крутоверть, натянул плотнее тулуп над головой и почувствовал, как теплая истома стала разливаться по всему телу. Показалось, что он куда-то плывет, мягко покачиваясь на воздушных волнах. В полудреме откуда-то издали донесся ласковый шепот Натальи:

— Обними меня, вот так, крепче. Фуфайку расстегни. . . Так теплее будет, тело к телу, скорее согреемся.

Выбившиеся из-под платка волосы Натальи шекотали лицо парня. Руки женщины крепким кольцом сомкнулись вокруг его тела. Податливые груди Натальи уперлись в его грудь. У Петьки занялся дух. Он чувствовал, как холодные снежинки падают ему за воротник, тают и холодными струйками бегут по спине, но боялся пошевелиться в горячих объятиях женщины.

— Петя, миленький, как хорошо, — зашептала захмелевшая Наталья и коснулась губами его щеки, — мы с тобой сейчас, как муж и жена, в обнимку. . .

Она еще что-то шептала, но Петька плохо понимал смысл ее слов. Вдруг она разом как-то стихла и заснула, поникнув головой на его грудь.

А Петька не спал. Даже здесь, в удушливой прели соломы, здоровое женское тело источало весенние запахи, от которых кружилась голова, пересыхали губы. Петька дотянулся воспаленными губами до ее волос и осторожно поцеловал лоб. Женщина чуть заметно вздрогнула во сне и опять ровно и тихо задышала.

Парень был счастлив. Ему было так хорошо, как никогда еще в жизни. Он чувствовал себя в ответе за эту женщину, беспомощную, беззащитную. Хмель все больше и больше горячил голову. Воображение уносилось далеко от этого душного омета и злой вьюги. Петька уже видел себя сказочным богатырем, спасающим свою любимую из рук огненного чудовища. Любимая — а это была Наталья — лежала в его объятьях, а он скакал на сером разгоряченном коне по горам и долам, упоенный победой над врагом.

Он не заметил, как уснул, крепко, без сновидений. К рассвету правая нога у него занемела. Проснувшись, он почувствовал, как острые иголки колют голень и бедро. Он не сразу сообразил, где находится, и только когда ощутил теплое дыхание Натальи, вспомнил, что произошло.

Сбросив с себя остатки сна, он удивился непонятной тишине, окружающей их. Пугливая, настороженная, она окутывала все вокруг. В душной прели соломенного колодца она была особенно давящей, до звона в ушах. . .

— Наталья, проснись, — сдавленно и глухо проговорил Петька, осторожно тормоша женщину, — вьюга, кажется, унялась. . .

— Как, что? — ничего не понимая спросонок, заговорила испуганно она, а потом, сладко потянувшись, отчетливо проговорила: — Ой, Петенька, какой я сон чудный видела — и рассказать невозможно. . . А как душно в этой поре, я вся мокрая стала. . .

— Сейчас мы узнаем, что творится на белом свете.

Отбросив в сторону тулуп, Петька вместе с клубами пара вылез наверх.

Румяное, холодное безмолвие зимнего восхода кровенилось над заснеженными полями. Недалеко от ометов розовела купа сосен. Впереди на западе виднелось село. В морозном безветрии высоко поднимались над крышами седые дымы.

Петька прыгнул с омета. Увидел занесенные снегом розвальни, заиндеветших лошадей, лениво жующих солтому. Он подошел к ним, потрепал ласково за холки. Тулуп, которым были укрыты лошади, валялся поодаль на снегу. Всю ночь животные терлись около омета, согревая друг друга, меняясь местами. Омет в этом месте был чист от снега, соломенная шелуха желтела в ногах лошадей.

Из-за облаков показался ярко-розовый краешек солнца.

— Петя, помоги слезть, — позвала Наталья, стоя на коленях у края омета, — нога как будто немного отошла. . .

Парень легко подхватил женщину и поставил осторожно рядом с собой на снег.

33

Ба-а-мм! . .

Ба-а-мм! . .

Редкие басовитые удары глухо падали с колокольни, катились над селом, медленно замирая в морозном воздухе. Серые ленивые вороны пугливо взметнулись над ветвями церковных берез и полетели прочь от звонницы на утонувшие в сугробах прясла конопляников.

Захлопали калитки дворов, закудахтали разбуженные куры на насестах. В церковь по глубоким натоптаным тропинкам от изб потянулись редкие фигурки богомольных старушек и печальных солдатских вдов, шли, чтобы в молитвах заглушить свое неутешное горе.

Службу в церкви опять правил отец Василий, невесть откуда появившийся в селе. В тридцатых годах, в коллективизацию, его выслали из Кременок за антисоветскую пропаганду в церковных проповедях. Через год прошел слух, что он скончался. Матушка после его высылки прожила недолго. Была болезненная, тихая, страдала тай-

ным запоем, отчего вскоре и отдала душу богу. Взрослые дети разъехались кто куда.

И вот осенью этого года, к удивлению сельчан, отец Василий неожиданно появился в Кременках. Поселился у одинокой вдовы Крупнихи и принялся за сапожное ремесло. Годы, проведенные на Севере, видимо, не прошли для него даром.

Там он научился тачать сапоги и в совершенстве овладел этим ремеслом. Для сельчан чинил обувь добротню, как говорил сам — на года. Был он маленький, тщедушный, с редкой бороденкой клинышком, ну точь-в-точь такой, какими рисовали «служителей культа» в тридцатых годах на страницах сатирических журналов.

Когда стали приходиться похороны в село, старики и старухи начали ежедневно наведываться в сельсовет и просить председателя Нюру Грабичеву:

— Надо открыть церковь, чтобы помолиться за убитых, не то земля их не примет. . .

В один из осенних вечеров в сельсовет пришла целая делегация стариков, старух и молодых вдов, одетых в печальные черные зипуны. Заговорили плаксиво, перебивая друг друга, что, мол, и церковь пустует, и поп есть, почему же не уважить просьбу стариков? Вреда от этого никому не будет.

И вскоре под расписными высокими сводами, у золоченого алтаря с резными царскими воротами, задребезжал голосок отца Василия. Дьякона во всем приходе не нашлось, и его обязанности исполняли попеременно две монашки, те, что с осени служили молебны по избам. Они-то, видимо, и были главными ходатаями, чтобы церковь была вновь открыта.

Отец Василий в своих проповедях уже не проклинал, как в прошлые годы, советскую власть, а провозглашал с амвона здравицу в честь русского воинства и предавал анафеме антихриста Гитлера, ввергнувшего человечество в пучину кровавой войны.

После гибели мужа лесничиха Галина не пропускала ни одного богослужения. Одетая во все черное, как монашенка, она неизменно становилась на своем облюбованном месте у левого клироса, вблизи большой иконы Серафима Саровского — чудотворца. Молилась истово, кладя поклоны за пропавшего без вести мужа.

В это утро воскресная служба затянулась. Отец Василий в своей проповеди долго говорил о мужестве советских воинов, о том, как теснят они гитлеровских захватчиков, отгоняя их прочь от священной столицы Москвы. Рассказывал прихожанам о зверствах фашистов в захваченных ими советских районах.

Обедня закончилась во второй половине дня. Галина в толпе молящихся подошла к кресту, поцеловала его из рук отца Василия и вышла на паперть. Белый свет зимнего дня больно ударил в глаза. Она зажмурилась и невольно схватилась за холодное железо перил: от свежего воздуха закружилась голова и она чуть-чуть не потеряла сознание.

— Что, миленькая, ай дурно стало? — подхватила ее под руку худенькая, со сморщенным картофельным личиком Анфиса Белухина.

— Нет, ничего. . . — горько улыбаясь, проговорила Галина, — теперь уж лучше. В глазах отчего-то потемнело. . .

— А ты дыши глубже, оно и пройдет. У меня после бани всегда так бывает, а подышишь — и проходит.

Немного постояв, отдышавшись, они стали спускаться по скользкой тропинке церковной кручи вниз к кузнице.

День был пасмурный, тихий. Плакучие ивы у пруда покрылись пушистым инеем.

— Твой-то когда погиб? — спросила скорбным голосом Анфиса лесничиху.

— Шестой месяц пошел. . . — ответила Галина и печально добавила: — Да что же теперь делать? Горя у всех вон сколько! Похоронки, почитай, каждый день приходят. В церкви молебен за молебном по убиенным служат. . . Сегодня вот за Сидорова Алексея да Пастухова Александра служили. Вчера за Вальку Занькова. Молодой погиб, почти мальчишка, осенью только взяли. И не жил совсем на белом свете. . .

— Говорят, на Выселках одна женщина повесилась, как узнала, что муж ее погиб. Как получила похоронку, два дня убивалась по мужу, уж больно его любила. Двое детей остались на руках. А на третий день, сказывают, затопила среди недели баню, выкупала детей, обрядила их в чистое белье и сама выкупалась. После бани забежала к соседке и попросила, чтобы та посмотрела за

детьми, а сама взяла веревку — да в ригу. Вечером дети крик в доме подняли, соседка забежала, а матери нету. Сидят малые за столом, режут. Спрашивают — куда мать ушла, а они ничего не знают. Соседка-то и учуяла, что здесь что-то неладное, видно, сердце ей подсказало. Кинулась туда-сюда — во двор, на погребницу, в баню, — звать стала, никто не откликается. Она и загляни в ригу, а солдатка висит в петле в самом нарядном платье, в том, что под венец с мужем ходила. Когда ее хоронили, все село плакало.

— Хоть бы детей-то пожалела. Куда они теперь денутся? По миру пойдут, что ли?

— В детский дом определяют. Погибнуть в наши дни не дадут ребятишкам, добрые люди всегда найдутся.

Близко от дороги, на мельнице, громко застучал локомотив. У дверей незнакомая женщина, укутанная большим платком, таскала из саней мешки. Мальчонка в рыжем полушубке и серых не по росту валенках придерживал лошадь, пугающуюся шума и суеты, творящихся вокруг. Мальчонке было тяжело, не по силам, но держался он солидно, как заправский мужик.

— Господа бога прогневили люди, — заговорила нараспев жалобным голосом Анфиса, — вот и карает народ. Сказано в священном писании: «В поте лица своего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из коей взят. Ибо прах ты и в прах возвратишься».

— Господь бог милостив, — тихо возразила Галина, — это антихрист карает людей, антихрист в облике Гитлера.

— Может, оно и так, — со вздохом согласилась Анфиса, — только чует мое сердце, что не без десницы божьей идет все горе.

— Говорят, Гитлер верит в бога, — возразила тихо Галина. — А зачем послал войска, чтоб людей убивать?!.. Ни детей, ни стариков не жалеют — сегодня отец Василий говорил в проповеди.

— Отцу Василию не всегда верь. Он стал красным попом, а от таких господь бог отступился.

Возле сельмага пути женщин расходились. Анфиса пошла низом на свою улицу, а Галина поднялась на гору, к магазину, за спичками и солью. С горы село просматривалось во все стороны. Под заснеженными крышами чернели стены изб, амбаров, на огородах и усадьбах резко

выделялись на белом снегу плетни, жерди прясел. У конного двора, за школой, виднелась груда составленных телег и дрог с задранными вверх оглоблями.

Пешеходы встречались редко, село словно вымерло, ни детского крика, ни девичьих песен под гармонику. Лишь с Боташевой улицы от колхозного склада долетал приглушенный стук веялки.

В сельмаге густел полумрак. Единственное зарешеченное окно мало пропускало света. Привыкнув к темноте, Галина увидела Нину-продащицу, одиноко сидящую на маленьком стульчике у топящейся печурки в углу.

— Здравствуйте вам, — проговорила ласково лесничиха, кланяясь по-деревенски. — Безлюдно сегодня у вас, тихо. . .

Нина поднялась.

— Нет торговли, так кое-что по мелочам отпускаю, да и товаров совсем не стало. Согрейся малость, вдвоем веселей, одного поля ягоды — солдатские вдовы. . . Мой, как встретил войну на границе, словно в воду канул, ни слуху ни духу. Одной надеждой живу, может, в партизанах ходит.

Нина пододвинула лесничихе табуретку, а сама присела на стульчик, тихо заговорила:

— Проходят наши молодые годочки, уплывают, как вешние воды, неведомо куда. Сельмаг да дом — вот и дорожка вся. . . А в прошлом году, в эту пору, как сейчас помню, мы с мужем участвовали в окружном смотре художественной самодеятельности. В Минске это было, в Доме офицеров. В фойе еще елка оставалась после новогоднего вечера. . . Все было в электрическом свете. Везде музыка, песни, веселые разговоры. Я от нашего гарнизона в молодежном танце выступала. Как сейчас помню, выбежали мы на сцену в белых легких платьях, в туфельках-лодочках. А в волосах у нас были бантики, точь-в-точь как у девчонок-десятиклассниц. . . Завертелись, как метелица. Ноги сами носили. . . Аплодировали нам без конца. Сам командующий округом похвалил наш танец. — Нина зажмурилась от воспоминаний. Боже мой! Как давно все это было и как недавно! — А в конце программы я выступила в татарском танце. На мне была оранжевая короткая юбочка, отороченная на подоле черной лентой, красная плисовая жилеточка, стянутая

шнурком, и красная шапочка с плоским верхом. А на ногах сапожки на высоком каблучке. Танцевала я легко, хлопали мне страсть как долго! Почетной грамотой за смотр отметили, в подарок духи «Красная Москва» дали. . .

Она умолкла.

— До войны все было хорошо, — сказала Галина. — Вот мы с Игнатом в лесу жили одни, а скучно нам никогда не бывало. Веселый он был, общительный, со всей округой дружбу вел. Бывало, не успеет встать с постели, и уже песни поет. Стану его укорять: мол, постыдился бы горло надрывать, ведь на дворе еще ни свет ни заря, а он улыбается да еще пуще затынет. «Новый день надо начинать с песней. Чего нам с тобой горевать? От грусти и глаза тускнеют, и волос редеет, и дороги впереди не видно. И так мы с тобой за четверых нагоревались. А у нас жизнь заново начинается. . .»

Тяжелая дверь магазина со скрипом отворилась. На пороге показалась маленькая фигурка семилетней девочки, укутанной в большой материн платок. Девочка шмыгнула носом, подошла к печурке, где сидели женщины.

— Тетя Нина, мама наказала, чтоб я соли купила. . . вот деньги. . .

Девочка протянула на маленькой розовой ладони блестящий гривенник.

— Ты чья будешь? — спросила ласково Нина.

— Кузнеца Кирейчива я. . . Ксюша. . .

— Пишет отец-то?

— Вчерась получили. Письма долго идут. . . На Севере он воюет, у самого студеного моря. Им там трудно, холода страшные, а погреться негде. . . Мама собирается ему варежки и свитер послать.

Нина, гремя на прилавке весами, отвесила девочке крупную рассыпчатую соль.

— Сумочка у тебя есть?

— Мама чулок дала, из него соль не просыпается.

Уходя, девочка сказала «до свидания» и осторожно прикрыла за собой дверь.

— Бедненькая! . . Сама от горшка два вершка, а говорит, как взрослая, — запечалилась Галина. — Дети тоже научились горе понимать.

— Война всему научит.

Галина поднялась со стульчика, заторопилась домой. — Я тоже пойду. Ты мне, Нинушка, свешай соли. За-светло до кордона надо добраться.

В серых, подшитых толстой кошмой валенках Галина осторожно спустилась по леденистой горке от магазина и пошла вверх по широкому проезду, разделяющему Бобылевскую и Новодеревенскую улицы. Две глубокие, блестящие от полозьев колеи да взбитый меж ними подковами желтый снег напоминали, что дорога эта бойкая, накатанная.

Галина вспомнила, как они с Игнатом пришли по этому большаку первый раз в Кременки. В селе было празднично. В этот день вручали колхозу Акт на вечное пользование земель. На улицах голосили гармоники. Девушки в цветных платьях, парни в ярких рубашках и черных фуражках с белыми пуговицами над блестящими козырьками гуляли по улицам, распевая частушки. Степенные мужики, собравшись в кружки у новых срубов, захмелевшие, обсуждали колхозные дела. Даже старики — и те в новых поддевках, черных картузах вышли на зава-лилки.

Для Галины, жившей в мордовском селе, все здесь было новым. Особенно в тот день понравилась ей стройная красивая девушка с длинной косой, певшая под гармонь частушки.

Они в тот день познакомились. Песенница оказалась замужней женщиной — Натальей Бугровой, а играл ей на гармошке муж, Виктор.

Теперь и на дороге и на улицах было тихо, безлюдно. Частокол у дома Грабичевых покосился и наполовину упал на снег. У крыльца валялись занесенные снегом толстые бревна, старые доски. «Нет мужика в доме — нет и порядка, — подумала Галина. — Одной Глафире с тремя детьми трудно управляться по хозяйству. Все идет вразброд, все кувырком». За усадьбами прямая зимняя дорога с темнеющими вешками уходила далеко к темно-синему лесу. Серые облака низко плыли над полем. И думы, как серые облака, одна грустнее другой, пронеслись в голове, от них становилось муторно на душе.

У Мешихинского оврага ее повстречал дядя Николай с возом дров. Худая лошаденка с трудом тащила в гору сани с мелким осинником.

— Здравствуйте, дядя Николай. С Сатиса, что ли?

— Знамо, оттуда. . . С осени наготовил, на старых порубках. Лошадь сегодня у бригадира выпросил, да больно уж транспорт ледащий. . .

— Счастливо доехать.

Скрипнули оглобли. Дядя Николай причмокнул, подгоняя коня, потом вдруг остановился и кинулся к женщине:

— Галина, постой на минутку! Вот чертов дурень, чуть было не забыл совсем про новость! . . . Встретил на Гогинском кордоне Нюрку Фатину из лесничества, передала, что на твое имя письмо с фронта в лесхоз пришло.

— От кого письмо-то? — ахнула Галина и замерла на месте.

— Бог его знает, может, и от Игната. Беги скорей в лесничество, там все и узнаешь! . . .

— Спасибо, дядя Николай, — затвердевшими губами, чуть слышно проговорила Галина, чувствуя, как спазмы сжимают горло, — сейчас пойду.

Чаще застучало сердце. «Может быть, от Игната? Может, нашелся он? Война идет страшная, всякое может случиться. . .»

Галина ускорила шаг, быстро дошла до леса. В заснеженном безветренном мелкоколосье от быстрой ходьбы стало жарко. От сторожки навстречу бежал Полкан, от радости повизгивая и крутя обрубленным хвостом.

— Полканушка, родной, чует мое сердце, что-то случится сегодня. Недаром чудной сон привиделся, святые ангелы пели на облаках. . . Пойдем сейчас же в лесничество.

Полкан радостно завизжал, бросился скачками через сугробы к колодцу, распугивая бродивших у ворот кур.

На ходу перекусив горячей картошкой, Галина почти бегом отправилась в лесничество. Чего только не передумаешь в зимнем вечернем лесу, безлюдном и тихом! Но теперь у Галины в голове жила одна мысль: может, жив, может, письмо-то от него. . .

От кордона до рабочего поселка, где находилось лесничество, было три версты. Совсем стемнело, когда Галина дошла до поселка. В домах — ни огонька. Со стороны лесопильного завода доносились неровный шум пилорамы, прерывистое пыхтенье дизеля, Полкан бежал

вперед, оглядываясь по сторонам. Из-за угла длинного барака, в котором жили лесорубы, на него наскочила черная взлохмаченная дворняжка. Полкан сердито твякнул, собачонка испуганно заюлила, присев на задние лапы.

По скользким ступеням скрипучей лестницы Галина поднялась на второй этаж, в дежурную комнату лесничества. За столом у затемненного окна сидела сторожиха тетя Настя, вязала из белой шерсти варежки. Яркая, низко свисавшая с потолка лампочка без абажура освещала ее усталое лицо, седые пряди, выбившиеся из-под платка. Увидев раскрасневшуюся, возбужденную от быстрой ходьбы Галину, сторожиха по-матерински улыбнулась.

— Радость-то, Галюшка, какая! Письмо тебе от Игната пришло. . .

На мгновенье черная пелена закрыла свет, и Галина, чтобы не упасть, ухватилась за стол. Чужим, глухим голосом спросила:

— Как же это так, а? — и словно подкошенная опустилась на скамью.

Откуда-то издалека долетел до нее ласковый голос Насти:

— Вот оно, письмо-то, на, возьми. . .

Дрожащими, не своими руками Галина взяла письмо из рук сторожихи и сразу же на конверте узнала руку Игната. Приложила письмо к груди, невидящими глазами посмотрела на свет и разрыдалась.

— Не реви, дурочка, — тетя Настя ласково гладила ее голову, — тут радость такая, а она в слезы. . .

Письмо было написано на листке желтой бумаги. Галина первый раз пробежала глазами без остановки, затем стала читать, вглядываясь в каждую букву.

Игнат писал: «Здравствуй, моя любимая, моя единственная жена Галина. Прими низкий поклон и горячий привет от твоего мужа Игната. Во-первых, сообщаю, что жив и здоров, чего и тебе желаю. Не писал я долго, и на это были причины, в которых я не виноват. Ты теперь не волнуйся, я жив и здоров. Нахожусь опять среди своих боевых друзей. А был я там, откуда и весточки нельзя послать. Был там, откуда редко живыми возвращаются. Мне повезло, я, видишь, вернулся. Наверно, ты помогла мне, твоя любовь. То, что я испытал, об этом в письме не

расскажешь. Бог даст счастья, вернусь домой, обо всем расскажу. Рассказа нам хватит на всю жизнь. Как ты живешь? Скорее напиши мне. Я очень скучаю по твоим письмам. Когда тебе будет трудно, иди к добрым людям. Добрых людей на свете больше, чем злых. А еще я тебе хочу посоветовать — бросай свой кордон и переходи жить и работать в колхоз. В лесу одна с ума сойдешь. На людях и горе легче переносить. Сходи к Михаилу Кузьмичу и поговори с ним. Он мужик правильный, плохому не научит. Моя дорогая, я сильно скучаю по тебе. Хочется услышать тебя, посмотреть на твое лицо. Береги себя. Мы обязательно встретимся. Только ты жди меня. На этом я заканчиваю свое письмо. Жду ответа, как ласточка лета. Передавай поклоны всем близким и знакомым. Любящий тебя твой муж Игнат».

Плохо соображая, Галина вышла из лесничества и зашагала по темному лесу к дому. Ее радость передалась и Полкану — он визжал, забегая вперед, кувыркался в снегу, бросался на грудь хозяйке, стараясь лизнуть ее в лицо.

— Полкашенька, родной, жив ведь наш Игнатушка, понимаешь, дурачок? Жив он! . . . — шептала радостно Галина. — Дошли до бога мои молитвы. Помог всемилостивый спасти Игната. Слава тебе, господи! Завтра же в церковь схожу, молебен отслужу о здоровье раба божьего Игната.

Пришла она на кордон в полночь. Засветила лампу. Разделась, села к столу и до рассвета писала письмо Игнату.

Твердо решив, по совету Игната, покинуть кордон и перейти на работу в колхоз, отправилась утром в лесничество. Как ни уговаривал ее лесничий Семен Васильевич Тишин остаться на кордоне, какие веские доводы ни приводил, женщина настояла на своем. Подала заявление об уходе и тотчас пошла в Кременки, к председателю колхоза.

34

Студеным и метельным выдался февраль. По целым неделям дули с восточной стороны хлесткие ошалелые ветры, крутилась над полем сухая поземка, морщина снежную гладь. У домов, амбаров, по склонам оврагов

росли причудливые сугробы с круглыми залысинами, снежной пылью дымились коньки крыш и повети дворов. А когда устанавливалось ненадолго ведро — в белесом небе вокруг солнца возникал радужный ореол и наступали такие морозы, какие редко помнили старожилы.

В одно такое морозное утро из Кременок в районный центр вышло пять человек. Возглавлял группу по старшинству дядя Николай. С ним шли Наталья, лесничиха Галина, молодые девушки Надя Пантелеева и Нюся Егорова. У всех пешеходов, кроме Натальи, за плечами были большие, туго набитые «сидоры».

Наталью с вечера вызвали в райком телефонным звонком — на утверждение кандидатом в члены партии. Остальные направлялись, по рекомендации колхоза, в МТС на курсы трактористов.

Шли гуськом по еле видимой дороге, отворачиваясь от несильного, но ледящего бокового ветра. У женщин, закутанных в платки, виднелись только глаза с заиндеветыми ресницами. Борода и усы дяди Николая превратились в сосульки.

Галина напевала про себя в такт размеренному шагу псалом «Живые мощи», которому научили ее монашки на кордоне. Получив письмо от мужа, она поверила, что свершилось чудо, приписала спасение Игната воле божьей, заметно оживилась и ушла с кордона в село.

Поселилась она у Грабичевых, через дом от Натальи. Первое время нигде не работала, ходила ежедневно в церковь, водила дружбу с монашками. Наталья видела, что Галина все больше и больше запутывается в сетях поповского дурмана, решила прийти ей на помощь. Когда позвонили из района в правление и попросили выделить четырех человек на курсы трактористов в МТС, Наталья первой предложила кандидатуру Галины. «Женщина грамотная, не знает, где силы приложить, — сказала она Михаилу Кузьмичу, — пусть овладеет техникой, да и от наших подальше будет».

Перед уходом на курсы Галина в последнюю ночь посоветовалась с «духовными сестрами» — идти в район или нет?

— Иди, милая, иди, — напутствовала ее старшая сестрица Евлампия, — любая работа богу угодна. Все будет хорошо. . .

На спуске в Рузаново — небольшую деревушку в полсотни домов — из высокой меловой горы бил родник, не замерзающий и в сильные морозы. Путники спустились к нему, увидели в клубах пара причудливо намерзшие бугорки по краям небольшого водоема. Здесь было безветренно, слышалось весеннее бульканье воды, а там, где вытекающий из водоема ручеек скрывался подо льдом, что-то грустно звенело.

— Силища какая, а! — проговорил восхищенно дядя Николай. — Никакие холода не берут! . .

Над заснеженными крышами домов распластывались дымы. Деревня просыпалась.

От родников путники поднялись прямо в гору и поступались в крайний дом, к Егору Модянову — дальнему родственнику дяди Николая. На крыльцо, в наброшенной на голову шерстяной шали, вышла хозяйка Мария Филипповна — полная, с ярко-пунцовыми щеками женщина.

— Здравствуй, кума, — хрипло сказал дядя Николай, сбрасывая с головы брезентовый башлык, — принимай гостей, а то мы вконец заоченели. . .

— Заходите, заходите, родимые, — проговорила Филипповна нараспев, отступая в сторону, — лют морозище — прямо страх. . .

— Твой дома, что ли?

— Куда там! . . Военкомат мобилизовал на станцию Пильню ложи для ружей тесать. Вот уже третью неделю нету дома. Одна тут с внуком воюю. Сноха по целым суткам с фермы не приходит. . .

В избе было темно и тепло. Маленькие окошки с двойными рамами промерзли насквозь и с трудом пропускали свет.

Осмотревшись, дядя Николай снял у порога «сидор» и прошел вперед, к чуланной перегородке. В избе пахло картофельными блинами и конопляным маслом.

Не спеша дядя Николай очистил с усов и бороды со-сульки, по старому русскому обычаю трижды перекрестился перед темными иконами, висевшими в углу над столом, и только сейчас заметил сидящего рядом шестилетнего Степку, внучонка Филипповны.

— Степка, никак это ты? — спросил он весело.

Мальчик шмыгнул носом и ничего не ответил.

— Он, а кому же быть! — ответила за внука из чулана Филипповна. — С утра ест блины. Неслухом растет, страсть какой. . .

Степка еще сильнее зашмыгал носом.

— Ну ладно-ладно, будя, — ласково сказала Филипповна, подходя к внуку, — и пошутить с тобой нельзя. . . Доел блины — и марш на печку. Люди с холода пришли, отдохнуть хотят, а ты место за столом занимаешь. . .

Степка не спеша, угловато вылез из-за стола, поправил лямку штанов на плече и ловко, в момент, вскочил по приступкам на лежанку.

Женщины, помогая друг другу, сняли у дверей заплечные мешки.

— Проходите к столу, — засуетилась Филипповна, — блинчиков попробуйте. . .

На отсыревших темных подоконниках были рассыпаны конопляные семечки. У подтопки, стоящей у стены, лежали разбросанные березовые дрова. С потолка на длинном проволочном крючке свешивалась трехлинейная лампа с большим закопченным кружком.

Дядя Николай знал, что Филипповна считалась самой аккуратной женщиной в деревне, все у нее в прошлые годы в избе блестело, сверкало, удивляло необыкновенной чистотой и порядком, а сейчас даже не было на окошках привычных горшков с геранью. «Не доходят до всего руки, — подумал он, — и сюда война заглянула. . .»

— Сын Тимофей что пишет? — спросил он у Филипповны, кивая головой на висевший на стене портрет. — Вылитый отец в молодости. Вот уж похож так похож!

— Пишет, пишет наш соколик, — всхлипнула Филипповна, — на днях вот карточку прислал. . .

Она подошла к простенку, достала из-за большого зеркала конверт, подала его дяде Николаю.

— Погляди, какой гусар. . . Пишет, что командиром назначили, медаль дали. Сам генерал благодарность объявил.

Дядя Николай не спеша достал очки из кармана, принялся читать письмо. Женщины долго с любопытством рассматривали карточку, на которой Тимофей был снят в полный рост на фоне белой украинской хаты.

— Блинчиков отведайте, — проговорила Филипповна, вынося из чулана на тарелке горку картофельных блинов. — Садитесь к столу.

На столе появилась алюминиевая мисочка с розовой подкипевшей ряженкой.

— Что ж, бабоньки, чтобы не обидеть нашу хозяйку, давайте отведаем блинков на дорожку, — улыбнулся дядя Николай. — Я знаю, моя кума всегда отменные блины печет. . .

Женщины подсели к столу, не торопясь, как принято в гостях, стали есть.

— Что у вас новенького слышно в Рузанове? — спросил у кумы дядя Николай. — Чаю, похоронки часто приходят.

— Приходят, приходят, кум, — ответила со вздохом Филипповна, — куда они не приходят. . . У нас тут на днях такая история случилась, что вся деревня только об этом и говорит.

— Что же за история такая?

— Ты знаешь, наверно, Митрофана Ковалева, что на выезде у моста живет. Лысым его кличут в деревне. У него был сын Василий, гармонист, умница, на тракторе работал. Накануне войны весной он женился. Взял в жены первую красавицу в Рузанове — Полю Ястребову. Свадьбу целую неделю гуляли, столы от вина и еды ломались. Вася с Полей два года встречались, осенью ему в армию надо было бы идти, вот он и решил жениться. А тут война. . . Васю одним из первых на фронт забрали. Полюнька осталась в доме Митрофана на правах солдатки. Ей бы домой уйти да у отца-матери Василия ждать, а она осталась у свекора, при больной свекрухе, словно сиделка. Боялась, что злые языки судачить будут, если она домой уйдет.

Баба она молодая, ядреная, кровь с молоком, любую работу в колхозе с шуткой да прибауткой делала. В Митрофане и выиграла дурная кровь. Шутка ли, ему только полвека исполнилось, мужик, как говорят, в соку, а он при собственной больной жене уже десять лет словно вдовец ходил. А тут под рукой молодая сноха. . . Он и начал ее, словно петух, обхаживать. Сам-то он печником работал, лишние деньжонки всегда у него водились. Вот и начал он опутывать сноху. То ей платочек новый тайком от своей благоверной купит, то кулечек конфет из района принесет. Если трудная работа ей выпадала, то сам шел вместо нее. — Филипповна, глубоко вздохнув, продолжала: — Правдой или обманом улестил старый молодую

сноху и стал жить как с женой, почти не хоронясь от законной супруги. Сказывали, будто он Полюшку в бане снасильничал, выследил, когда она одна купалась. С тех пор люди стали замечать, что Полинька как-то лицом потемнела, осунулась. «По мужу сохнет, — думали люди, — сейчас у всех на сердце горе». А тут и пришло письмо от Василия, что он ранен и лежит в Рязани в госпитале. Сказывали, что Полинька несколько раз собиралась к нему поехать, навестить, а Митрофан не пускал. Видно, ревность взыграла в нем. А тут возьми да и приди домой Василий сам. Заявился, никого не известил, отпуск ему на две недели дали.

Полинька с радостью мужа встретила, а родной отец ходит по дому, зубами скрипит, места себе от ревности не находит. Мать ничего Василию о домашних делах не сказала, только горько расплакалась.

Вечером, после бани, сели за стол чай пить. Соседи, родные в гости пришли. Митрофан старался казаться веселым. Как водится, выпили, закусили, разговоры о войне повели. Засиделись за полночь, гости разошлись, а молодые отправились спать в горницу на супружескую кровать.

А наутро все Рузаново сбежалось к дому Ковалевых. Больная Ковалиха разбила окно и, вся в крови, стала выть по-волчьи на всю деревню. Люди вбежали в дом и увидели в кровати с разбитыми черепами Василия и Полюшку. Все стены горницы, пол и потолок были в крови. У кровати валялся топор. Кинулись в чулан, а там на ремнях вожжах висит Митрофан в белом исподнем белье. . . Значит, порешил он из ревности сына с невесткой, а сам повесился. . .

— Вот это история! — удивленно протянул дядя Николай. — Нарочно не придумаешь.

— Вчера всех троих похоронили, — прослезилась Филипповна. — Молодых-то как жалко! А ему, старому черту, гореть в геенне огненной.

Надя и Нюся о чем-то зашептались друг с другом, Галина перекрестилась, встала из-за стола.

— Наговорила ты нам, кума, такого страшного, что ночью и спать не будешь. Спасибо тебе за хлеб-соль, нам пора и в путь. Науку постигать идем, в МТС на трактористов учиться. Месяца через два на стальных коней сядем, — сказал дядя Николай.

— Господи, неужто и ты на трактор сядешь, в твои-то годы?! — удивленно воскликнула Филипповна. — Молодые — куда ни шло, а тебе пора и на печку.

— Ну-ну, кума, ты не очень-то меня в старики записывай, я еще вон какой молодец. . .

Отогревшись, отведав блинов гостеприимной хозяйки, кременковцы приладили «сидоры» и снова вышли на холод.

До районного центра оставалось верст пять. Дядя Николай ускорил шаг. Больная нога Натальи давала о себе знать, женщина шла слегка прихрамывая.

На взгорье Наталья слезно взмолилась:

— Дядя Николай, не спешите так, моченьки нету.

— Есть сбавить шаг, товарищ бригадир! — шутиливо отрапортовал дядя Николай. — Тише едешь — дальше будешь. . .

— Болит нога-то? — спросила Наталью Галина.

— Замучилась я с ней. Дома хожу — ничего, а как целый день на ногах — спасу нету. . .

Идти стало легче. Ветер дул в спину, и мороз как будто ослаб. Вскоре из-за снежных берез показались бескрестные луковицы соборов бывшего женского монастыря. Пешеходы ускорили шаг. Не прошло и двадцати минут, как они уже входили во двор МТС на окраине Дивеева.

Улицы в утренний час были безлюдны, только у хлебного магазина с промерзшими кирпичными стенами гомонила живая очередь, протянувшаяся далеко, метров на тридцать. В очереди стояли старики и подростки, дули в кулаки, переминаясь с ноги на ногу. Мальчишки тузили друг друга, выбегая из живой цепи, шмыгая носами.

Расставшись со своими, Наталья направилась в райком партии. Шла тихо. Боль в вывихнутой ноге усиливалась.

Деревянное двухэтажное здание райкома, обшитое тесом и в незапамятные годы окрашенное в голубой цвет, стояло в старом монастырском саду, сразу же за высокой колокольней.

Постукивая о деревянные ступеньки промерзшими валенками, Наталья поднялась на крыльцо и с трудом от-

крыла обледеневшую по краям тяжелую дверь. В теплом коридоре остановилась, перевела дух. Сзади слышались мягкие шаги. Она обернулась и увидела поднимающегося по ступенькам Николая Ивановича Стешова — первого секретаря.

— Здравствуй, Наташа, рано ты приехала. Бюро приему будет заседать во второй половине дня, так что тебе ждать долго придется. Но уж коли заявилась, то заходи ко мне в гости, поговорим, посоветуемся о житье-бытье... Мы с рассвета в райисполкоме заседали, аж голова кругом идет. Трудности на голову как из рога избылиция сыплются... Везде нехватки, недостатки, а весенний сев на носу.

Он взял Наталью под руку, и они, пройдя по длинному, пахнущему чернилами и золой коридору, поднялись на второй этаж.

В небольшой, оклеенной пожелтевшими шпалерами приемной дежурил старый милиционер Севрюгин. С заspanным видом он неуклюже вытянулся и стал докладывать, что никаких происшествий за время его дежурства не произошло.

— Ладно, ладно, Тимофеевич, — перебил его секретарь, — я в курсе всех дел. Ты лучше сообрази нам чайку горяченького, а то вот наша бригадирша из Кременок вконец замерзла...

— Это мы мигом! — отчеканил простуженным голосом Севрюгин. — Сейчас вниз до кубовой схожу...

В кабинете первого секретаря Наташа бывала не раз. Возле стены под большим портретом вождя стоял небольшой квадратный стол с двумя телефонными аппаратами и горкой книг. Сзади него, впритык к стене, высился стул с резной спинкой. У стены с тремя окнами, выходившими в сад, находился другой длинный стол, для заседаний. У двери во всю длину — книжный шкаф с чуть провисшей, неплотно прикрытой дверкой.

Николай Иванович помог Наталье снять пальто, усадил ее в коричневое кресло к столу.

По всему было видно, что секретарь за последнее время еще больше устал. У седых висков часто бьется голубая жилка, лицо пожелтело.

Николай Иванович не спеша достал из кармана портсигар, свернул чуть подрагивающими пальцами сигарку.

— Зима видишь в этом году какая? — сказал он, глубоко затянувшись крепкой махоркой. — Боюсь, как бы сады не вымерзли. Такой зимы даже старики не помнят.

Николай Иванович подошел к окну и долго, молча глядел в заснеженный сад.

— Ну что там новенького у кременковцев, выкладывай.

— Да хорошего маловато, Николай Иванович. Люди письмоносца стали бояться пуще чумы. Похоронки, считай, каждый день приходят, только и слышишь — то тут, то там слезы. Горе, да и только.

— Да, горе, — вздохнул Николай Иванович, — всеобщее горе. У меня на прошлой неделе сына Вадима убили под Ленинградом.

— Ой, батюшки! — горько вырвалось у Натальи. — Что же это делается?

Она хорошо знала Вадима, большелобого красивого парня — инструктора райкома комсомола по физкультуре. Когда ходила в девушках, то тайно была влюблена в него. Ей вдруг вспомнилось, как несколько лет назад на первом этаже этого здания они проводили комсомольскую вечеринку. Наталья работала старшей пионервожатой в Кременках и была тогда членом бюро райкома комсомола.

В тот день после очередного заседания в кабинете первого секретаря собрались все райкомовцы. На улице лил скучный осенний дождь, по стеклам окон бежали извилистые струйки, сквозь которые просматривались искривленные стволы деревьев, туманные крыши домов.

Вадим, примостившийся на подоконнике, неожиданно предложил:

— Ребята, все равно на улице вечер и дождь, домой из нас никто не спешит, давайте будем петь песни? . . . Просто так, будем — и все. . .

Гриша Makeев, первый секретарь райкома комсомола, расстегнул верхнюю пуговицу своей пливовой куртки и как-то совсем по-детски протянул:

— А что, товарищи, это идея. . . Хоть, может, нам и попадет оттуда, — он указал пальцем на потолок, где на втором этаже размещался райком партии, — но судить ведь не будут. . . — И неожиданно для всех запел:

Там, вдали за рекой, засверкали огни,
В небе ясном заря догорала. . .

Песню подхватила вся комсомольская братва.

У Вадима был сильный, приятно тембра тенор. Он пел самозабвенно, как поют в юности счастливые, влюбленные в жизнь люди.

И вот Вадима не стало.

. . . Секретарь отвернулся к окну. Высоко и медленно поднимались его плечи, он крепко сжимал в пальцах маленький дымящийся окурок и не чувствовал боли ожога.

Молчание нарушил Тимофеевич. Широко распахивая дверь, он внес чуть прокопченный алюминиевый чайник.

— Вот, готово, Николай Иванович. Горяченький, как говорят, с пылу с жару. . .

— Спасибо, — поблагодарил Стешов, достал из тумбочки стаканы и маленькую скатерть лилового цвета, разложил ее на столе. Вынул пачку сахара-рафинада, налил чай.

— Вот теперь угощайся, — сказал он Наталье, — Тимофеевич заварить умеет. . .

Чай пах липовым медом. Но попить спокойно не удалось, настойчиво зазвонил телефон. Николай Иванович не спеша отставил стакан, поднял трубку:

— Слушаю.

По разговору Наталья поняла, что звонили из области и интересовались, как идет подготовка к весеннему севу.

— Вот видишь, и почаявничать не дадут, — сказал Николай Иванович устало, кладя трубку на рычаг. — Он подлил из чайника, спросил: — Что муж с фронта пишет? Как он там?

— Пишет, что воюет. Пока жив-здоров. . .

— Дома все в порядке?

— Да все будто ладно.

— А как дела в колхозе? О чем люди думают?

Наталья глубоко вздохнула:

— Что вам сказать, Николай Иванович? Похвастаться нечем, куда ни кинь — везде клин. Трудодень в этом году пустой, считай, люди за целый год для себя ничего не заработали. А когда Михаил Кузьмич разрешил колхозникам исполу картошку копать, чтобы она в поле

в зиму не осталась, так нашелся законник, наш завхоз, обвинил председателя во всех смертных грехах и прокурору письмо настрочил. А Михаил Кузьмич хотел сделать как лучше. Бабы тянулись изо всех сил, работали по-темному, а до снега всю картошку выкопали.

Николай Иванович улыбнулся:

— Знаю, знаю я эту вашу разинщину. Говорят, и стар и мал выходили в поле? Оно и верно. . . — Секретарь поднялся, прошелся по кабинету. — Людям надо что-то есть, чем-то жить. Война войной, а чтобы хлеборобы с голоду умирали — такого никто не может позволить себе.

Он остановился у окна, прикрыл хлопающую форточку, отхлебнул из чашки.

— Подружился Михаил Кузьмич с завхозом или до сих пор ладят, как кошка с собакой?

— Как вам ответить? — задумалась Наталья. — На людях все меж ними идет гладко, а вот чуется мое сердце — не любят они друг друга. Уж больно Матвей Иванович озлобил против себя весь народ! Законом пугает, придирается к каждой мелочи, а сам каждую ночь пьет до зари. Соседи сказывают, бьет он свою Зину чем попа-ло. На прошлой неделе на улице не показывалась, все лицо в синяках было. . .

— Да, дела как в плохой аптеке, — протянул Николай Иванович. — Придется самому к вам заглянуть. — Он заходил беспокойно по кабинету, ударяя за спиной рука об руку. — Кто бы мог подумать, что Матвей Иванович станет пьяницей? Никак не укладывается у меня в голове, черт знает что такое! . . . Наверное, семейная жизнь не удалась, вот и задурил мужик.

35

Щурясь от закатного солнца, Наталья медленно сходила по ступенькам райкомовского крыльца. Пять минут назад бюро утвердило ее кандидатом в члены партии.

Этот день для Натальи был одним из самых счастливых за все безрадостные дни войны.

Она медленно перешла площадь.

Разбрызгивая талый снег, навстречу из-за угла выско-чил карий райкомовский иноходец, запряженный в рас-писные касимовские санки.

Наталья свернула возле школьного забора к райма-гу. На стене магазина висел большой плакат: портрет русской женщины-матери, с поднятой правой рукой, креп-ко сжатой в кулак: «Родина-мать зовет».

Неожиданно Наталья встретила в коридоре магазина Петьку. Он стоял у подслеповатого окна и читал какую-то книгу. Наталья незаметно подошла к нему сзади, об-няла крепко за шею и поцеловала в щеку.

— Ой, Петенька, откуда ты взялся? Вот не думала тебя встретить!

— В райбиблиотеку книги пришел обменять, а заод-но в культмаг решил заглянуть. На прошлой неделе обе-щали мне «Степана Разина» Чапыгина оставить. Давно я охочусь за этой книгой.

— Счастье-то какое, Петя... Приняли меня, понима-ешь, приняли! Я так сейчас волнуюсь, что не верится даже...

— Поздравляю, — пожимая ей руку, сказал радостно Петька.

Вошли в универмаг. Но делать там было нечего: про-давщица сказала, что ситца нет и в ближайшее время не ожидается. Наталья предложила пойти в столовую, перекусить перед дорогой.

Районная столовка помещалась на втором этаже Дома колхозника. Здание было построено в незапамят-ные времена из толстых сосновых бревен под монастыр-ский Дом приезжих. Конопляная пакля в пазах меж се-рых бревен прогнила, и из-под нее проглядывали корич-невые прожилки мха.

Деревянная гармошка лестницы наверх раскачива-лась и скрипела под ногами. Тяжелая дверь в столовую оглушительно хлопала.

В просторном зале было многолюдно, до тошноты накурено. Пахло квашеной капустой, жареным луком. Среди посетителей находились военные, пожилые граж-данские люди в поношенных фуфайках и пиджаках. Было шумно, все о чем-то пьяно говорили. Две молоденькие официантки в белых передничках сновали между столи-ков с длинными жестяными подносами в руках.

Наталье и Петьке удалось отыскать свободное место за маленьким столиком у окна, выходящего во двор. Соседом по столу оказался рыхлолицый, длинноволосый человек, похожий на попа-расстригу. Он уже заканчивал немудреную трапезу, тщательно пережевывая каждый кусочек хлеба, каждую дольку картофеля из постных зеленых шей.

Кончив еду, достал из кармана долгополого серого пальто большой бордовый платок, вытер им усы и окладистую бороду, тихо крикнул, как хорошо насытившийся человек, и не спеша заговорил:

— Дух человеческий обретает силу посредством принятия пищи. Все немощные духом суть люди злые и высокомерные... Примером этому может служить Адольф Гитлер. Известно ли вам, молодые люди, что он, проклятый богом Адька, питается только травкой и корешками растений? Отсюда в нем процветают все пороки и нечистоты мира...

Петька с Натальей переглянулись. Незнакомец встал во весь рост, поправил на шее клетчатый шарф:

— Запомните, молодые люди, что это вам говорит сам Каро-Спыхальский, который имел честь петь в одной опере вместе с великим Шаляпиным... Да-с, друзья мои, так-то!

Он взял тяжелую палку с зеленым стеклянным набалдашником, стоявшую у стены, театрально выпрямился и важно зашагал к двери.

Наталья и Петька удивились. Ведь только подумать — человек жил во времена Шаляпина, ходил с ним по одной сцене, разговаривал с великим артистом, может быть, пил, ел в одном ресторане.

— Забавный старикан, — заметил Петька, — видимо, интересной судьбы человек...

Дверь в столовую шумно отворилась, и на пороге показался известный на весь район слепой осиновский гармонист Яшка Фокин, с поводырем, мальчишкой лет десяти.

Был Яшка ряб, с лицом морковного цвета, сутул и косячок, но как он умел играть на гармонии!

Издавна на самые богатые хлебосольные свадьбы, на массовые гулянья в округе всегда приглашали Яшку. Он был вроде свадебного генерала, и счастливцев с гордостью упоминал в разговоре:

— У нас на свадьбе сам Яшка играл!..

Сколько было Яшке лет — никто не знал. Еще девочкой Наталья видела его на свадьбе у сельского мельника Ефима Крупнова. Сколько с той поры прошло, а Яков почти не изменился. Только вот лицо, может быть, еще больше покраснело, да синеватые прожилки появились на толстом коротком носу.

Яшку наперебой стали приглашать к столам. Высокий военный первым подхватил гармониста под руку и усадил за свой стол по соседству с Натальиным. Другой военный, бережно взяв из рук Яшки гармонь, помог раздеться. Поводырь был усажен рядом с Яковым.

— Выпей, Яков, за наше здоровье, — сказал высокий. — И сыграй нам что-нибудь такое... Завтра опять на фронт!

Яков пил медленно, маленькими глотками, высоко запрокинув голову. На ощупь брал соленые огурцы, загодя поставленные перед ним мальчиком.

Военный поспешил налить ему еще, но Яша отодвинул стакан и попросил гармонь в руки.

Привычным движением вскинул на плечо ремень, расстегнул мехи и стал медленно продувать планки. Гармонь тяжело, по-человечьи задышала, выпуская сырой холодный воздух.

Петька пристально, с профессиональной ревностью следил за пальцами гармониста, за его выражением лица.

В столовой установилась тишина.

Яшка сделал несколько глотков из стакана, бережно, дрожащими пальцами ощупал, как живую, гармонь и, склонив голову набок, заиграл старинный вальс.

— Яша, сыграй «Барыню», — попросил один из военных, — плясать хочу, косточки размять надо...

Столы раздвинули к стенам. Образовался круг. Одноногий толстый буфетчик, он же и заведующий столовой, хотел было остановить плясунов, да куда там, его и слушать не стали. Он улыбнулся, проковылял за стойку и, махнув рукой, пробормотал:

— Валяйте... Все на войну спишем...

Военный плясал лихо, дробно стуча каблуками по половицам. По всему было видно, что свое дело он знает. Зрители со всех сторон подзадоривали его, хлопали в ладоши.

— Эй, держись, белый свет!

«Барыня» сменилась «цыганочкой». Плясуны один за одним выходили в круг, плясали самозабвенно, до одури. Гармонисту то и дело подносили. Он уже изрядно захмелел. Мальчик-поводырь отбирал у него из рук стаканы и плаксиво гнусавил:

— Дядя Яша, буде... Захмелеешь совсем, до дома не доберемся.

— Не мешай, Максимка, пусть люди веселятся.

И он опять растягивал мехи, опять его быстрые пальцы бегали по клавишам, а чьи-то ловкие, сильные ноги выбивали дробь на половицах так, что стоял звон в ушах.

... Наталья и Петька вышли из столовой вслед за захмелевшим Яковом.

После полудня мороз спал, и утих ветер. Наталья и Петька, выйдя за околицу райцентра и обогнув кладбище, пошли медленно проселочной дорогой на Рузаново. Прямо перед глазами расстилалась белесая равнина, уходящая к синему лесу. В полуверсте от дороги, на склоне пологого оврага, чернели избы небольшой деревеньки. Над снеговыми шапками крыш курились синие дымки. От деревни к лесу тянулась едва заметная дорога, обнесенная темными еловыми вешками. Из деревни на изволок медленно поднималась запряженная в сани лошадь. Наталья различала на розвальнях две маленькие фигурки. Выбравшись на ровную дорогу, лошадь от холода затрусила мелкой рысцой.

«За дровами едут, — определила Наталья. — Лес недалеко».

Девочка лет четырнадцати, укутанная в большой пуховый платок, в материнских тяжелых валенках и желтой шубенке, правила лошадей. Прислонившись к ней спиной, сзади сидел в огромной шапке-ушанке мальчик лет одиннадцати. Вместо кнута у возницы в руках был длинный тонкий прут. Время от времени девочка крутила им над головой, понукая лошадь.

Здесь, у маленькой деревушки, под серым зимним небом, эта бегущая лошадь с крестьянскими детьми, далекий синий лес и снежное поле показались Наталье несканно родными и близкими. Словно ощутила на своем лице дыхание родины, увидела себя в этой шустрой

девочке, увидела, какой была сама в двенадцать лет. До мелочей припоминался такой же зимний пасмурный день, отец, приехавший с базара верхом на только что купленной лошади (старый любимый Серко околел в тот год осенью, когда рыли картофель).

Новая лошадь гнедой масти выглядела картинно красивой. Округлый круп зеркально лоснился от сытости, острые уши чутко прядали от каждого звука, а ноги с тонкими белыми щиколотками все время беспокойно семенили на месте.

Вечером в тот же день отец, мать и она, Наташа, выехали за село объезжать новую лошадь, запряженную в легкие козырки, взятые для такого случая у кузнеца Матвея Ширяева. Обезд новой лошади — обряд торжественный. Надо узнать нрав лошади, ее резвость, послушность воле хозяина.

Выехали за околицу, куда вела накатанная безлюдная дорога.

Отец присвистнул, туго натянул ременные вожжи.

— Держись, родимые!

Он лихо свистнул, закрутил концом вожжей над головой, и Гнедко нехотя затрусил по скользкой дороге. Тонко запели, засвистели стальные подреза козырок.

— Давай, давай, Гнедой! — кричал отец, все чаще и ожесточеннее дергая вожжами. — Покажи свою прыть!..

Лошадь перешла на рысь. Она бежала как-то странно, высоко подбрасывая круп, неуклюже отталкиваясь задними ногами.

— Гнедко, грабят! — что есть мочи крикнул отец, стараясь напугать лошадь. Он иногда так поступал с Серком, и тот всегда при этом крике убыстрял бег.

Новая лошадь на грозные слова отца не обратила никакого внимания. Свистящий удар кнута разрезал воздух. Наташа так и не поняла, откуда в руках отца оказался кнут. Гнедко как-то странно подскочил, лягнул обеими ногами передок козырок и сразу перешел на размашистый галоп. Козырки застучали, забились из стороны в сторону, снежная пыль из-под ног лошади ударяла в лицо, слепила глаза.

— Отец, не гнал бы так Гнедого! — кричала сквозь ветер мать, прижимая к себе Наташу. — Не ровен час, разобьемся...

Не успела она закончить, как козырки высоко подпрыгнули, обе оглобли, словно по команде, выскочили из лыковых заверток. Отец, уцепившись за вожжи, слетел с облучка. Мать, падая вместе с козырками на бок, не отпускала Наташу и весь удар приняла на себя.

Гнедко, протянув отца на вожжах метров десять, застыл как вкопанный, испуганно прядая ушами.

Бросив лошадь, отец кинулся к ним, но, увидев, что те поднимаются невредимыми, рассмеялся.

— Вот черт! Рванулся как скаженный!.. Такого орла архангелу Гавриилу впору...

Домой возвращались легкой рысью. Гнедко, словно чувствуя себя виноватым, бежал резво, высоко подняв голову...

«Куда все это ушло? — думала Наталья, глядя сейчас на девочку в розвальнях. — Осталось где-то там, далеко-далеко, за мирной чертой, в детстве...»

Село уже зажигало огни, когда они доехали до Кременок. В зыбком полусвете вечерних сумерек неясно чернели стены домов, коньки фасадов, стволы деревьев, бани у пруда. Тихо было на улицах и в домах, тихо было и в пустынном поле, откуда они пришли. И только комариным писком звенела тоненькая ниточка проводов на придорожных телеграфных столбах.

Ранним утром, едва Михаил Кузьмич успел переступить правленческий порог, как раздался резкий телефонный звонок. «Кому это не спится в такую рань?» — досадливо подумал председатель. Но, услышав в трубке знакомый голос секретаря райкома, потеплел и удивленно-непонимающе спросил:

— Кого надо?

— Тебя надо! — ответил со смешком Николай Иванович. — Вот теперь убеждаюсь, что голова артели вместе с петухами встает. Чем порадуешь, председатель?

— Смотря о чем разговор пойдет.

— Ты, Кузьмич, резину не тяни, — откашлялся в трубке секретарь, — докладывай, как кременковцы готовятся к севу, все ли ладно с семенами, тягловой силой...

— Семян у нас хватит. Овса, вики, чечевицы засыпали с осени с запасом, на весь яровой клин. Сейчас заканчиваем провеивание и триеровку семян. Вот только с картофелем будет туговато... — Кузьмич перевел дух, думая, говорить или не говорить об этом. — Осенью план госпоставок пришлось выполнять за счет семенного фонда... План был вдвое больше прошлогоднего, но мы его выполнили, не подвели... Но вы не беспокойтесь, мы семена найдем. У колхозников займы из личных запасов попросим. Если надо — так, значит, надо, люди поймут.

— А как с кормами для скота? — спросил Николай Иванович. — До свежих трав дотянете или, как глуховцы, соломенные крыши начнете скармливать?

В трубке стало тихо.

— Нас, Николай Иванович, в этом году липовый лист выручает. Мы еще летом, в сенокос, догадались, что с кормами туго будет. Кликнули всех мальчишек и девочек на заготовку липового корма. А сейчас распаренный кипятком липовый лист и тонкие веточки коровы едят лучше сена.

Николай Иванович похвалил председателя за смелку и, извинившись, что его по другому телефону вызывает область, положил трубку.

Начинался обычный трудовой день.

36

В полночный час в окошко к Лизе Никольской постучала Авдотья Морозова. Рука в жесткой варежке была в замерзшее стекло настойчиво, нетерпеливо. Лиза недавно пришла с фермы и не успела еще толком отогреться на теплой лежанке, как раздался голос Авдотьи — глухой, испуганный.

— Лиза, скорее на ферму... Беда приключилась! Лебедка, рекордница, растелиться не может. Погибает корова!..

Лизу как ветром сдуло с печки. Быстро оделась и, сказав заспанной Нине, что уходит на ферму, выбежала на улицу.

— Ну что там, как? — спросила на ходу Лиза.

— Лежит в стойле, ногами сучит и стонет, как чело-

век... Мы с Марфушкой с ног сбились, не знаем, что делать... А подойдет — головы нам снесут. Корова — рекордистка на весь район...

Вскоре над оврагом в подслеповатом окне сторожки замигал желтоватый огонек ночника. В сторожку не заходили, сразу же поспешили в коровник.

В дальнем конце коровника в слабом свете фонаря виднелась маленькая фигурка Марфушки Сидоровой, худенькой девушки-подростка, помощницы Авдотьи. Заслышав шум открываемой двери, Марфушка с радостным криком бросилась навстречу:

— Тетя Лиза, отелилась Лебедка, вправду отелилась! Телок здоровый, белолобенький...

Лиза и Авдотья подбежали к стойлу, где на свежей соломе лежала измученная Лебедка, облизывая своего белолобого.

— Родная моя, умница,.. — Лиза опустила на колени и стала гладить корову меж рогов. — Намаялась, сердечная! Ну, теперь все кончилось, теперь все будет хорошо...

Лебедка ласковыми глазами смотрела на женщину и редко, тяжело дышала. Белолобый теленок, свернувшись клубочком, дремал от нежной щекотки теплого языка матери. Изредка по его влажному тельцу пробегала дрожь, и тогда он тыкался розовым носом в теплый материнский пах.

— Простудится он здесь, а к утру совсем захолонет, — проговорила тревожно Авдотья. — В сторожку надо его отнести.

В коровнике было холодно. Пазы стен и косяки ворот покрылись седым инеем. Иней висел и вверху, на клоках сена, свисающих сквозь жерди сушил.

— Я гляжу, а она... как вздрогнет, как заревет да закатит глаза! Страшно смотреть стало, — торопливо объясняла Марфушка. — А потом и он появился, маленький, белолобенький... Я так и назвала его — Белолобым.

Бережно, как малого ребенка, Лиза завернула в свою фуфайку теленочка, легко подняла на руки. Лебедка жалобно замычала, пугая соседних коров.

— Успокойся, милая, — ласково говорила Авдотья, глядя осунувшуюся, с проступающими ребрами корову. — Ничего с твоим Белолобым не случится. Ты са-

ки заметно не было. Люди языками чесали, а мы не верили.

Она положила теплую руку на лоб Лизы, покрытый холодной испариной.

Лиза порывисто и часто дышала, закрыв глаза. Вдруг волна резкой, отдающей в ноги боли выгнула все ее тело. Женщина крепко стиснула зубы и тяжело застонала. Напуганный, зашевелился у печки теленок, высовывая из-под дерюжки голову и стуча копытцами по полу.

— А ты расслабонись, расслабонись, голубушка, — успокаивала Авдотья, — боль-то сразу и утихнет... Не одна из нас мучилась, — видно, бабья доля такая...

Приступ прошел. Взгляд Лизы упал на ходики, висевшие в простенке. Стрелки опускались к двум часам. Она с ужасом подумала, как далеко еще до рассвета, как долго ей придется мучиться. Пришло на ум, что с рассветом все мучения кончатся, боли утихнут и она встанет на ноги.

«Как тускло горит лампа, совсем тускло, — подумала Лиза, когда отступила боль. — А Марфушка хорошо окрестила теленочка — Белолобый. Белолобый, белый лоб... А Николай ничего не знает, что я здесь мучаюсь. Милый мой, как бы я хотела, чтобы ты был рядом!.. А какая ладонь у Авдотьи мягкая, теплая... Только вот пальцы от дойки огрубели и немного царапаются...»

Резкие боли утихли. Тупая, ноющая тяжесть давила на низ живота и ноги. В голове посветлело. И только сейчас Лизу охватило волнение. Что-то завтра скажут люди? Вот уж дадут волю языкам, понесут по всему селу, как она, Лиза, при живом муже-солдате нагуляла себе ребенка, поступила, как самая что ни на есть последняя!.. Теперь следов не скрыть: знают Авдотья, Марфушка, скоро придет фельдшерица... А завтра все будет известно Михаилу Кузьмичу, правлению. Головушка моя разнесчастливая! Стыд-то какой!

За окном с новой силой забесновался ветер. Он врывался в раскрытые пустые бочки во дворе, заставлял их петь протяжными, тоскливыми голосами. Сквозь ветер в сторожку долетал лай собаки.

Стукнула шеколда сеней, и тотчас же вместе со свистом и ревом ветра в помещение вошли запыхавшиеся от быстрой ходьбы Марфушка и фельдшерица Римма Павловна.

Сбросив пуховый платок на плечи, не раздеваясь, Римма Павловна потеряла ладони, чтобы согрелись, и сразу же взялась за пульс больной.

— Когда все случилось? — спросила она Авдотью.

— Часа полтора назад. Теленочка, вон того бело-лобенького, несла и надорвалась... Кабы мы знали, что у нее такое, мы бы с Марфушкой его сами дотащили...

— В родильный дом надо, и немедленно, — осмотрев Лизу, сказала властно фельдшерица. — Марфушка, иди запрягай бычка, поедем...

— Тетя Авдотья, пойдемте со мной, — взмолилась Марфушка, — я одна с быком не справлюсь...

С трудом женщины вывели заспанного бычка из конюшни. У него была странная кличка — Баклан, приставшая к нему с легкой руки дяди Павла. Баклан упирался, дрожал всем телом на ветру и, громко кашляя и огфыркиваясь, брызгал холодными капельками пара в лицо Марфушке.

У саней он встал задом к ветру, упрямо закрутил лобастой безрогой головой и никак не шел в упряжку. Выбившись из сил, женщины еле одолели упрямого Баклана.

Лизу осторожно подняли с кровати, укутали теплым тулупом, вывели на холод, к саням.

Затемненным, без единого огонька, спало в эту ночь село. Высокие сугробы, пересекающие меж домами улицу, походили на гигантские волны, по которым, как утлая лодочка, то взлетали, то опускались сани.

Лиза по-детски жалобно стонала, корчилась от нестерпимой боли. Авдотья придерживала ее голову на своих коленях, тихо шептала:

— Потерпи, потерпи, милая, скоро все пройдет, обрадуется по-хорошему...

37

На рассвете Лизу, ослабшую, полуживую, привезли в районную больницу.

В это же утро по селу поплыли дурные слухи.

В складе, где женщины провеивали зерно, глотая теплую мышиную пыль, Манька Ботова, бойкая рябая девушка, стрекотала, ровно сорока на изгороди.

— И не говорите, бабоньки, никому не поверю, чтобы ребенок был от Михаила. Вон сколько времени прошло, как муж на фронте, а у Лизы живота никакого не было... Помните, под покров, когда на складе хлеб давали, как она мешки на плечах носила? Ни капельки не береглась!

— А бывает, живот и до родов незаметен, — попробовала заступиться за Лизу Фимка Сенягина. — Я вот про себя скажу: когда Петьку носила, так до самых родов и стирала, и варила, и холсты белила, и тоже никто не догадывался, что я на сносях.

— Не заступайся, Фимка.

— Все мы рожали!..

— Знаем, как под сердцем носить. Грех не скроешь...

У Волчихина колодца, как теперь стали называть колодец у дома Бугровых, в это утро встретились мать Николая Белова Настасья и ее давняя подруга, соседка Екатерина Рахтова.

— Слыхала новость? — нагнувшись к Настасье, заговорщицки прошептала Катя. — Что учудила наша фермерша?

— Краем уха слыхала, а толком не знаю.

— Лизавета трехмесячного скинула...

— Болтают бабы.

— Нет, не говори, Настя. Сама Шурка Дудорова проговорилась. А она врать не будет. Уж ей-то все известно. Она три года у Риммы санитаркой работает.

У Настасьи екнуло сердце. Она забеспокоилась, испугалась: «Неужели Лиза понесла от Николая? Муж Лизы с первого дня на фронте, любовь она в селе ни с кем не крутила до Николая. Если бы хоть что-нибудь она позволяла себе, то завтра же стало бы всем известно. В селе все видно, как нагишом, никакую болячку не скроешь... Ах, Коля, Коля, сыночек ты мой разьединственный! Как ответ держать на миру будешь?»

От колодца Настасья шла со звоном в голове, расплескивая воду из ведер, ничего не замечая вокруг.

«Слух по всему селу пойдет, бабы языки распустят... Николку осрамят перед всем народом, ни одна девка потом на него не взглянет... Лиза. Да ей что? Она замужняя, от нее, как от стенки горох, все отскочит... А что Николке делать? Ведь говорила я ему, кобелю, что до добра

не доведет тебя Лиза! А что, если Мишка на фронте узнает об этом? Вернется домой — скандал на все село будет».

Настасья опасалась за судьбу Николая и в то же время жалела его. Давно любит он Лизу. Никакой угрозой не вытравить ее из души сына. Крепко сидит она в его сердце, крепко и навсегда.

Но Настасья все-таки решила серьезно в это утро поговорить с сыном, отругать его. «Мирская молва — морская волна. Не слушался матери, теперь пеняй на себя... Сейчас я тебе, миленький, все выскажу, как на духу!»

Николай сидел за столом и ел жареную картошку.

Настасья молча поставила ведра с обледеневшими дужками на скамейку у шестка горячей печки, подошла к столу и, глядя в упор на сына, сказала:

— Догулялся, кобеляка! Заварил кашу, теперь сам расхлебывай...

— Мама, о чем ты?

— Будто не знаешь? Напакостил, а теперь ни в чем не виноват? Послушал бы, что на селе говорят!..

— В толк не возьму...

— А кто Лизку забрюхатил? Ты этого не знаешь? Доигрался, голубчик! — Настасья присела у стола и разрыдалась, уткнув лицо в ладони. — Женился бы, как все путные, никто бы о тебе дурного слова не сказал. Девочек вон сколько вокруг ходит, хоть пруд пруди. Любая бы за тебя пошла, только помани.

Смахнув концом платка слезы, Настасья заговорила уже отходчиво:

— А ты с замужней солдаткой связался... Чужло мое сердце, что все бедой обернется! Так оно и вышло...

... Наутро Николай сам поехал за почтой в район. На обратном пути решил навестить в больнице Лизу. Забежав в столовую, к знакомому повару Митьке Чукрееву, опорожнил с ним поллитровку водки и, наскоро закусив жареной телятиной, не задерживаясь, быстро погнал лошадь. Расстояние в три километра от райцентра до больницы по накатанной дороге проскочил мигом. Не заезжая в больничный двор, остановил лошадь у школы, рядом с больничным забором. Привязав Гнедого к забору и бросив ему сена, побежал в больницу. Боялся одного — встречи с кем-нибудь из кременковцев: не хотелось пока-

зываются на глаза односельчанам, давать лишний повод для сплетен.

Фасад больничного здания давно не ремонтировался, местами облупился, казался залатанным серыми заплатками. Из высокой четырехугольной трубы над заснеженной крышей легко взлетал в небо синеватый дымок. На водонапорной башне, стоящей у обрыва речушки, горлашили раздраженно, переругиваясь друг с другом, две вороны.

— Кши! — сердито махнул Николай на них, подходя к двери больницы.

С трудом отворил половину тяжелой двери. Несмазанные петли натужно скрипели. Посетители в коридоре оглянулись на Николая. К его счастью, никого из кремковцев здесь не было. Увидев в руках посетителей узелки со съестными припасами, стеклянные банки с маслом, бутылки с молоком, Николай понял свою оплошность: он не принес Лизе передачи.

Санитарка, тетя Глаша, подошла от столика к Николаю:

— Вы к кому, молодой человек?

— Мне... Мне бы узнать, — Николай залился краской, — мне бы узнать, как себя чувствует Лизавета Никольская.

Санитарка оправила на себе халат, не спеша пошла в конец коридора.

Томительно тянулись минуты. Николай отвернулся к окну и машинально откалывал пальцем намерзшие на стекле льдинки.

Вскоре тетя Глаша вышла из кабинета главного врача. Николай по ее глазам пытался определить, что она скажет.

— А вы кто такой ей доводитеесь? — осведомилась она, подходя к Николаю. — Муж или родственник?

— Двоюродный брат, — не моргнув соврал он.

— Операция прошла благополучно. Хотя хирургу Степану Андреевичу пришлось повозиться долго. Больная потеряла много крови... Сейчас, слава богу, все наладилось. Дня через два приезжайте, повидаться пустим.

— Спасибо, — буркнул Николай. — Я заеду на днях. Вы привет передайте, скажите, мол, Николай Белов заезжал, беспокоился о здоровье...

Нахлобучив солдатскую шапку на голову, поправив на лице повязку, он стремглав выскочил на улицу, забыв придержать тяжелую дверь. Дверь глухо ухнула, всполошив сидящих на башне ворон.

Ехал он до села неторопко. Лошадь не гнал. Жалость к Лизе душила. Хотел в Рузанове зайти в буфет, но раздумал. Под скрип розвальней он вспоминал обо всем хорошем, что было связано с Лизой. Гнедой под изволок затрусил мелкой рысцей, полозья чуть слышно запели. И такая несусветная тоска охватила душу Николая, что хоть в петлю лезь. Здесь, в дороге, он понял, что не жить ему без Лизы. Вошла она в его сердце крепко, навсегда.

38

В середине апреля, после крепких заморозков, неожиданно подули теплые южные ветры. С карнизных сосулек часто застучала капель, глянцевые сугробы меж домов осели, сделались ноздреватыми. Тяжелая наледь с березовых и тополиных ветвей со стеклянным звоном стала осыпаться на дороги и тропы, остро запахло вешней снеговой водой, пригретой корой деревьев.

А через три дня лед на Вечкинзе вспух, оглушительно треснул, закачался. Забились друг о друга, вставая на дыбы, с зелено-голубыми разломами льдины.

Начался ледоход.

Снегу на полях было много. Во всех оврагах и низинах буйно забушевали мутные ручьи, устремляясь в русло Вечкинзы. А река, которую куры летом вброд переходили, щедро разлилась, заиграла волнами, затопила нижние усадьбы, бани, стоящие на берегу пруда, а к полудню прорвала плотину и забушевала на просторе.

В конце огорода, у бани Бугровых, собралось полсела смотреть ледоход. Вездесущая ребятня, шлепая по лужам, перекрикивая друг друга, указывала на мчавшиеся по реке потемневшие обломки льдин:

— Смотрите, с пасеки ульи плывут!..

— Зайчиха с зайчатами на бревне, как при дедушке Мазае.

— Нюра, скорее неси багор, срубы Алешки Морозова плывут. Видите, бревна шлепаются?!.. Ловить будем.

Наталья со Светланкой стояли у самой стены бани, с солнечной стороны, и смотрели на ледоход. Солнце пекло по-летнему. Серые стены, пропитанные угарным дымом, источали гнилостный запах мха. Светланка, укутанная в большой материнский платок, в валенках с галошами, все время пыталась вырваться из рук матери, чтобы вслед за мальчишками спуститься к самой кромке воды.

— Куда вы, оголтелые, лезете?! — кричали на ребяташек взрослые. — Не ровен час оступитесь, поминай как звали...

— Эх, теперь плот бы сделать, так сразу в Волге очутиться можно! — кричал Семка Долин, курносый лобастый мальчишка лет семи. — Вот это было бы здорово!..

Во дворе Бугровых натужно мычала корова, словно стараясь перекричать грозный рев воды. Петухи, хлопая крыльями, взлетали на огородные плетни и горласто перекликались друг с другом.

Через неделю полые воды уgomонились, теплые ветры подсушили землю. Трудная зима осталась позади. В каждом доме корм у скота кончался, растягивали до теплых дней каждую охапку сена и соломы по былиночке. А теперь уж не нынче, так завтра скотину в поле погонят, на свежую зелень.

В один из апрельских вечеров за околицей послышалось бодрое гудение тракторов, дядя Николай, Галина и Санька вели машины на пахоту в родное село.

...С утра в доме председателя собрались сельские коммунисты. Их всего четверо осталось в Кременках — сам председатель Михаил Кузьмич, который опять занемог, председатель сельсовета Нюра Грабичева, председатель сельпо Яков Саушкин и молодая учительница Екатерина Яковлевна Лошманова, директор семилетки. Недавно в их число вошла и Наталья.

На улице было ветрено. Шел мелкий нудный дождь. Собравшиеся коммунисты ждали прихода Екатерины Яковлевны. У нее с утра был урок, и от школы, по скользкой дороге, на гору было трудно идти.

Но ожидать пришлось недолго. Вскоре во дворе хлопнула калитка и на ступенях крыльца послышались шлюпающие шаги.

Хозяйка дома — Екатерина Павловна — помогла молодой женщине раздеться у порога и провела ее в горницу. Веселая розовощекая учительница поздоровалась со всеми за руку, приветливо улыбаясь.

— А вот и я, — сказала она бойко, — небось заждались? Пришлось второй урок самостоятельным чтением заменить, прямо беда, учителей не хватает...

— Ну, теперь все в сборе, — сказал Михаил Кузьмич, — партийное собрание считаю открытым.

Откинувшись на гору подушек, он полулежал в кровати. Председатель еще не совсем оправился от болезни, врачи ему запретили покидать постель. Он достал со столика, стоящего рядом с кроватью, толстую тетрадь, развернул и не торопясь заговорил:

— Давайте обсудим сообща, как нам лучше и в самые короткие сроки провести сев. Есть у меня кой-какие наметки, вот послушайте. Может, кто-то не согласится с ними, кто-то дополнит новыми мыслями, как говорят: одна голова — хорошо, а две — лучше.

Михаил Кузьмич внес предложение, чтобы все коммунисты были закреплены за полеводческими бригадами и ежедневно следили за ходом сева.

— Каждая бригада, каждый трактор получают «фронтovou заказ», в котором будут названы конкретные цифры, сколько каждый пахарь, каждый агрегат должен засеять за день земли. Кто не выполнит план, того строго наказывать. Надо работать по-фронтovому. Сорвал план — не выполнил боевое задание.

Наметки Михаила Кузьмича всем пришлись по душе. Каждый из присутствующих, коренной селянин, с детства помнил извечную заповедь хлебороба: «Что посеешь, то и пожнешь». Сейчас ее можно было дополнить словами — как, в какой срок посеешь...

— Ученики школы тоже хотят работать на севе, — сказала Екатерина Яковлевна. — Старшеклассники пойдут прицепщиками, пятиклассники будут оформлять в бригадах доски Почета, уголки социалистического соревнования, выпускать молнии об итогах работы.

Перед уходом хозяйка дома угостила всех пенным, острым квасом. Яков Саушкин выпил кружку, громко крякнул:

— Хорош напиток, только градусов маловато.

— Это уже по твоей части, — шутливо сказала хо-

зьяка. — Поди, в магазине у себя в загашнике держишь белоголовую.

— Чего нет, того нет, уважаемая Екатерина Павловна, все резервы на проводы фронтовиков ушли. Красное — малость имеется. . .

В этот же день вечером в доме Михаила Кузьмича допоздна заседало правление колхоза. На правление были приглашены бригады, трактористы, кладовщики, работники сельсовета и сельпо, собралось человек тридцать. Лавок и стульев в доме не хватило, многие сидели на полу.

— Начинать сев будем с барского клина. Там места высокие, воды давно сошли, земля окрепла, — заговорил Михаил Кузьмич. — Начнут на двух тракторах Николай Степанович и Галина, а Саня со своим стальным конем отправится в Кардемань, на самый дальний участок. . . У кого будут другие соображения?

— Верно решили, Михаил Кузьмич, — вразнобой загудели присутствующие, — испокон веку сев так начинали, и всегда хорошо получалось. . .

— Управимся с основным массивом, трактора двинем к березнику на раскорчевку целины, — продолжал председатель, водя длинным сухим пальцем по плану колхозных угодий. — Смотрите, какое добро у нас пропадает, сколько гектаров заросло кустарником! А я хорошо помню, какая там вика с клевером родилась, — душа радовалась. Пропадать в наши дни такому богатству негоже. . . Там, почитай, гектаров пятьдесят наберется, да у Павловских кустов столько же будет. Вот вам и резервы!

— Не осилим мы все это, тягловой силы не хватит, — пробасил от порога кладовщик Семен Тишин. — Да и семян у нас в обрез. Ведь осенью государству подчистую все зерно сдали. . .

— Ты, Семен, не паникуй, — перебил его председатель. — Коров в плуги запряжем, а пустовать землям не дадим. Семена у государства до осени займы попросим, а весь яровой клин засеем. А теперь давайте лучше подумаем, как нам скорее закончить сев, и чтобы ни одна трудовая минута даром не пропадала. Наверно, придется ночами работать.

Гришуня Пухов, бригадир трактористов, сидевший у двери, попросил слова.

— Так вот, Кузьмич, я о чем хочу сказать, — начал Гришуня, как всегда долго и трудно подыскивая слова, — плоховато у нас дело с запасными частями. Куда ни кинь — получается клин. Из-за пустяшного болтика трактор может сутки простоять без дела. В МТС сколько ни обращался — один ответ: изыскивайте на месте. А что на местах найдешь? Ржавый серп да разбитую борону.

— Что ты, Григорий, предлагаешь?

— Надо, чтоб колхозные кузнецы по мере возможности и сил откликнулись на нужды трактористов. Ведь не боги же горшки обжигают. Кузнецы у нас с золотыми руками, блоху подковать сумеют, а болтик или гайку какую, к примеру, смастерить для них — плевое дело.

— Что верно, то верно, — поддержал Михаил Кузьмич бригадира, — Матвей Иванович, распорядитесь, чтобы кузнецы все заявки трактористов выполняли в первую очередь.

— Надо пошустрее да посмекалистее прицепщиков нам выделить, — обратился к председателю дядя Николай. — А уж мы будем трудиться не покладая рук... Правда, горячего у нас в обрез, туговато придется на больших перегонах с поля на поле...

Потом выступали бригадиры. Они рассказывали, кто из ездовых закреплен за лошадьми, кто будет готовить пахарям обед и доставлять его в поле, какое количество семян потребуется каждой бригаде. Заведующий сельпо Саушкин не то в шутку, не то всерьез предложил, чтобы, наряду со спичками и махоркой, организовать в поле торговлю ситцем, железоскобяными товарами. Раздался общий смех. На Якова замахали руками, со всех сторон послышались выкрики:

— Может, хомутами в поле торговать начнешь?!

— Женские рейтузы вместе с полушубками вези!..

— Да и наливочку неплохо бы на чистом воздухе...

Совещание затянулось далеко за полночь. Из дома председателя выходили шумно и сразу же тонули в сырой темноте. Нигде — ни огонька. Но в этой весенней ночи не было той звенящей зимней тишины, которая настораживает, заставляет прислушиваться даже к скрипу соб-

ственных сапог. Сейчас вокруг все шумело, булькало, ломалось, всхлипывало. Со всех сторон доносились скрипы, шорохи, вздохи. Остро пахло соломенной прелью дворовых крыш, конским навозом, дурманно тянуло от огородных плетней прошлогодней прелой крапивой.

Воскресным утром, в предрассветной редющей темноте, выезжали кременковцы в поле. Поскрипывали колеса телег, отрывисто фыркали лошади. А за околицей, у колхозных складов, уже гудели вразнобой тракторы, поднимая на ноги округу.

Участок ярового клина Натальиной бригады начинался от Самчихина оврага и простирался до самого березового отрезка. Земля эта издавна называлась барской, считалась самой плодородной в колхозе.

Деды рассказывали, что когда-то весь этот участок от большой дороги и до леса принадлежал барину Татищеву. С той поры так и осталось за ней название — барская.

Родное поле! Все крестьянские надежды и чаянья извечно связаны с ним. Едва только отбушуют весенним половодьем реки, закурится после зимней спячки синим дымком земля, запарует, а землешапка уже в поле. Подставив лицо теплему синему ветру, глубоко вдыхая терпкую горечь прошлогодней полыни, он всем своим естественным ощущает благодать весны, и такая хмельная радость заливает в эти минуты его душу, что готов он лечь на влажную парующую землю и целовать ее.

А потом поле покроется нежным малахитом всходов, залоснится на солнце. А позже начнет колоситься, буреть. Загрохочут над ним буйные июльские грозы, зазвенят ошалелые, прыткие ливни, и заволнуется, зашумит оно, словно море, вздыбится бурными волнами. Усатые колоски, как свечи, вначале потянутся прямо к солнцу, а затем, отяжелев от щедрых соков земли, станут клониться от тучных зерен долу.

Поднимаясь со дна оврага на зеленый пригорок, Наталья на ходу срывала на песчаной полянке сочные стельки мать-мачехи и, как в детстве, ела их, ощущая во рту холодноватую сладость. От оврага прямой проселок уходил в поле. Отощавшие за зиму грачи, шумно разма-

живая крыльями, переругиваясь друг с другом, летели через овраг к пластам свежевспаханной земли.

Наталья пошла проселком к плывущим по загону тракторам, стреляющим в небо кольцами синих дымков. Издалека увидела дядю Николая, важно восседавшего в своем рыжем телячьем малахае за рулем. Прицепщиком на агрегате сидел у него Гришка Пантелеев. Вслед за ним вела свою машину Галина с прицепщиком Ленькой Морозовым. У небольшого ставка возле бочек с горючим топтался Гришуня Пухов — бригадир тракторной бригады. Заметив идущую к нему Наталью, он неторопливо вытер мазутные руки о полу брезентового плаща, шагнул навстречу:

— Доброе утро, бригадир! Поздравляю с началом сева.

— Спасибо, Гриша, за хорошее слово. Как идут дела?

Парень поправил на переносице толстые очки, солидным басом заговорил:

— Начало хорошее, да боюсь, как бы оно плохим не обернулось. Горючего всего на два дня в запасе, а завтра вечером тракторы перегонять на Павловское поле надо. Сегодня с председателем звонили утром в МТС, хотели подводу за керосином послать. Отвечают — повремените, запарка, мол, получилась. Машина с горючим из Арзамаса на полпути где-то застряла, сами ее в райцентре ждут не дождутся...

— А может, к вечеру приедет...

— На воде вилами писано. У нас тут каждая минута на учете. Чуть сорвался — уже не наверстаешь.

Наталья присела на ящик у бочек, спустила платок на плечи и сорвала у ног маленький полынок.

— Весной пахнет, — сказала она, поднося к лицу полынок, — аж в горле першит.

— Теплынь началась, — пробасил Гриша, усаживаясь на бочку рядом с Натальей, — земля запаровала... Слышишь, как грачи раскричались? Они тепло чувуют... Если бы не было никакой загвоздки, то при такой погоде можно было бы вовремя с севом управиться.

— Как мои выдвиженцы-прицепщики трудятся?

— Гришай, мой тезка, — на высоте. Парень здоровый, смекалистый. Этот выдюжит. А за Леньку боюсь. Мальчишка ведь еще, силенок маловато, а загон неровный, за плугом все время следи да следи. На взгорье чуть замеш-

кался, не отрегулировал корпус, глубже взял, сразу песок наружу пошел, тут гляди в оба, не зевай.

— В полдень подмену пришлю. Маньку Ботову знаешь? Девка молодая, кровь с молоком, такая пятерых мужиков за пояс заткнет.

Гришуня улыбнулся:

— Давай присылай, нам такие и нужны. — Он выпуклыми близорукими глазами посмотрел на Наталью и неожиданно выпалил: — Скучаешь небось по мужу?

— Скучаю, Гришенька.

— Завела бы себе кавалера, тогда не скучала бы... Наталья рассмеялась.

— А где их, кавалеров-то, взять? Настоящие все на фронте, а на селе мелюзга одна осталась... Вот ты бы подошел мне, да уж больно жена у тебя ревнивая. Заведи с тобой любовь, так волос на голове не останется. Твою Анфису я давно знаю, в девках вместе ходили. Характер у нее крутой. Она тебя вон в каких ежовых рукавицах держит...

Гришуня заморгал белесыми ресницами, обидчиво выпалил:

— Все вы, бабы, такие. Нам, мужикам, с вами одна маета. Душите нас во как... — Он провел краем ладони по горлу, улыбнулся. Улыбка у него была детская.

Со стороны большака нарастало тарахтенье трактора. Вскоре на пригорке показалась и машина. Поравнявшись с бригадирами, дядя Николай заглушил двигатель, тяжело спустился с сиденья и, разминая ноги, подошел. Вместе с ним рядом очутился и прицепщик.

— Доброго здоровья!

— Здравствуйте, дядя Николай!

— Ну что ж, бригадиры, — разглаживая тыльной стороной руки усы, заговорил тракторист, — посмотрите на нашу работу. Огрехов не делаем, положенную глубину вспашки соблюдаем, бороздим лучше, чем на Сивке-бурке, и думаем завтра к вечеру это поле одолеть.

— Горючее, Николай Степанович, берегите, — предупредил Гришуня, — никаких холостых пробегов по заго-ну не должно быть.

— Мы с напарником порешили с первых минут экономить горючее, — дядя Николай указал на Гришу Пантелеева. — Об этом нам на курсах все уши прожужжали. понимаем, что к чему.

— Прицепщиком доволен? — спросила Наталья.

— Григорий дело знает да и мастер на все руки. Сегодня утром только тронулись, сразу же болт-сердечник у плуга полетел, почитай, как ножом срезало. Что делать? В село бежать, бригадира искать — время дорого. Был у меня в запчастях стальной шкворень. Мы с Григорием быстро его в дело пустили, поставили на место старого болта, закрепили, и не прошло и десяти минут, как мы опять приступили к пахоте. Григорий — парень смекалый. . . Только бы погода не подвела, а мы постараемся не подкачать. . .

Но, к сожалению, не все так пошло, как началось.

На второй день пахоты трактор Галины неожиданно застучал с перебоями, глухо чихнул и остановился посредине загона. Бригадира Гриши в поле не было, с утра сидел в правлении, добываясь для трактористов горячих обедов в поле.

Галина испуганно спустилась с сиденья, подскочила спереди к трактору. Тринадцатилетний прицепщик Ленка Морозов подбежал к ней:

— Али сломалось что?

— Ума не приложу, что могло случиться. Внутри что-то застучало, да так громко, что весь трактор как в лихорадке забился. . .

Галина замерила масло и горько охнула:

— Ой, что же это я наделала! Видно, подшипники поплавила. Вот тебе и сэкономила масло! . .

Остановив свой трактор, к Галине подошел дядя Николай.

— На перекур, что ли, стала? Или что поломалось?

— Наверно, дядя Николай, я подшипники поплавила, — заговорила плаксиво женщина, сморкаясь в конец платка. — Что-то мне теперь будет? Упекут в тюрьму как вредительницу. . .

— Подожди, не горюй. Может, ничего страшного нет, — утешительно сказал дядя Николай. — Ты пока дай трактору передохнуть, а бригадир придет — сам во всем разберется.

— Масла я недолила, во всем экономия проклятая виновата, — плаксиво протянула Галина.

— Погоди ты, не реви! Москва слезам не верит.

Дядя Николай вытер со лба пот, сказал прицепщику:

— А ты, Ленька, мигом беги в правление, сыщи Гришуню и скажи, что у Галины трактор что-то закапризничал. Да не болтай лишнего и не шастай где попало. Одна нога здесь, другая там.

Ленька сорвался с места и, спотыкаясь о комья свежеспашанной земли, побежал в село.

Скоро Гришуня с Натальей пришли к тракторам.

— Ну, что случилось? — спросил Гриша сердито Галину, берясь за заводную ручку трактора. — Так и месяц простоять можно. . .

Пригнувшись, он резко крутанул заводную ручку. Мотор надсадно чихнул и тотчас смолк. Поправляя на носу очки, Гришуня зашел сбоку к карбюратору.

— Поддай ключ, — попросил он Галину.

Через минуту его сильные, ловкие руки начали выкручивать одну из свечей.

— Вот где загвоздка, — сказал он с досадой Галине. — И чему только вас учили всю зиму! . .

Он достал из кармана брюк запасную свечу, ловко вкрутил ее на место и добродушно изрек:

— Эх ты, механизатор, без году неделя! Залей побольше масла, а то действительно подшипники поплавишь. — Вытирая о ветошь руки, он сказал стоявшей рядом Наталье: — Вот с какими кадрами приходится работать. Простых вещей в технике понять не могут!

— А ты, Гриша, не сетуй. Москва — и та не сразу строилась. Поднатореет баба. Ведь она, как узнала, что Игнат в живых остался, словно на свет заново родилась. Ты ее не брани. Работа — дело наживное. Дядя Николай тоже вон первый год сел на трактор, а видишь, каким героем держится? Что твой Чапаев. . .

Гриша, близоруко щуря глаза, посмотрел в ту сторону, где вел полем трактор дядя Николай, сказал:

— Запиши, бригадир, в свою сводку, что за двое суток около двадцати гектаров вспахали. А глубина вспашки тридцать сантиметров — полюбуйся.

— Пашут хорошо, свою же землю обрабатывают. Да только опасаясь простоев. . . А вдруг опять что-нибудь случится?

— За это, бригадир, отвечаю я, — Гришуня важно достал из кармана фуфайки кисет, стал сворачивать самокрутку.

Ясный день клонился к вечеру. В глубоком голубом небе величественно плыли груды вешних облаков. Земля паровала.

— С завтрашнего дня обед прямо в поле будут возить, — затягиваясь самосадом, сказал Гриша. — Продукты со склада уже выписали. Марфа Тюрина будет готовить, женщина она аккуратная, готовить умеет. . .

— Гриша, крутани, — попросила Галина, усаживаясь за руль.

Трактор тяжело вздохнул, тронулся с места. До блестя отполированные шипы колес вонзились в теплую землю.

Наталья пошла на отдаленный участок, где пахали лошадьми и быками женщины и подростки.

Петьку она заметила издалека. Парень шел, согнувшись над плугом, и что-то кричал библиотекарше Вале, ведущей в поводу по черной борозде быка.

В эту весну старшеклассников из школы отпустили на время весенних полевых работ. В Кременках никогда не пахали на быках, а в эту весну пришлось использовать и яловых коров и быков как тягловую силу. Петька выбрал себе самого что ни на есть норовистого бычка с морским названием «Нептун». Бык в борозде не слушался Валу, лягался в постромках, вырывался из рук, описывая по загону круг за кругом.

— Петя, передохните, — сказала ласково Наталья, подходя к молодым пахарям, — вижу, туговато дело идет. . .

Парень бросил плуг на землю, вытер со лба пот:

— Здравствуй, Наташа. . .

И по тому, как басовито и ласково произнес он эти слова, Наталья вздрогнула. Так говорить мог только Виктор, с таким же мягким оттенком в голосе.

Она на мгновение смутилась, чувствуя, как щеки предательски краснеют. Бросив держать быка за повод, к Наталье подошла Валя.

— Тетя Наташа, не слушается нас этот супостат, ни кнутом, ни пряником — ничем не проймешь, — сказала она, указывая на быка, — все норовит из борозды выйти. С утра бьемся, а трех борозд не прошли. Этак трудодня и за неделю не заработаешь. . .

Нептун, словно чувствуя, что разговор идет о нем, рванулся из борозды, потянул за собой плуг, кося на людей печальными глазами.

— Если ничего не получается, то сами не мучайтесь и быка не тираньте. Пусть он лучше воду в поле возит, и то толк будет.

— Как дела идут у трактористов? — спросил Петька, не зная, с чего начать разговор.

— Пока все хорошо.

Петька стоял перед Натальей рослый, сухощавый, с белесым пушком на верхней губе, с едва заметными веснушками на переносице. «Вылитый Виктор, — подумала Наталья, — и глаза так же щурит, и басок в голосе».

— Петя, пойдем со мной к балке, где ребята на лошадях пашут, а ты, Валя, отгони быка на ферму, нечего с ним мучиться. Пусть дядя Павел его с утра на воду поставит.

Наталья с Петькой пошли напрямик к Кучеровой балке, где виднелись идущие в борозде лошади. Мягкая, еще не успевшая отвердеть от солнца и ветра земля пружинила под ногами.

Путь им пересекал овраг. Наталья устало опустилась на пень старого дуба, вытянула ноги.

— Отдохнем малость, а то голова чтой-то от свежего воздуха закружилась...

На склоне оврага было тепло и тихо. Вербы на дне у ручья уже покрылись листочками, а гляцевитая краснота ветвей потускнела. Над зелеными пышными сережками с весенним гуденьем сновали пчелы.

Петька присел рядом с Натальей на молодую траву. Женщина ласково притянула голову Петьки на свои мягкие теплые колени, сняла с него фуражку и стала перебирать пальцами шелковистые пряди.

— Петя, тебе хорошо со мной?

— Пуще всего на свете...

— А почему?

— Сам не знаю...

Наталья провела ладонью по щеке парня. Петька зажмурился, почувствовав на щеке поцелуй.

— Голова у меня с тобой закружилась, — тихо заговорила Наталья, — чувствую, что без Виктора жить не могу, каждую ночь снится он мне и все время стоит перед

глазами. И ты мне все милее становишься... Это, наверное, плохо, когда сразу двоих любишь?

— Не знаю...

— Горе ты мое горькое... И чего ты только знаешь? Что мне делать с тобой?.. Люди скоро заметят, что не простая дружба у нас с тобой ведется.

— А ты не бойся, никто не узнает, — горячо заговорил Петька. — Нам вместе быть немного осталось. Скоро замены, а там на фронт уйду...

— Не говори о фронте. Один там сейчас смерти в лицо смотрит, и другой туда же тянется. Больно все это...

Оба замолчали. Залетевший лесной скворец пронзительно засвистел на ветке старого дуба, среди прошлогодней ржавой листвы.

Петька крепко сжал теплые ноги Натальи.

А через минуту он был уже на дне оврага, где у кромки желтого песка голубели подснежники. Быстро нарвал букетик и поднес обрадованной, раздурманенной женщице.

— Спасибо, Петя. — Она подскочила к нему, закружила около себя. — Глупенький мой, не смущайся, никто не догадается, что тебя замужня целовала...

— А я и не смущаюсь.

— Ух какой храбрый, настоящий задиристый воробей!..

В эту ночь Петька, несмотря на уговоры матери, долго не ложился спать. Ходил возбужденно по комнате, шептал про себя строчки нового стихотворения.

Ночью ему снились темные лесные озера, глухой шум бора и горячий, обжигающий шепот Натальи, зовущий в темную зелень...

Около двух месяцев Лиза пролежала в больнице. Выписали ее перед самой пасхой, в вербное воскресенье, когда в больничном саду бойко свистели длинноклювые скворцы, обживаясь в новых скворешнях. Приехали за Лизой на телеге дядя Павел и сестра Нина. По дороге домой Лизу знобило. Сестра все время укрывала ее ов-

чинным тулупом, придерживая на своих коленях ее легкую голову. Лиза заметно осунулась, побледнела, губы сделались синими, потрескались, а на высоком белом лбу отчетливо выступали коричневые пятна.

Лошадь плелась лениво, шумно посапывая ноздрями. Колеса по самую ступицу утопали в глубоких колеях, залитых мутной водой. Телега, словно лодка на быстрине, резко раскачивалась, вызывая тошнотворное головокружение. На глубоких ухабах Лиза судорожно хваталась руками за сестру, болезненно кривила губы.

День был солнечный, но с влажным холодным ветром. На полях снега уже не было, и только в оврагах, изредка подступающих к дороге, он серел зернистыми языками. Тонкие кусты орешника на склонах оврагов украсились длинными цыганскими сережками. Придорожные прозрачные лужицы дрожали солнечными бликами, до боли режущими глаза. Вдалеке, на горизонте, по-летнему билось, плясало стеклянное марево.

— Парует, кормилица, — проговорил по-хозяйски горделиво дядя Павел, — играет, как девка на выданье, рук людских ждет... Но, милая!

Он громко причмокнул губами, дернул вожжи, но лошадь и не думала ускорять шаг.

— Вот неладная худобина!.. Сколько ты ее ни погонай, все равно толку никакого. И как только земля таких непутевых лодырей терпит!

— А ты шибко не гони, — попросила Нина, — спешить нам некуда, к вечеру домой доберемся — и ладно...

Лиза, прислонившись к мягкому плечу сестры, задремала. В полусне ей показалось, что она сидит не в телеге, а плывет, покачиваясь, в лодке по разлившемуся Сатису. Это была ее первая весна после замужества. Вешние воды еще не сошли, но река уже возвращалась в свои берега, была прозрачной до самого дна, на котором проглядывались даже мелкие камешки.

Лодка легко скользила по течению. По берегам проплывали шатры цветущей черемухи, молодые ивы с желтоватой листвой. В воздухе кружились, словно мотыльки, крылатые семечки сосен, принесенные ветром с Крутой горы из бора. Над водой тут и там сновали комары-толкунцы.

Проплывая мимо столетнего дуба, посаженного, по преданию, на высоком откосе самим Емельяном Пуга-

чевым, Лиза и Михаил услышали песню дрозда, не спеша выговаривающего слова: «Чай пить, чай пить». Лукаво щурия глаза, Михаил проговорил:

— Может, заглянем на часок, если так просят? Глядишь, кроме чая чем-нибудь покрепче угостят...

Михаил стоял на корме, высокий, плечистый, с распахнутым воротом, и веслом направлял лодку по руслу. За обрывистым поворотом река разливалась, замедляя течение. Михаил положил весло на борта, низко наклонился над Лизой и тихо шепнул:

— Лизок, ты сегодня такая хорошая, ну прямо как в сказке королева заморская...

Она посмотрела ему в лицо и вдруг увидела, что рядом с ней в лодке не Михаил, а Николай.

— Как же это так? — сердце у нее испуганно забилося. — Коля, это ты? Откуда ты взялся? Ведь со мной рядом был Миша...

— Придумаешь тоже... Никакого здесь нет Миши, с тобой вдвоем мы с утра по реке плывем.

Лодку резко качнуло. Женщина схватилась за края челнока.

— Коля, что ты делаешь? Потонем! — вскрикнула испуганно она и тотчас проснулась.

Телега прыгала по кочкастому лугу. Дядя Павел направлял Мухтара в объезд к рузановскому мостику. Сердце Лизы билось часто, испуганно, на лбу выступил холодный пот.

— Прямо здесь через речку не переберемся, воды много прибыло, придется круг делать.

— Смотри, как лучше, — проговорила Нина, — потише поедем — дальше будем.

Лошадь стала взбираться по склону пологой балки, скользя подковами по молодой, еще не окрепшей зелени. Внизу, в зарослях орешника и мелких осин, гулко и буйно журчал ручей.

— Апрель — с водой, май — с травой, — заговорил дядя Павел, — травы хорошими будут, как пить дать...

Лиза прижалась к Нине, болезненно улыбнулась и чуть слышно прошептала:

— Ой, Нинуля, какой я сон про Михаила странный видела!

— Письмо жди. Может, он голос подаст, а Николай принесет тебе это письмо,

— Не придет он. Пропал, как в воду канул... Чует мое сердце, нет его в живых...

— Если бы что плохое случилось, сообщили бы из военкомата.

— А если и там ничего не знают? — сокрушенно сказала Лиза. — Нынче вон целые города рушатся, а человек, как песчинка, потеряется — и след простынет...

Телега поднималась на взгорье. Вскоре на горизонте показался старый ветряк, стоящий на околице села. И чем ближе подъезжали к родному дому, тем сильнее охватывало Лизу беспокойство. В голове вертелась назойливая мысль: «Что теперь люди скажут? Каким именем назовут... Все село, поди, знает, чьего ребенка скинула. Люди догадываются, что ребенка с Николаем нагуляла».

Подобные мысли не давали покоя ей и в больнице, особенно когда дело пошло на поправку. Теперь они совсем закружили ей голову. Лиза расплакалась, припадая к плечу сестры.

— Горе мое горькое, — рыдала она захлеб, до боли закусывая нижнюю губу, — что делать-то теперь?! Руки на себя наложу...

— С ума ты сошла, Лиза, — успокаивала сестра. — Выкинь ты из головы эту дурь! Никто тебя ни порицать, ни осуждать не станет. Колька тебе не чужой, любила ты с ним в молодости, женихом и невестой вас все считали... Чего тебе расстраиваться? Вон в Рузанове Полинька Ковалева от живого мужа со свекром жила в открытую. Муж ей письма с фронта каждый день слал, а она на глазах людей с его отцом миловалась... Главное, не волнуйся, плюнь на все суды и пересуды. Поправляйся скорей. Все твои подружки каждый день ко мне то в магазин, то домой забегали, спрашивали, скоро ли вернешься... Никто о тебе на селе ни разу дурным словом не обмолвился.

Нина гладила сестру по лицу, вытирая ладонью слезы со щек, ласково, по-матерински, успокаивала:

— Никто не осуждает тебя, хотят, чтобы опять ты была на работе...

От ветряка с поломанными крыльями дорога пошла под изволок. Здесь на взгорье дорожные колеи пообсохли от ветров. Телега покатила легко. Лошадь была запряжена в хомут без шлеи. Отполированные оглобли толкали на шею лошади хомут, она невольно ускоряла бег.

Дядя Павел обрадованно засвистел, крутя над головой кнутом.

При въезде в село, у родильного дома, Лизу встретила фельдшерница Римма.

— Ой, Лизынька, как я рада, что ты вернулась живой, здоровой! — всплескивая руками и обнимая Лизу, тараторила она ласково. — А мы тут уже заждались тебя... Побудешь с недельку, сил наберешься — и все станет на свои места. На ферме, чай, заждались тебя твои круторогие.

Лиза еще не успела переодеться с дороги, как в избу вбежала веселая, запыхавшаяся Наталья и кинулась к подруге:

— Лизок, роднуля... Ты дома? Вот радость-то! А мы тут уже все жданки переждали...

Наталья помогла подруге надеть праздничную темно-синюю шерстяную юбку, белую батистовую кофточку с кружевными оборками.

— Ой, Лизка, и похудела ты, и побледнела, а еще красивее стала, — поправляя на ее шее воротничок кофточки, тихо говорила Наталья. — Ну, прямо гимназисточка с картинки...

— Выдумаете же тоже, — чуть заметно улыбнулась подруга, — какая я красавица... Лицо как мел, щеки втянулись, как у старушки.

Нина, гремя ухватками в чулане, подогревала обед. Серая Мурка, соскочив с печки, легко вспрыгнула на колени Лизы. Тычась холодным носиком в подбородок женщины, ласково замурлыкала, отдавая домашним теплом.

— Родная моя, соскучилась, — приласкала Лиза кошку. — Вот мы опять с тобой дома, опять вместе...

Наталья принялась заплетать косу подруге.

— У нас тут что ни день, то новость, — торопливо заговорила она, — в работе разрываемся на части. Такой бешеной весны еще никогда в моей жизни не было... В поле одни мальчишки да женщины. Сама знаешь, какая у нас сила, а район требует: план, план!

Наталья сокрушенно вздохнула, поправила ленты в косе Лизы, положила ей руку на плечо.

Из чулана вышла Нина:

— Девчата, скорее к столу, ужинать будем. Сейчас я вас картошкой вареной с селедочкой угощу, пальчики облизете...

Лиза осторожно встала с кровати и, держась за плечо Натальи, подошла к столу. Голова от слабости кружилась, половицы плыли под ногами, черные рамки портретов на чулане сливались в одну линию.

— Ой, Наташенька, я, кажется, сейчас упаду...

— А ты дыши глубже, резко не двигайся, — учила Наталья, — вот так... Скоро все пройдет. Это от малокровия у тебя, ослабла в больнице, мало свежим воздухом дышала...

Нина вынесла из чулана дымящуюся деревянную миску с вареной картошкой.

— Пусть поостынет немножко, а я в погреб за грибами спущусь.

Не успела Нина подойти к двери, как в окно кто-то постучал.

— Эй, хозяйева, есть кто-нибудь в избе? — раздался сипловатый детский голосок письмоносицы Ксюши. — Письмо вам тут пришло, видно, сам Михаил Иванович знать о себе дает.

У Лизы все оборвалось внутри.

— Ой, что же это такое? — шепнула она испуганно. — Миша, родной, жив!..

Наталья глянула на подругу:

— Лиза, что с тобой? Тебе никак плохо?.. Тут радоваться надо, что живой муж голос подал, а на тебе лица нет!

Нина, громко хлопнув дверью, выскочила на улицу. Через минуту вернулась, держа в руках самодельный, из тетрадной обложки конверт.

— Письмо от Миши! — крикнула она с порога. — Пляши, Лизавета...

Дрожащей рукой Лиза взяла конверт, увидела знакомый почерк, строчки поплыли в глазах.

— Мишенька, родной, как долго ты не подавал весточки...

Прижав письмо к груди, она раскачивала головой из стороны в сторону, до боли кусая губы.

— Давай будем читать, — предложила Нина, — тут радоваться надо, а не слезу лить...

«Здравствуй, родная жена моя Елизавета, с горячим приветом к тебе твой муж Михаил. А еще шлю привет твоей сестре Нине, Наталье Бугровой, деду Дмитрию, бабушке Степаниде и всем родным и знакомым. Пишу я

тебе письмо из госпиталя из Саранска, из Мордовии. Это недалеко от нашего места, верст двести будет. Рана моя не опасная, глаза, руки и ноги целы. Зацепил меня немец осколком в левое плечо, врачи сначала хотели отнимать руку, но я не дал. И хорошо сделал. Сейчас рана почти зажила, и врачи обещают скоро из госпиталя выписать. Ранило меня под Харьковом. Два месяца пролежал в прифронтовом госпитале, а потом меня вывезли в Саранск. Шлю тебе отсюда уже третье письмо, а ответа все нет. Не знаю, что и думать, может, дома что случилось? Если на это письмо ответа не будет, напишу в военкомат, буду узнавать, что дома делается. Лежит вместе со мной в госпитале земляк Василий Ермаков из Балыкова. Он ранен в бедро, так же, как и я, осколком мины, но тоже поправляется. Если увидите его родных, то передайте им, что у него дело идет на поправку, хотя полежать ему долго еще придется, он к нам в госпиталь поступил всего с неделю...

Лизок, напиши, как вы без меня прожили с Ниной зиму. Наверное, померзли без дров. Ведь, когда я уходил, в доме почти не было ни полена. Врач мне пообещал, что если у меня все будет хорошо, то даст мне отпуск на недельку домой. Вот было бы хорошо увидеться. Пиши, моя дорогая, скорее ответ. Жду с нетерпением. Адрес госпиталя на конверте. Целую. Твой любящий муж Михаил».

— Лиза, милая, какая ты счастливая! — Наталья стала обнимать подругу. — Жив твой Миша, в гости скоро приедет, вот радость-то будет...

Лиза, смахнув пальцами с ресницы слезу, долго молча смотрела на письмо, горько кривя губы.

— Придет Миша, а у меня Николай. Как я в глаза обоим смотреть буду? Ненормальная я родилась, сама не знаю, что со мной творится. И Коля мне люб, и Михаила из сердца не выкину. Головушка ты моя горькая, запуталась я в трех сосенках и тропинки не найду!..

— Будет тебе, дурочка, расстраиваться, — сказала повеселевшая Нина. — Прочь письмо и давай ужинать. После ужина всем коллективом Михаилу письмо напишем. А сейчас все за ложки, с утра у каждого во рту ни крошки, поди, не было... Сейчас будут и грибки, и что-то остренькое к ним, для аппетита.

Вскоре на столе стояли в фаянсовой тарелке соленые грузди и розовела бутылка рябиновой настойки.

— Приберегла к встрече, — сказала Нина, наливая в рюмки. — Давайте, бабы, по маленькой на счастье, чтоб жизнь веселее казалась.

— Боюсь я пить, как бы хуже не было, — сказала виновато Лиза.

— От вина худо не бывает, — улыбнулась Нина, — ты немножко пригубь, закуси хорошенько. . .

Лиза выпила полрюмки, закашлялась. Женщины выпили по полной. Наталья скинула с головы платок, поправила косы, стянутые на затылке в густой пучок.

— В жар ударило.

— Давай, Наталья, еще выпьем, чтобы сердце согрелось, — предложила Нина.

Выпили по второй. Лица женщин раздумянились, глаза заблестели. Повеселела и Лиза. Она то и дело подносила руку к груди, где за кофточкой лежало письмо.

— Солдатки, давайте запоем песню, — предложила захмелевшая Нина, — душу отведем, на сердце легче станет. . .

— Ну что ты. Соседи услышат — бог весть что подумают, пересуды пойдут. . .

— Мы тихонько, вполголоса. А если и услышат, так пусть. . . Нам от этого ни слаще, ни горше не станет. Заводи, Наташа, нашу, любимую!

Наталья улыбнулась, выпрямилась и негромко запела:

На муромской дорожке
Стояли три сосны.

Сестры вполголоса подхватили:

Со мной прощался милый
До будущей весны.

Лизе сделалось хорошо. Верилось, что завтра, с восходом солнца, начнется для нее новый день, не такой, какой ныне, а самый настоящий новый.

И только глубокой ночью, когда во дворе пропели вторые петухи, Лиза вдруг проснулась от сильного толчка, словно ее подбросила на кровати чья-то рука, и думы, горькие, тягучие думы, нахлынули на нее и стали одна за другой беречь душу.

Любила ли она Михаила? Он был видным парнем на селе, взял, как говорят, и внешностью и умом. Высокий, статный, с льяным непокорным чубом, выбивающимся из-под фуражки, белолицый, с чуть заметными веснушками на носу, он нравился многим деревенским девушкам. В колхозе слыл лучшим плотником, выпивал в меру. Не одна рассудительная теща хотела бы иметь у себя в доме такого зятя. Когда Лиза с Михаилом поженились, подруги завистливо говорили: «Какое счастье Лизе привалило, надо же!.. Первого парня сумела заарканить».

До замужества Лизе Михаил нравился, как нравились ей другие хорошие парни села, она ничем не отличала его среди сверстников. Может, иногда дольше обычного танцевала с ним на вечерках, но ведь он так умел легко и лихо танцевать, что с ним и время не замечалось.

После свадьбы Лиза привязалась к нему, хотя порой и спрашивала себя: а любовь ли это? Уж больно шло в их отношениях все ровно и гладко, без сучка и задоринки. На доброту Михаила она отвечала добротой, на ласку — лаской. Но порой неугомонной, взбалмошной натуре Лизы такая семейная идиллия становилась в тягость. Хотелось закрутиться в каком-то неудержимом вихре, завертеть всех и вся вокруг себя, сделать что-то такое, чтобы Михаил обиделся на нее, накричал, чтобы она, резко повернувшись, бежала куда-то, а он догонял ее и просил у нее в слезах прощенья.

С Николаем было другое. Там от любви сердце ходуним ходило, а в часы разлада оба доходили до белого каления. Вот почему даже после замужества и тепло и приятно было вспоминать о заревых ночах, проведенных с Николаем, о его сильных руках, теплых ладонях.

Был бы у них с Михаилом ребенок, как у Натальи с Виктором, тогда бы, наверно, Лиза выкинула Николая из сердца и не думала бы о нем, непутевом.

Но этого не случилось. Вот и потянулась Лиза на старую любовь.

40

Михаил торопливо прыгнул со ступеньки вагона узкоколейки на деревянный, белесый от июньской росы перрон и, закинув повыше на плечо легкий вещевой мешок, быстро зашагал со станции к поселку. Тропинка петляла

по старой порубке между низко срезанных пней, убегала в гору, где, освещенные рассветными лучами, празднично золотились тесовые крыши леспромхозовских домов.

Утро было прохладное, тихое. Розовые дымки над крышами поднимались в небо.

У поселка встретилось стадо овец, серевших среди пней. Старик пастух с рыжим подпаском-мальчишкой сидели на пнях у тропы, завтракали. Пестрая ушастая собачонка, завидев Михаила, звонко залаяла, распугивая бродивших поблизости овец. Подпасок сердито крикнул на собаку, и она, поджав хвост и виновато повизгивая, завертелась у ног старого пастуха.

Михаил подошел, поздоровался.

— Передохни, служивый, покури, — пригласил старик. — Далеченько идешь?

— В Кременки, отец, направляюсь. Из госпиталя на побывку пустили...

— К родным, значит? — Пастух поднялся с пенька, подошел к Михаилу и протянул кисет с табаком. — Такое счастье не всякому выпадает. У нас в первую, ерманскую, прямо из госпиталей в окопы направляли... А теперь, вишь ты, домой пустили.

Михаил не спеша свернул сигарку. Глубоко затянулся и тотчас закашлялся. Самосад оказался крепким, обжигающим горло.

— Саранские корешки, прочищают грудь и кишки, — улыбнулся дед в седые прокуренные усы. — Я для крепости в табачок чемерицы подсыпаю. Ух, после этого голова звенит, что твой бубен!.. Сам-то чей будешь? Я ведь многих кременковских в лицо знаю, а тебя вот что-то не припоминаю...

— Майоров я. Михаилом зовут, деда Баглея внук.

— Постой, да ты никак Мишка Майоров, что в прошлом году в больнице полы перестилал?

— Он самый.

— Нечистый меня попутал, что я тебя с первого раза не признал. Теперь вижу — ты. В прошлом году вы с парником у моего соседа, врача Пивницкого, в поселке дверь в доме навешивали. Тогда еще мы вместе гуляли при зачине. Доктор нас до упаду спиртиком потчевал...

— Было такое, дед, было.

— Ждут, поди, дома-то? — Пастух вскинул голову и уставился на Михаила.

— Ждут, наверно. Из госпиталя я писал, чтобы готовились к встрече.

— Ну, с богом, иди, а то, поди, не терпится с родчыми-то встретиться...

«Не терпится!» Перед самой выпиской из госпиталя Михаил наконец-то получил долгожданное письмо от Лизы. Жена писала, что в доме все живы и здоровы, что ждут не дождутся его приезда. Окрыленный этой весточкой, Михаил стал настойчиво требовать, чтобы его поскорее выписали и разрешили хоть на денек заглянуть домой. «Чего я буду хлеб задарма государственный здесь есть да на госпитальной койке отлеживаться? — наседали он на врачей. — Рана уже зажила, самочувствие — дай бог каждому. Чужое место занимать на койке негоже. Их и так не хватает».

Врачи скрепя сердце согласились на выписку и разрешили заглянуть на денек-другой домой, но предупредили Михаила, чтобы тот берегся.

— Доктор, ничего не случится, — успокаивал Михаил своего лечащего врача. — У меня же двужильное сердце, а дома побуду — словно живой воды напьюсь...

Как-то он встретится с Елизаветой? Какие слова ей скажет?

Последние дни перед выпиской Михаил все время думал о доме. И вот он почти у цели. Еще час-другой — и увидит жену, вдохнет запах родного жилья. Михаил представлял, как они сядут с Лизой за стол, выпьют за встречу, потом она положит ему руки на плечи и будет долго слушать до слез в глазах его рассказы о войне. Потом он будет спрашивать, как она все эти дни жила без него, как скучала, ждала...

А вечером, счастливые, хмельные, они выйдут на тихую улицу прогуляться не спеша по селу, здороваясь с родными и знакомыми. Сколько будет расспросов, встреч!.. И опять он услышит над собой шелест тополей у окна, мычание вечернего стада и памятный с детства стук вальков у пруда, будивший его по утрам. А потом будет бессонная, долгожданная ночь на двоих...

В мечтах не заметил, как прошел по бревенчатому мостку через реку, поднялся в гору и очутился на старой лесной дороге с глубокими колеями. По сторонам тянул-

ся сосновый бор. На боковых полянках у дороги ярко цвели лиловые колокольчики, рдяно краснели головки клевера, выделяясь на фоне белых ромашек. Неугомонные дятлы гулко долбили железными клювами стволы сосен. Где-то далеко размеренно куковала кукушка. Солнце все выше поднималось над бором. Жара в лесу сгущалась, запахи цветов становились острее. Парило к дождю. В проеме деревьев над дорогой появились горы кучевых облаков.

Михаил расстегнул ворот гимнастерки, пошел быстрее. Эту дорогу он знал наизусть, мог с закрытыми глазами отыскивать все ее повороты, извивы, колдобины. Вот от этого ноздреватого стотонного гранита, выпирающего свинным хребтом из сухого мха, колея дороги раздваивалась. Прямо — путь вводил в село, влево — к Кошелихинскому кордону. Сколько раз Михаил и Лиза отдыхали на этом камне, когда ходили в лес по грибы! Он невольно замедлил шаг, чтобы отыскать возле камня хоть какую-нибудь приметку, напоминающую о старом добром времени. Но пырей, разросшийся вокруг, укрывал все. Да и сама лесная дорога показалась Михаилу заросшей, малоезженной, безлюдной. Вот идет он все утро по лесу и до сих пор не встретил ни одного человека. Все, как перед грозой, притушено, сглажено, окутано зноблящей тишиной.

Гроза не заставила себя ждать. Едва в просвете деревьев завиднелось поле, как удар грома, словно близкая орудийная канонада, резко прокатился над лесом. Бор вздрогнул, нестройно зашумел.

Выйдя на опушку, Михаил увидел во весь оком над полем синюю плотную тучу, медленно надвигающуюся с севера. Ее длинные рваные языки уже подступали к солнцу, угрожая вот-вот поглотить спящий диск. Листва деревьев, ржаное забуревшее поле — все застыло, притаилось в ожидании.

Громовые раскаты стали следовать один за другим, колючая острая молния то и дело дробила тяжелую тучу на части, оставляя после себя на мгновение черный след. «Быть тебе купаным под родимым небушком, — подумал радостно Михаил, — всю фронтовую накипь смоем, очистит душеньку».

Дорога шла по узкой полосе ржаного поля, отделяющего рамень от небольшого подлеска Мешихи.

«Добегу до Мешихи, а там на пасеке у деда Ивана Савосина грозу пережду, отдохну».

Свернув с дороги в забуревшую рожь, он побежал в подлесок к чернеющему частоколу елей. Стебли ржи цеплялись за ноги, синие васильки мелькали перед глазами. Неожиданно грузный перепел с фырканием выпорхнул из-под ног, метнулся в сторону. Сердце Михаила дернулось в испуге. «Фу, черт, напугал до смерти! — рассмеялся он, приостанавливаясь и вытирая закатанным рукавом пот с лица. — Так и родимец может хватить...»

Вспомнилось, что именно вот так прошлым летом, в грозовой день, бежал он по полю созревшей ржи на немецкие окопы. Это было под Молодечно, у небольшой белорусской деревушки со смешным названием Лопата. Так же надвигалась на поле темная туча, раздавались громовые и орудийные раскаты. Только вместо пчел над полем жужжали пули, и огненные вспышки мелькали чаще на земле, а не в небе. И точно так же из-под ног выпорхнул перепел и до смерти напугал Михаила. Он с улыбкой вспомнил, как плюхнулся тогда на землю, ожидая взрыва, а потом с досады выругался.

Едва успел Михаил вбежать в лес под защиту елей, как на землю вместе с оглушительным треском грома обрушился сильный дождь.

До пчельника было рукой подать. Раздвигая упругие ветки орешника, жимолости, колючки мелкого ельника, Михаил пошел к пасеке наугад.

Вскоре показались небольшой пруд, вырытый у забора пасеки, и тесовая крышка сторожки, выглядывающая из-за ограды.

Три года назад он со своей бригадой строил эту сторожку и возводил новый забор. Михаил тогда заметил в углу омшаника груды сухих липовых дуплянок, служивших когда-то ульями для пчел.

Он вынес одну из дуплянок на порог, тяжелым колуном с силой ударил в торец. Дуплистый чурбан легко раскололся на ровные половинки, и из него со звоном посыпались желтые монеты.

Михаил не поверил своим глазам.

«Дед Иван, идите сюда, я клад нашел!!!»

На шум прибежали от костра плотники.

«Ух ты, сколько золотишка! Теперь мы богачами станем...»

Михаил внимательно осмотрел половинки дуплянок и сразу смекнул, в чем дело. Видно, когда-то старый хозяин пасеки, сельский мироед Василий Грубачев, провертел в дуплянке буравом четыре глубоких отверстия и спрятал в них свое золотишко, накрепко заколовив его деревянными пробками.

На следующий день клад сдали в районную контору Госбанка, а на деньги, полученные в вознаграждение в выходной день закатали пир на весь мир...

Михаил улыбнулся, вспомнив об этом случае, и, дождавшись, когда дождь на мгновение притих, метнулся из-под липы в приоткрытые ворота пасеки.

Раздался басовитый собачий лай. Огромный черный пес, гремя цепью, кинулся навстречу.

— Свои, Шарик, свои, — ласково зашептал Михаил. — Чудак, не узнаешь?!

Скрипнула дверь сторожки. В темном проеме показался дед Иван.

— Кого там нелегкая в такую погоду принесла, ни дна вам, ни покрышки?!

— Свои, дед Иван, принимай гостей.

— Мишка, бригадир, никак ты?!

— Он самый. Собственной персоной.

— Вот так встреча!

Дед Иван обнял на крыльце мокрого Михаила, трижды расцеловал и прослезился.

Шарик тоже признал Михаила, умолк и сконфуженно побрел в будку, опустив голову.

— Ну-ну, будет тебе, старый, слезы лить, — успокаивал Михаил пасечника, — тут радоваться надо, а не плакать.

Михаил доводился дальним родственником деду Ивану, их семьи по престольным праздникам ходили издавна друг к другу в гости.

Ослепительная молния блеснула над пасекой, три тяжелых удара подняли над головой небо. Дождь усилился.

— Что же мы стоим на крыльце, Ероха-воха? — засуетился старик. — Скорей в дом...

В душном помещении пахло медом, вощиной, горелым трупом.

— Вот мы тут и обсушимся и отдохнем, — сказал дед Иван, вытирая ладонью мокрое лицо и волосы, — сни-

май, Миша, гимнастерку, выкручивай, а я сейчас все приготовлю к обеду. Я тут не один, у меня гость с утра сидит... Важная персона.

Сосновый некрашенный стол, длинная скамья у стены, высокая медогонка у кровати — вот и вся немудреная обстановка сторожки. Стол и скамьи Михаил делал сам, сам ставил и широкие косяки окон, навешивал дверь. На гладко оструганном подоконнике стояло ведро с водой, рядом с ним меховой дымогар.

За столом, в красном углу сидел захмелевший завхоз Матвей Иванович. Перед ним стояла откупоренная полбутылка пшеничной и миска с солеными огурцами.

— Мишка, черт! — рванулся Матвей Иванович из-за стола. — Откуда ты взялся?

Он пьяно облапил Михаила и стал целовать в колючие щеки.

— Вот так встреча, ёшь те дери, надо же такому быть, — бубнил завхоз. — Можно сказать, живой экземпляр с фронта, из самого пекла прибыл... Ах ты, Миша-Миша! — хлопал он гостя по оголенным плечам. — Да ты ли это?!

— Я, Матвей Иванович, собственной персоной, из госпиталя на побывку домой заглянул. Еле из Саранска до лесхоза добрался. Дороги забиты эшелонами, не поймешь, где пассажирский, где товарняк, как челноки снуют с запада на восток и обратно. А народу на всех станциях и полустанках — видимо-невидимо. Куда кто едет — не понять, вся Россия встала на колеса.

— Да, поднялась матушка-Русь, колокольного звона ждет. Близок тот день, когда сам Иван Великий задрожит медным басом, да-а-с.

Матвей Иванович засуетился, приглашая Михаила к столу.

Заметив на оголенном плече Михаила бледно-розовый шрам со впадиной у лопатки, Матвей Иванович привистнул:

— Эва, как тебяхватило! Считаю, полплеча с краем вырвало...

— Была бы голова цела, а остальное все зарастет, — отшутился Михаил.

Дождь еще пуще принялся барабанить по крыше домика, по листве, по нарядным ульям, выстроенным на

поляне перед окнами. Не стихая, перекатывались над лесом громовые удары.

— Надо выюшку закрыть, — кряхтя, потянулся дед к трубе, — а то еще молния залетит... У меня, брат Михаил, спина что твой барометр. Сегодня с утра поясницу ломило — и гроза не заставила себя ждать.

— А теперь пора и за встречу выпить, — перебил завхоз деда. — К столу, Иваныч, пожалуй, я только что пшеничную раскупорил. У деда огурцы соленьенькие уж больно хороши...

— Вчера Анютка, внучка, огурчиков принесла. Они прошлогодние, с запашком, как говорят, с загарцем, да ничего, есть можно.

— Дед, у меня в вещмешке сухой паек лежит, в госпитале на дорогу дали. Размок, наверное. Там и галеты, и колбаса, и сахар имеются.

Матвей Иванович разлил в граненые стаканы водку, встал над столом и торжественно изрек:

— Выпьем за доблестного представителя непобедимой русской армии — нашего земляка Михаила Майорова. Честь ему и слава!

Завхоз единым махом осушил стакан, смачно крякнул и, опустившись на скамью, принялся с хрустом есть огурцы.

Выпил и Михаил. Хмель сразу ударил в голову. Ослабевший от раны организм обмяк, все поплыло перед глазами, сердце застучало сильнее.

— Ну, землячок, рассказывай, как там наши воюют, как бьют гитлеровских супостатов? — Матвей Иванович выложил из кармана кисет на стол и принялся сворачивать сигарку.

— Бьем подлюгу, бьем, а сами все назад пятимся, — вставил изрядно захмелевший дед. — Мы в прошлую ерманскую так далеко от немцев не драпали. Ну, на первых порах отдали земли Царства Польского, немножко Вильгельм потеснил нас в Прибалтике. А потом, ёшь те корень, обозлились — и баста. Стали на месте, зарылись, как кроты, в родную землю — и ни шагу назад... Он бьет шрапнелью, а мы ему кукиш с маслом.

— Э, дед, ты не туда гнешь, — пробасил пьяно Матвей Иванович. — То было тогда, а то сейчас... Сейчас время другое. Гитлер силен, как бог, под его пятой вся Европа. — Матвей Иванович вскинул голову, в глазах

его загорелись огоньки, но тотчас же потухли. — В первую мировую Вильгельм разрывался на два фронта, основные силы он держал на западе. Поэтому, дед, вы и сидели в окопах да спокойно кормили вшей. Ведь из ста двенадцати германских дивизий, которые немцы выставили против России, перед вами в Восточной Пруссии было всего шестнадцать. Так воевать можно. Правду ли я говорю, солдат? — обратился завхоз к Михаилу. — Али нет?

— Истинную правду, — подтвердил захмелевший Михаил.

— То-то и оно... Какая стена может устоять перед такой лавиной? Никакая!.. Под Харьковом нас здорово гитлеровцы расколошматили, на днях оставили мы Крым, знать, не от хорошей жизни все мы делаем.

— Танков бы нам побольше да самолетов, тогда бы мы свернули Гитлеру шею, — Михаил скрипнул зубами. — Техникой он, гад, давит нас!.. Наливай, Иваныч, еще по маленькой, выпьем за упокой души Гитлера.

Не торопясь, разлили остатки водки по стаканам. Михаил, не чокаясь, выпил свою долю. Ему не терпелось узнать сельские новости.

— А теперь, Матвей Иванович, расскажи, как наши колхозники живут, как моя семья горе военное мыкает? Где Лизавета трудится?

— А разве ты не знаешь? Она у нас в начальстве ходит, фермой заправляет. Там и крутится день-деньской. Бабы — они народ двужильный...

Матвей Иванович замолчал, закашлялся, подвигая Михаилу свой стакан.

— Глотни еще, мне уже хватит. Хорошо она, распроклятая, под дождичек идет. Пей, на душе полегчает...

— Да у меня и так на душе весело.

От тяжелого удара грома вздрогнули стены. Железная кружка упала с ведра на пол и с грохотом покати-лась под кровать. Задремавший на лавке дед испуганно закрестился.

— Ой, господи, вот напугала-то, аж поджилки за-тряслись!

Дверь в сени была открыта, оттуда тянуло дождевой прохладой, а в сторожке все равно было душно.

— Писем я от жены не получал... Уж не болела ли? — задал давно вертевшийся в голове вопрос Михаил. — Может, случилось что в доме?

Матвей Иванович молчал, уставившись в пол мутными глазами.

— Сказывай, чего молчишь?

— Не хотел я тебе, Мишаня, встречу портить... Ну да слово из песни не выкинешь, не от меня, так от другого правду узнаешь. Шило в мешке не утаишь... Тут видишь какое дело... Нехорошее оно, дело-то... Баба твоя с истинного пути свихнулась, в открытую путается с Николашкой Беловым...

— Верно говоришь? — спросил Михаил, чувствуя, как в груди у него захолонуло.

— На селе об этом бабы языками чешут, — сказал завхоз. — Сам я, конечно, у ихней кровати в ногах не стоял.

Михаил выпил остатки водки, не закусывая. Смутное предчувствие, тревожившее, томившее всю дорогу, начинало сбываться. Ему не хватало воздуха.

— А может, люди и зря брешут, — долетел откуда-то издалека голос деда. — Бывает, что выдумают семь верст до небес — и все лесом. Расстраиваться рано. Надо самому во всем разобраться...

— Нет, дед, не брехня это, — утвердительно рявкнул Матвей Иванович, — чистая правда...

Дед что-то еще говорил, но Михаил уже поднялся и пошел к двери.

Дождь еще не кончился, а он шагал размашисто по дороге к дому, не замечая под ногами широко разлившихся луж, летящих на голову ледяных капель. В такт тяжелым шагам билось и сердце.

В поле, поднявшись на пригорок, увидел родное село, утопающее в зелени ветвей, освещенное солнцем. Остановился.

«А может, Матвей Иванович спяну зря все наплел? — успокаивал себя Михаил. — Надо самому все увидеть, во всем разобраться. Эх, Лиза-Лизавета!»

Свежий после дождя полевой воздух, голубое небо, темно-синяя стена леса, уходящая на запад, и с детства знакомые трели жаворонков над головой настраивали на мирный лад, выгоняли из сердца отчаянье и злобу.

«Ведь любила же меня Лиза, верно любила, ничего плохого я за ней не замечал! Все время мы были только с ней, и никто не вмешивался в нашу жизнь... Неужто разлука сломила ее характер? Но ведь последнее письмо было теплым, нежным, ничего такого не было заметно... Наверно, спьяну плел невесть что!»

Полевая дорога была скользкой, в колеях текли мутные ручейки. Двойная радуга, поднявшаяся над селом, упиралась одним концом в пруд, другим в синий лес.

Дождь прогнал всех людей с поля и усадеб в избы. Михаил был рад, что никто ему не встретился на пути,— боялся, как бы кто не посмотрел на него насмешливыми глазами, не намекнул о том, что он услышал от завхоза. По узкой тропинке конопляника спустился ко двору Авдотьи Морозовой, пересек безлюдную улицу и подошел к крыльцу родного дома.

Лизу увидел в огороде, у бани. В ситцевом платъице в голубой горошек, с полураспущенной косой, она развешивала на веревке белье. Жена показала Михаилу маленькой, худенькой, похожей на девочку-подростка. Она тянулась на цыпочках к веревке, расправляя складки на влажном белье.

В огороде с буйно разросшимися грядками огурцов, капусты, с джунглями густой крапивы у плетня не было, кроме Лизы, никого. В теплом и влажном воздухе стояла деревенская тишина, необыкновенная чистота — все, что в детстве навсегда западает в душу и снится на чужбине.

Михаил сбросил на ступеньки крыльца вещмешок, распахнул калитку огорода. В этот миг его и увидела Лиза, но стояла, не двигаясь, сложив на груди руки, смотрела испуганно и удивленно, рот по-детски полуоткрылся.

Михаил не понимал, не помнил,— идет он или стоит на месте. Вдруг Лиза рванулась к нему и с детским слезным плачем уткнулась головой в грудь.

— Миша, родной, радость моя! — задыхаясь, шептала она в слезах, тычась лицом в гимнастерку. — Наконец-то прибыл!..

— Вот он — я... — сказал растерянно Михаил, обнимая Лизу. Все то теплое, что он нес в своем сердце, что так долго берег там, в глинистых окопах, под ураганным артиллерийским огнем, все это вылилось в двух простых словах: — Здравствуй, родная!..

Он положил ей голову на плечо и заплакал, вздрагивая всем телом. Ему все еще не верилось, что он стоит у порога родного дома, обнимает любимую жену, что все вокруг — и эти тесовые скособочившиеся ворота, и полу-сгнившая серая солома крыши двора с озорным воробьем на ней, и старая береза у городьбы в черных, корявых заплатах — все было таким, каким он не раз представлял себе там среди грохота, в двух шагах от смерти. Худенькие плечи жены, ее выгоревшая на солнце каштановая коса, розовая родинка на шее у мочки уха — все было таким дорогим и близким, что даже не верилось, что где-то остались огненные дороги, холодные бессонные ночи, душная теснота госпиталя, пропахшая карболкой и хлорной известью.

Встреча была радостной, неожиданной. Сразу же позабылись злые наговоры на Лизу, услышанные от пьяного завхоза, улетели из сердца злоба и ревность.

— Что же мы стоим на улице! — всплеснула руками Лиза. — Пойдем скорей в избу. Чай, устал с дороги, умыться, отдохнуть надо.

Михаил пропустил ее по тропинке меж грядок вперед. Она шла тихо, легко ступая в прорезиненных тапочках по влажной земле. Полураспущенная коса на спине раскачивалась в такт шагам.

В избе все было как и год назад. Пахло вареной картошкой, золой от шестка, осиновыми дровами, сваленными горкой в чулане у печки. Так же мерно отбивали ход часы на чуланной перегородке, висела над столом семилинейная лампа (стол этот сделал сам Михаил три года назад из толстых липовых досок старой кладбищенской часовни, переоборудованной под сушку зерна). Словно никуда и не уходил Михаил.

Он не спеша развязал армейский мешок, выложил на стол консервы, размякшие пачки галет, сахар, махорку. Лиза стояла у чуланной перегородки и молча смотрела на мужа.

Михаил по-хозяйски вышел в сени, долго умывался. Потом вошел, вытерся домашним утиральником, висевшим на столбике у печки, сел к столу.

— Чего стоишь, Елизавета? Привечай гостя! — сказал он с усмешкой. — Не мешало бы при встрече и по маленькой пропустить.

— Я сейчас, я мигом, — засуетилась Лиза, словно очувшись ото сна. — Пока Нина на работе, мы перекусим, а потом обедать будем. У меня и водочка на радостный день припасена.

Выпили молча. Лиза только пригубила рюмку, а Михаил тремя глотками осушил граненый стакан.

Закусывать не стал. Положил руки на стол, поднял голову, глядя куда-то мимо Лизы. Долго молчал.

— Ну, а теперь рассказывай все по порядку... Как тут жила без меня?

Лиза вздрогнула всем телом, потемнела лицом. Глаза погасли, губы плотно сжались.

Михаил посмотрел на нее и все понял. Захолонуло сердце, тесно стало в груди.

— Садись, Лизавета, — указал он ей на скамью у стола, — поговорить надо... Наслышался я тут кое-чего.

— О чем говорить-то, — еле шевеля губами, прошептала Лиза, — ты, поди, сам все знаешь. Не хочу ни свою, ни твою душу бередить...

Михаил сжал до боли кулаки, так, что пальцы в суставах побелели, и крепко, про себя, выругался.

— Николка Белов?

— Да...

— Силой захватил, хитростью опутал? Или по доброй воле, сама пошла к нему?

— Все само собой как-то получилось... Не знаю, ничего не знаю...

— Почему писем не писала? Думала, в живых нету? А я — вот он!..

Михаил ударил кулаком по столу. Стаканы, тарелки, ложки подпрыгнули.

— От тебя вестей не было. Не знала, куда писать...

Михаил недоверчиво посмотрел на жену, сдвинул брови:

— Как не было вестей? Я же писал...

— Говорю как на духу... Ни одного письма от тебя не пришло. Вот только недавно из госпиталя получила...

— Я же почти каждую неделю писал! — сказал удивленно Михаил. — Куда же они могли деваться?! Ну, пусть часть на полевой почте потерялась, но ведь не все же пропали?..

— Не знаю. Дорога вон у писем какая...

Оба замолчали. Тихо стучали ходики, по улице с та-рахтеньем промчалась телега.

Михаил до ломоты в пальцах сжал край стола. Привстал со стула.

За окном раздался тоненький девичий голосок — кричала соседская девочка Нинка, привстав на завалинке, упираясь лбом в стекло:

— Тетя Лиза, мамка спрашивает — взаправду дядя Миша с войны домой пришел?

— Пришел, родная, пришел, — Лиза кинулась к окну, стала торопливо, дрожащими руками распахивать створки рамы. — Вон, видишь, сидит у стола, жив, целехонек...

— Здравствуй, дядя Миша! — весело сказала девочка, опираясь о подоконник веснушчатым личиком, обрамленным золотистыми волосиками. — Побегу мамке скажу, что дома, може, ты ей про нашего папку расскажешь...

Словно холодной водой окатили Михаила. Острая боль отхлынула от сердца. Он почувствовал, как в горле растет горький комок и слезы застилают глаза. Этот ласковый голос девочки, ее озорное веснушчатое личико вернули его в теплоту родного дома, к действительности, которая окружала его. Он посмотрел на чуланную перегородку с семейными портретами, на мирно тикающие ходики, на Лизу, печальную, обессиленную, стоящую у окна, и его охватила невыразимая жалость к самому себе.

Бутылку он выпил один, почти не закусывая. Но чем больше пил, тем меньше разбирал его хмель и тяжелее становилось на сердце. Он только тупел от водки, мысли в голове путались. То хотелось уйти одному в вечернее поле, то тянуло под старую иву к пруду. Зачем — он и сам не знал.

— Лягу на сеновале. Спать буду там, один... — буркнул он, поднимая тяжелую голову. — Пойду...

Он крепко спал на сушилах, на остатках прошлогоднего сена, и не слышал, как поднялась к нему по лестнице Лиза, как тормошила его, снимала с него сапоги, ремень...

Легкий ветер тихо раскачивал ветви яблони. Солнечный луч, пробиваясь сквозь листву, распадался на тысячи маленьких блестящих капель, и казалось, на землю летит солнечный дождь.

В выходной день Николай лежал в саду на раскинутой дерюжке под яблоней, закинув руки за голову. За расстегнутый ворот рубахи, в золотые курчавящиеся на груди волосы забежал муравей. Он щекотал тело, вызывая неприятный зуд, но было лень пошевелиться, чтобы прогнать насекомое.

Шагах в пяти от него, положив на лапы морду, растянулся пес Каштан. Собака внимательно следила за каждым движением хозяина. Ей было жарко, она часто и громко дышала, раздувая впалые бока.

Нагретый солнцем сад пьянил острыми запахами разнотравья, отцветающей смородины, вишневой коры. От кислотовато-сладких запахов заходило сердце, мелькали мысли о детстве, ландышевых зарослях в лесных оврагах, о длинных сладких дягилях, о земляничных полянах в березовых подлесках. Николая вдруг охватила неожиданная жалость к себе — не к теперешнему, а к тому далекому вихрастому пареньку с босыми, в цыпках, ногами, бегавшему с утра до вечера в отцовском малахее по окрестным лесам и балкам.

«Почему я так нескладно живу, — задумавшись, спросил он себя, — неужто нельзя по-другому свою жизнь повернуть? Надо сегодня же пойти к Лизе и обо всем договориться. Хватит нам свою любовь скрывать от добрых людей. Счастье в жизни трижды не дается. Первый раз упустил, второй раз поймал, так держи его крепко в руках. Нечего судьбу испытывать — третьего раза не будет».

Пес стал ласково тереться о плечо хозяина, тычась мордой в грудь, руки, шею. Его ореховые глаза были печальны, тихо и жалобно он принялся скулить, словно понимая душевную боль хозяина.

Николай обнял собаку, привстал с земли, заслышав из проулка голос матери, приглашавшей к завтраку.

Здесь, в саду, в это утро Николай как-то по-иному взглянул на свою бестолковую, несуразную жизнь. Где-то далеко шла война, его товарищи гибли в боях, недоедали,

недосыпали, а он проводит время в безделье. Ну что это за должность — почтарь? Да на этом месте каждая сопливая девчонка работать сможет. А у него голова на плечах и силушкой бог не обидел. Нет, надо ехать, бежать из этого омута куда глаза глядят! В Сибирь, на Урал, где строятся новые заводы, куется победа. Пусть на фронт не годен, но рабочие руки в тылу позарез нужны. Надо же кому-то делать танки, пушки, автоматы, снаряды. Бросит он эти Кременки и с Лизой махнет на Магнитку! На завод устроится, заживут семьей. Лиза добрая, любит его, она с ним на край света пойдет... Война век тянуться не будет, а когда кончится — люди спросят: что ты делал? Где был? Стыдно тогда будет в глаза людям смотреть...

Думы его оборвал Каштан. Пес насторожился и с вздыбленной шерстью рванулся в кусты.

В густых вишневых зарослях у бани послышалась тяжелая возня и сердитый лай собаки.

Вскоре из зарослей с диким визгом, припадая на правую ногу, выскочил пес. Вслед за ним неожиданно показался Михаил Майоров с тяжелой дубиной в руке.

Увидев его, Николай опешил. То ли от страха, то ли от неожиданности он побледнел, ноги сделались непослушными.

— Каштан, молчать! — крикнул он сипловато. — Марш на место!

Опираясь на дубину, как на посох, Михаил не спеша подошел.

— Привет, фронтовик! Как живем-можем? — выдавил он из себя сильным голосом.

— Живем — хлеб жуем, в чужие карманы не лезем, — бойко ответил Николай, оглядываясь по сторонам и быстро поднимаясь с земли.

— Чужую жену при живом муже обесчестил — и говоришь, в чужие карманы не лезешь? ..

— Елизавета мне не чужая, — зло буркнул Николай. — Я ее пуще всех на свете люблю...

— Но ведь она моя законная, сволочь ты такая! Мы там воюем, а здесь такие, как ты, наших жен брюхатят... Да за это! .. — Михаил шагнул вперед.

— Но-но... Не очень-то! — Николай попятился к ошестинившемуся псу, зализывавшему ушибленную ногу. — А может, это ты у меня ее отнял? — торопливо заговорил

он. — Я со школы Лизу любил и жениться на ней собирался, а ты взял и перехватил. Всю жизнь мне перекошил...

— Елизавета сама выбор делала, знала, за кого выходить. А уж ежели меня выбрала, тебе нечего на чужое счастье замахиваться... Мстить задумал, так мсти в открытую, а то нашкодил — и в кусты. А мне как с ней дальше жить? Как на людях показываться?! Ты понимаешь, гад?!

С поднятой дубиной он кинулся на Николая, но тот сумел увернуться от удара. Резко выбросив вперед тяжелый кулак, он изо всей силы толкнул Михаила в грудь. Тот болезненно екнул и вдруг неожиданно ударил лбом в грудь соперника. Под ногами Николая покачнулась земля, и он плашмя упал на траву.

— А, мать твою!.. — навалился на него всем телом Михаил. — Получай, сволочь! — И стал осыпать его тяжелыми кулачными ударами.

Каштан неистово лаял, бегая вокруг дерущихся, с трудом разбирая, где хозяин и где противник.

Мать Николая, услышав залиvistый лай Каштана, почуяла недоброе и засемила меж грядок к яблоням. Увидев катающихся по земле сына и Михаила, истошно завопила:

— Люди добрые, караул, смертоубийство идет! Милиция... Спасите!

Она схватила Михаила за волосы и стала оттаскивать от лежавшего навзничь сына. Из носа и рта у Михаила текла кровь. У Николая под обоими глазами красовались сине-багровые подтеки.

— Миша, никак это ты? — испуганно вскрикнула Настасья. — Дьяволы косолапые, что ж вы делаете друг с другом?! Эх, фронтовики!..

Противники сидели на выбитой траве, мутно глядя друг на друга.

Сплеывая, Михаил тяжело поднялся на ноги.

— Не орите, тетка Настя. Пусть не бегаёт, как кобель прилудный, за чужими женами...

Он повернулся, отбросив ногой в сторону дубовый посох, и пошел, тяжело ступая, через густой вишеник на конопляники.

Николай и Настасья настороженно смотрели ему вслед.

Не желая встречи с односельчанами, Михаил прошел домой прямо через огороды. Лиза, с лицом белее мела, встретила его у двери в избу.

— Ой, Мишенька, — сказала она сквозь слезы, — что ты наделал? Ты весь в крови...

— Не бойся. Не убил его... Не хочу свою жизнь губить из-за такого дерьма...

— Мишенька, милый! — женщина бросилась в чулан, вернулась с мокрым полотенцем.

— Ну-ну, будет! — проговорил Михаил, стирая полотенцем кровь с лица. — Достань бутылку и сооруди закусон. Перед дорогой посошок надо протянуть. Ухожу я сегодня...

— Как же это, Мишенька? И дома не побыл, и с людьми не встретился...

— Живы будем — встретимся...

Он прошел в сени, долго громыхал железной кастрюлей о кадушку с водой — умывался шумно, отфыркиваясь.

Лиза торопливо накрывала на стол. Трясущимися руками вытянула ухватом из печи чугунок с картошкой, спустилась в погреб за прошлогодними солеными огурцами и капустой, достала из подпола поллитровку пшеничной водки.

Михаил подошел к простеночному зеркалу. Долго разглядывал себя, не спеша одернул гимнастерку, сел к столу. Лиза, скрестив руки, с испуганным лицом стояла у чуланной перегородки.

— Садись к столу, Лизавета, чай, не в гостях!

Лиза присела на лавку напротив Михаила. Он налил два полных граненых стакана.

— Выпьем, жена, за встречу и за расставание.

— Не пью я, Миша, нельзя мне, слаба стала.

— Давай тогда чокнемся, а ты пригубь хоть немного...

Закинув голову, он выпил стакан одним глотком, закусил хрустящей капустой.

— Ну, жена, сказывай, как жить дальше будем?

Лиза, опустив голову, молчала.

— Чего затаилась? Сказывай, говорю. Вязать нашу жизнь будем одной веревочкой или узла нам теперь не связать? Разрезал Колька нашу веревочку, а в чьих руках концы — не отыскать.

— Не знаю я, Миша, — у Лизы на глазах выступили слезы. — Кому я теперь нужна обещанная?

Михаил опять потянулся к бутылке, налил полный стакан, но выпил наполовину. Хмель опять не брал.

— Эх, Лиза, Лиза... — Он зло скрипнул зубами, хотел ударить кулаком по столу, но кулак застыл в воздухе и медленно опустился на деревянную крышку.

— Ты не сердись, Миша, время покажет, что к чему. Время любые раны лечит.

Михаил резко поднялся, достал с бруса в чулане вешевой мешок, сунул в него полкаравая хлеба, три вареных картошки, пучок зеленого лука. Он торопился, руки дрожали.

— Может, удержишься на денек? — тихо попросила Лиза. — Или до вечера побудь, с Ниной толком поговоришь.

— Прощай, Лизавета. Жив буду — встретимся. А коли что случится, не поминай лихом... — Он подошел к ней, нагнулся, торопливо поцеловал в холодную щеку и убежал.

С крыльца долетели его тяжелые шаги. Не было сил подняться, посмотреть в окошко ему вслед.

42

Проснувшись поздно, Петька легко соскочил с кровати и подошел к полочке с книгами, на которой лежал аттестат об окончании средней школы.

Позади остались напряженные дни экзаменов, напутственные речи учителей и холодок грусти от расставания со школой.

На чуланной перегородке, в резной фанерной рамочке, он увидел на фотографии себя беловолосым первоклассником в коричневых скрипучих сандалиях, в белой рубашке-косоворотке с частыми пуговицами до пояса, с черным клеенчатым ранцем за спиной. Припомнилось острое, радостное восхищение светлым классом с его непередаваемым запахом очиненных карандашей, белыми листами линованной бумаги, разложенной на черных глянцевых партах, притихшими праздничными мальчишками и девочками. В тот первый день лучи

солнца вместе с шелестом тополиной листвы радостно врывались в раскрытые окна.

И вот все позади. Позади десять незабываемых школьных лет, волнения экзаменов, первые строчки сочиненных стихов, драмкружок, стенгазета, комсомольские вечеринки. Еще год назад казалось, что день получения аттестата будет неповторимым по своей торжественности, захлестнет неумным восторгом, заставит смеяться, петь, делать от радости бог знает что... Но сегодня все было обычным, будничным. Вручение аттестатов в школе прошло как-то торопливо, а выпускной вечер был не особенно веселым и окончился рано. Все выпускники уже к полуночи разошлись по домам.

В избе было тихо, тепло. На столе он увидел записку матери. Ее опять зачем-то вызвали в школу.

Наскоро перекусив, Петька вышел в огород: с утра солнечный день переходил в серый, дождливый. Из соседнего огорода послышался голосок Светланки:

— Бабушка, бабушка, я жука нашла. Золотого, с черными рожками... Ой, как он щекотно по ладони елозит!

— Смотри, палец откусит, — крикнула ей шутливо бабушка Степанида, — выпусти его на волю.

— Не откусит. Он же маленький, беззубый, — возражала Светланка, — я его в коробочку посажу, кормить травкой буду, а вечером маме покажу... Он у меня вырастет большой-пребольшой, как наша корова...

Услышав голос Светланки, Петька подумал, что надо своей радостью поделиться с Натальей.

Ему хотелось давно сказать, что любит ее светлой, окрыляющей душу любовью, которую таит от всех и самого себя. Волнение охватывало его всякий раз, когда он встречался с Натальей. С ней было всегда легко, радостно, как ни с кем другим на свете.

«Наталья еще не знает, что аттестат у меня на руках. Надо вечером пригласить ее в гости. Она тоже переживала все эти дни за меня, мои экзамены. Работы у нее невпроворот. С темна до темна — на ногах».

Дождь находил быстро. Первые капли застучали по огуречным шершавым плетям, синим листьям капусты, по листве деревьев.

Петька, запыхавшись, забежал в предбанник. Усевшись на сосновый чурбан, видел в раскрытую дверь, как

густая зелень деревьев тотчас скрылась в серой дождевой пелене. Сильнее запахло смородиной и черемухой. Меж грядок по канавкам побежали мутные ручьи, устремляясь к пруду.

Поле, дождь, мать, Наталья, друзья — все это скоро уйдет. Он, Петька, уедет на фронт, в новую жизнь, туда, где в огне и дыму сражаются старшие товарищи, близкие, родные.

Эта военная весна тянулась томительно долго для Петьки. Мать замечала, что он не находил себе места в доме, когда слышал плохую сводку с фронта, и догадывалась о его желании. К экзаменам сын почти не готовился, но сдал их все на «отлично».

«Скорей бы повестка пришла. А там я покажу, на что способен!..»

Вскоре дождь утих. На улице послышалось тараканье телег, тяжелый храп лошадей, чавканье копыт по грязи. Промокшие до нитки, люди возвращались с коля, ездовые торопили лошадей. Было слышно, как пригнали стадо, и улица огласилась ревом, блеянием. Мальчишки с кнутами в руках, промокшие женщины с подоткнутыми подолами бегали с криком по переулкам и усадьбам, загоня заблудших овец и коров по дворам.

«Мать скоро вернется, — подумал Петька, — пора идти в избу».

Засучив брюки и сняв с ног сандалии, он выглянул из предбанника и хотел было бежать домой, как вдруг в соседнем огороде услышал голос Натальи:

— Я мигом, мама! В предбаннике переоденусь во все сухое и тогда обедать будем! — кричала Наталья све-крови, отворяя калитку огорода. Вскоре Петька увидел мокрую с головы до ног женщину, идущую меж грядок с узлом белья к бане. Мокрое платье прилипло к телу, обтягивая грудь, плечи, круглые бедра, делая ее меньше ростом, стройнее.

Баня Бугровых стояла рядом, и Петька отчетливо слышал, как Наталья, сняв мокрое белье, плескалась в корыте, напевая про себя какую-то песенку. Потом шумно и долго одевалась, радостно охая и вздрагивая.

Из бани вышла в сером холстинковом платье с синим поясом, придерживая на груди распущенную косу. Под-

няв высоко подол, чтобы не замочить платье, пошла, пружиня шаг, к дому. У калитки огорода ее встретила Светлана.

— А вот и я, а вот и я,— затараторила девочка, хлопая в ладоши, — я от бабушки ушла, я от дедушки ушла и от серого волка ушла, а мамку нашла...

— Ты чего, егоза-стрекоза, по грязи топчешься? Хочешь опять, чтобы цыпки на ногах завелись?..

— Никаких цыпок от дождя не бывает, — ответила девочка. — Цыпки нападают только от снега.

Наталья с дочерью скрылась в сенях, а Петька вошел в избу. Делать ничего не хотелось. Выглянул в окно, улица была безлюдной, тихой.

Он взял в руки стоявшую на столике гармонь, сел на диван и заиграл «Сормовскую».

В сенях слышались шаги, вошла мать.

— Ну, сынок, чем порадуешь?

— Вот, мама, аттестат...

Дарья Егоровна взяла в руки аттестат, посмотрела оценки.

— Родной мой, радость-то какая!.. Вот и все. Вот и хорошо, — зашептала она сквозь слезы, — главную ступеньку в жизни ты перешагнул... Если бы не война, пошел бы в институт. А теперь жди со дня на день повестки. Но, как говорят, даст бог, все обойдется хорошо. Не воевать бы тебе, а учиться...

Смахнув незаметно слезу, Дарья Егоровна прошла в чулан и там захлопотала у столика, стуча ножами и вилками.

— Сейчас мы обедать будем, ты, наверное, проголодался с дороги?

— Да я уже перекусил немного. Картошки с молоком поел...

— К нам в школу инспектор приехал. Итоги года долго подводили. Кажется, все обошлось хорошо, коллектив аж благодарность заслужил.

Из чулана мать вышла с караваем хлеба в руках.

Петька сжал мехи гармошки, поставил ее бережно на диван, в угол, прикрыл платком.

— Сегодня опять сводку плохую за Севастополь передавали. Бои там ожесточенные идут, насмерть стоят наши люди, за каждый камешек дерутся, — проговорила мать, кладя хлеб на стол.

Взглянув на сына, она подошла к фамильному сундуку у чуланной перегородки. Петька знал — в сундуке хранились вещи отца, ее девичьи платья, кружевные кофточки, старомодные шляпы. Сундук открывался в особо торжественных случаях, и из него всегда пахло бриллиантинном, земляничным мылом, старыми духами.

Дарья Егоровна не спеша сняла с сундука коврик, подняла крышку. Сверху лежал новый аккуратно сложенный темно-синий шевиотовый костюм. Мать бережно взяла пиджак в руки.

— Вот тебе, сыночек, мой подарок в связи с окончанием школы, примеряй и носи на здоровье. . .

Петька обнял мать, закружился с ней по избе.

— Мама, родная, спасибо! . .

Он сбросил с себя лыжные шаровары, натянул прохладные, щекочущие ноги брюки, расправил пиджак на плечах.

Костюм пришелся впору, словно шился по заказу. В зеркале Петька отражался широкоплечим, стройным, возмужавшим, не похожим на самого себя. Мать всплеснула руками, грустно покачала головой:

— Мальчик мой, как ты вырос. . .

С улицы кто-то торопливо забарабанил в окно. Донесся сипловатый голос Карпуньки Стрельцова:

— Эй, дома кто-нибудь есть?

— Все дома, Карп Захарыч! — крикнул Петька, открывая створку рамы. — Почту, что ли, принес?

— Повестку тебе прислали, Алеха-воха, — заговорил, задыхаясь, Карпушка, роясь дрожащими старческими руками в объемистой кожаной сумке. — Сегодня сразу пятерым пришли. Твоим одногодкам Витьке Буртасову, Володьке Герасимову, Коле Шикину и тебе. Им я уже вручил, вот твоя напоследок осталась. . . Возьми и распишись.

Как давно Петька ждал этой минуты, сколько раз мечтал о ней! Но сердце забилося от какого-то непонятного испуга.

Как же это так? Завтра только один день дома — и в путь-дорогу. . . Здесь останутся мать, Наталья, дядя Николай, друзья, а он уже больше не услышит их голоса, смех? Еще один, всего один день — и он расстанется надолго со своим домом, с этими фотографиями на стене, с книгами, стоящими на полке, с гармошкой? . .

— Сынок, что же это такое?! — дрожащим голосом спросила мать. — Неужто все на самом деле? Как же я одна останусь?..

— Мама, не плачь... Время пришло такое, надо идти. Сейчас по всей стране одни женщины в домах остаются. Вон сколько солдаток на селе!

— Вот и я скоро солдатской матерью буду.

Серые сумерки выползали из углов, заполняя избу. В раскрытое окно вливалась вечерняя дождевая прохлада с густым запахом цветущих тополей, мокрой травы. Мерно тикали ходики на чуланной перегородке, и в лад им настраивал песню сверчок, невесть откуда залетевший под кровать.

— Надо самовар поставить, — засуетилась мать, поднимаясь с дивана. — Наталью с Лизой и Ниной покличем, посидим вместе вечерок. Негоже на проводах одним сидеть, гостей пригласить надо.

Дарья Егоровна зашла в чулан.

В новом костюме, в сандалиях на босу ногу Петька выскочил на улицу и метнулся к дому Бугровых. На соседском крыльце столкнулся с Натальей, идущей к колодцу с ведрами в руках.

— Ой, Петя, тебя и не узнать! — воскликнула Наталья, опуская ведра на пол. — Как тебе к лицу этот костюм...

— Мама подарила по случаю получения аттестата... Я за тобой, чтобы ты со Светланкой через часок в гости зашла... Сейчас пойду Нину с Лизой позову и за Валею в библиотеку схожу.

— Подожди, Петя, — приостановила его Наталья, — ты слышал новость?

— Какую? — настороженно спросил парень. — Что-нибудь случилось?

— К Лизе Михаил заезжал из госпиталя.

— Когда же это?

— Позавчера заглянул на денек и опять уехал на фронт. Узнал от кого-то, что Лиза с Николаем, — и дома не стал задерживаться. Лиза сегодня целый день плачет...

— Вот так история! — протянул Петька. — Это надо же. Побывать в родном селе — и никому на глаза не показаться...

— Гордый он. Позора не смог снести. Ты, Петя, обязательно пригласи Лизу, пусть обе с Ниной придут. Я воды домой наносу — сама к ней зайду...

Петька пропустил Наталью вперед.

«Сейчас ей сказать о повестке или потом, вечером? Скажу сейчас, пусть будет что будет».

— Постой, Наташа!

Она обернулась.

— Я только что получил повестку из военкомата... Послезавтра уйду на сборный пункт...

Глаза Натальи потемнели. Она медленно поставила ведра на мокрую траву, выпрямилась, откидывая пальцами влажную прядь со лба.

— Петенька, милый, как же так сразу?..

— Не знаю, — волнуясь, ответил он. — Карпушка только сейчас занес повестку из сельсовета... Все мои ровесники, кто школу окончил, тоже сегодня получили. Наконец-то дошла очередь и до нас! Ждали, ждали — и вот дождались...

Наталья опустила голову. Петька увидел, как из-под сомкнутых век у нее выступили две крупных слезинки и скатились по припухлым обветренным щекам. Она глубоко вздохнула, взяла в руки ведра и молча, не оборачиваясь, пошла к колодцу.

43

С утра новобранцы гуляли, ходили в гости друг к другу, нестройно пели под осипшую гармошку разудалые песни, целовались прямо на улице с девушками, знакомыми солдатками. К вечеру, уставшие, охмелевшие, собрались в переулке Бугровых, на бревнах. Ходила ходуном в руках Петьки гармошка. Пара за парой выходили в круг нарядные девушки, плавно кружились в танцах. Далеко окрест разносились задорные частушки.

В сумерках хоровод начал редеть. Пара за парой уходили от нарядной толпы и исчезали в темных переулках, палисадниках, огородах. К полуночи на бревнах остались слегка захмелевший Петька, Наталья и Лиза с Ниной да несколько подростков — мальчишек и девочек.

Вскоре утомленные Лиза с Ниной простились с Петькой и пошли в избу. Петька, отложив гармонь, шепнул сидящей рядом Наталье:

— Посидим еще немного? Ведь завтра этого уже не будет. Последняя ночь под кременковским небом...

— Почему последняя? — улыбнулась Наталья. — Таких ночей в твоей жизни еще много будет. Вот вернешься с фронта — и все так же будет.

— Когда-то это еще случится!

— Обязательно будет!

Наталья положила руку на плечо Петьке, потрогала его стриженую колючую голову.

— Чего же мы будем в такую ночь на бревнах сидеть? Поставь гармонь на крыльце — и пойдем за околицу, к Сионским горам, на родники. Давно я там ночью не гуляла, соловьев не слушала... Пусть люди говорят что хотят.

Молчаливой, безлюдной была улица под темными шапками столетних ветел. Петька с Натальей спустились к сонному пруду.

Пожарный сторож на колокольне пробил одиннадцать ударов.

Наталья шла впереди по еле приметной тропинке, вьющейся между зарослей плотных лопухов и глухой крапивы. По сторонам белели свечи дурманящей белены.

У пруда было прохладно. Петька снял с себя пиджак, накинул его на ходу на узкие плечи женщины. По гнущемуся мостику из трех тесин они перешли небольшую заводь в овраге и поднялись по пологому склону к полю.

Закатная заря не успела и к полуночи остудить свою позолоту, а небо покрылось стеклянной голубизной, излучающей невидимый свет. Серпик луны, почти незаметный, тускло блестел над Отрезком. Воздух был свеж и прозрачен, ржаное поле пахло тяжело налитыми полусозревшими колосьями.

Заросшая проселочная дорога тянулась к лесу, откуда доносился веселый свист соловьев. Среди ржи стало теплее. У оврага, в темных пиках елей, неугомонная зорянка насвистывала свою незамысловатую песенку. Скрипучие коростели передразнивали друг друга за прудом, в лугах.

Петька и Наталья шли медленно, держась за руки. Безлюдное ночное поле с бессонным криком перепе-

ла было чуть-чуть печальным и наводило светлую грусть.

— Петя, почему ты молчишь, тебе грустно?

— С тобой мне всегда хорошо...

— А с матерью, домом, родным краем грустно расставаться?

— И с матерью, и с домом, и с тобой. А на сердце какое-то... ожидание чего-то. Это, наверное, всегда так бывает, когда идешь туда, где ты нужен, где тебя ждут.

У оврага, в зарослях мелкого дубняка, запел дрозд. «Иди чай-пить, иди чай-пить», — звал он к себе подругу. И та вскоре откликнулась: «Пи-лип ты, пи-лип ты».

В овраге у родников стояла деревянная скамья, некогда сделанная дядей Павлом для отдыха идущих со стояла доярок. Наталья с Петькой сели на влажную от росы тесину, слушали, как, подмывая песок обрыва, булькают родники.

Петька взял руки Натальи в свои.

— Ты знаешь, о чем я думаю?.. Я, наверно, кроме тебя, никого никогда не полюблю в жизни, так и знай...

— Глупый ты... — Наталья прижала голову парня к груди. Стриженная его голова пахла росой, травами. — Жизнь большая, все еще изменится тысячу раз... Ты только возвращайся скорее живым и здоровым. Найдется и тебе девушка, которую полюбишь всей душой. А я уже стану старенькая и на вашей свадьбе свахой сидеть буду.

— А я до тебя никого не любил. В школе даже на девчонок не заглядывался. Все одноклассницы считали меня гордым, задавакой, а они мне не нравились, потому я с ними и не гулял.

Они долго сидели у студеных ключей. Бульканье ключевой воды на камнях походило на то, словно кто-то невидимый кипятил на костре чай.

Небо на востоке начало светлеть, принимать зеленоватый оттенок. Темные пики елей на верху оврага обозначались резче, туман в ложине сгущался.

— Петя, нам пора уже домой, тебя, наверное, мать заждалась, — сказала Наталья, приподнимаясь со скамьи. — Дай я напоследок тебя поцелую... А теперь пойдем. Тебе последние часы надо с матерью побыть. Мы и так долго засиделись, Дарья Егоровна обидеться может...

Обратно шли лугом. За прудом, у конного двора, кто-то уже возился у трактора, звонко ударяя ключом о железо.

— Это дяде Николаю не спится, — проговорила Наталья.

На подъеме к огородам они услышали пастуший рожок на Боташевой улице.

— Ой, Петенька, уже коров выгоняют! Загуляли мы с тобой, что дома скажут?!

— Покаемся во всех грехах. А повинную голову меч не сечет. . .

Мать встретила Петьку на крыльце. Она сидела на ступеньках в каком-то полусонном оцепенении, подперев рукой голову. Увидев сына, обрадовалась.

— Петенька, где ты так долго был? — спросила она, припадая к его плечу.

В сени из раскрытой избы пахнуло теплом. В зыбком полусвете отчетливо были видны стол, стулья, ходики на стене, полка с книгами.

— Сынок, ты выпей молочка и приляг, отдохни перед дорогой. . .

Петька напился в чулане прямо из кринки холодного молока, быстро разделся и растянулся на мягкой постели. Спать не хотелось. Он закинул руки за голову и стал думать о дальней дороге, суতোлке сборного пункта, о том, что ему готовит сегодняшний день. Мать подошла к кровати, пододвинула стул:

— Сынок, ты не спишь?

Она положила теплую ладонь ему на лоб и стала гладить щеки, подбородок.

— Когда твой отец умирал, тебе не было и девяти лет. Он ездил в Нижний по школьным делам и там простудился. Это случилось как раз в тот год, когда Нижний Новгород переименовали в Горький. Приехал отец из города весь в огне. Дышит тяжело, глаза кровью налиты, блестят лихорадочно. Ночью метался в постели, а к утру пришел в себя. Приподнялся и так тихо говорит: «Не жилец я, Даша, на этом свете. Чую, сердце останавливается. Береги сына, воспитай его настоящим человеком. . .»

Мать умолкла, прислушалась, не спит ли сын.

— Всю жизнь я старалась выполнить этот его наказ. Как могла, берегла тебя от всего плохого, наносного, что пристаёт порой к человеку. Сейчас ты уходишь из дому, идёшь туда, откуда многие не возвращаются, уходишь, не узнав и не испытав, что такое жизнь... Иди, сынок, я буду ждать!

Слова эти мать повторила и в полдень на большой дороге, у Павловских кустов, в последнюю минуту расставания с сыном.

Год назад на этом самом месте сельчане провожали первых мобилизованных. Как будто ничего и не изменилось с тех пор: так же шумели на обочине екатерининские густые березы, так же щедро росли у тропинок жилистые подорожники. Как и год назад, шофер, только теперь уже не Филипп Ботов, а шестнадцатилетняя девчушка Таиса Киричева, — несколько раз подавал гудки, торопя провожающих. Но было в этих проводах и другое: на всем лежала будничная деловитость. Не слышалось разудалых песен, не было шумных танцев, криков неугомонной детворы. Новобранцев и провожающих было мало. Толпа разбилась на маленькие группки, и все стояли поодаль друг от друга, говоря прощальные слова. Женщины плакали, утирая фартуками слезы, призывники храбрились, старались казаться старше своих лет.

Под старой морщинистой березой Петька стоял в окружении матери, Натальи, Нины Никольской. Перед самым отъездом с дальнего загона прибежали Галина и дядя Николай.

— Петруха, давай на прощанье поцелуемся, — сказал дядя Николай, разглаживая тыльной стороной ладони прокуренные усы, — а то и тебя и нас с Галиной время торопит. Оставили мы свой трактора в борозде без присмотра, как бы они в лес не махнули. Да и бригадир вон на нас косится...

Дядя Николай посмотрел на Наталью и хмыкнул в усы. Затем крепко обнял Петьку, трижды поцеловал, прослезился.

— Прощай, сынок, да хранит тебя господь!..

— Петя, давай и я с тобой поцелуюсь, — улыбнулась лесничиха. — Может, встретишься с моим Игнатом, поклон ему передай, скажи, мол, так и так... жду его с нетерпением.

Дарья Егоровна положила руки на плечи сына и сдерживая слезы, нежно сказала:

— Иди, сынок, пора... Я буду ждать. — Припала головой к груди сына и молча стояла, слушая, как бьется его сердце.

Наталья плакала, стоя рядом с Петькой.

— Тетя Даша, да что же это такое? Год назад Виктора проклятая война отняла, а теперь и Петьку забирает... Когда же все это кончится?!

Машина тронулась. Новобранцы, стоя в кузове, подняли над стриженными головами фуражки, нестройно замахали. Поплыли назад придорожные березы, закружились полевые кусты.

Толпа провожающих с платками, фуражками в руках отдалялась, становилась меньше. Петька уже с трудом различал мать и Наталью, стоящих у березы на хохомике. Вскоре все скрылось за холмом, и теперь в конце поля бежал и бежал за машиной березовый Отрезок; в гонку за ним медленно плыла рамень с темными вершинами сосен. Но вот отстали и они...

Машина увозила парней в горячий июнь сорок второго года, в триста шестьдесят шестой день войны